

А. Р. Пшелко.

Ш 267.844.

ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ

ИЗЪ ЖИЗНИ

бѣлорусской деревни.

Издание II,
вновь пересмотрѣнное и исправленное авторомъ.

ВИЛЬНА.

Типографія «Русскій Починъ», уг. Виленской ул. и Богадѣльнаго пер. д. Одянца № 25.

1906.

Дозволено цензурою 9 марта 1905 г. Вильна.

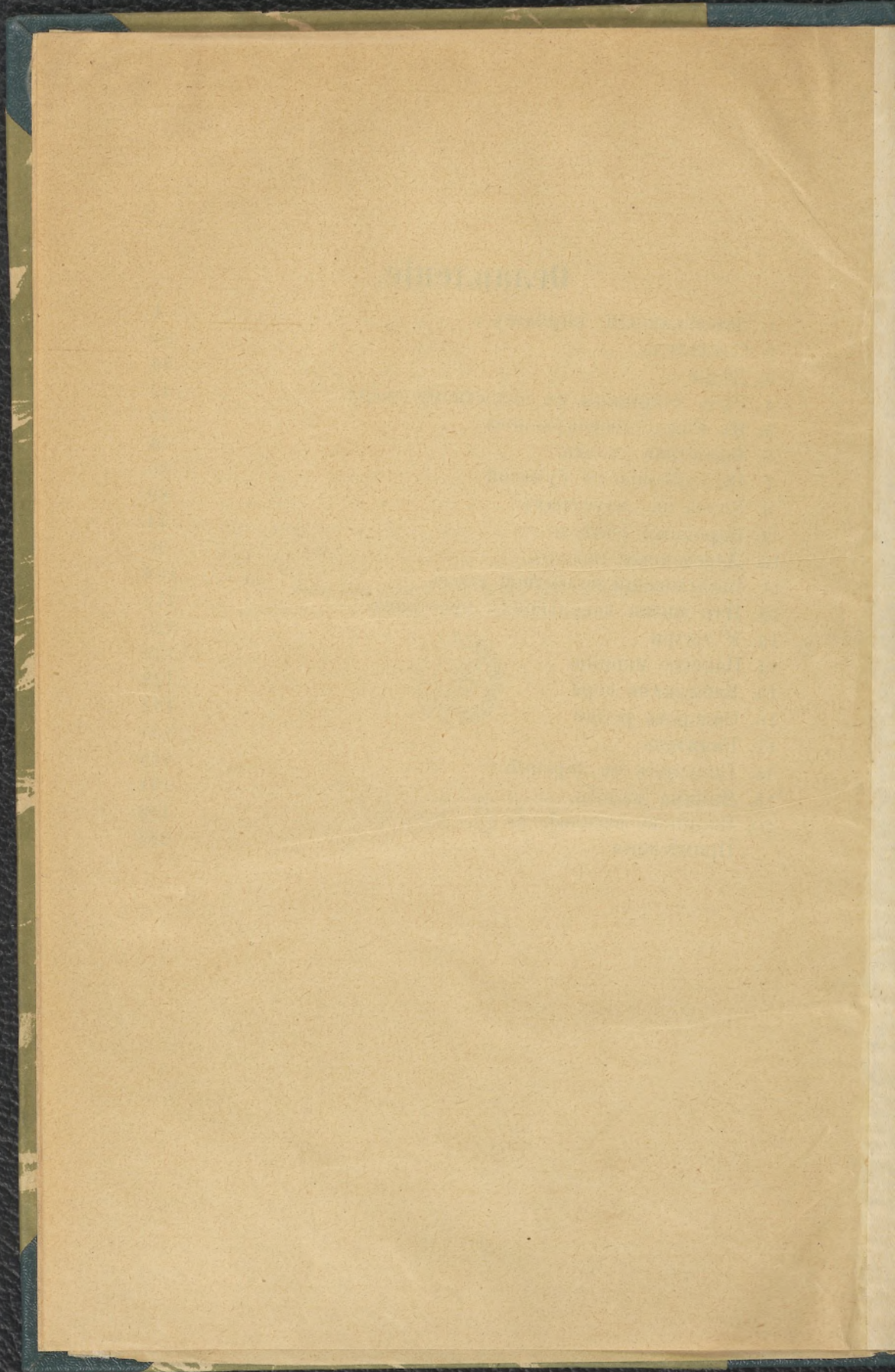

11261.944

H. vas.

Оглавленіе.

1. Замайжанскій кирманъ	1
2. Свидѣтель	20
3. Дѣды	24
4. Рѣчь старшины къ волостному сходу	42
5. Въ Рождественскую ночь	45
6. Волостная сходка	54
7. Въ губернію съ бумагой	65
8. Водка на „хаутурахъ“	69
9. Народный учитель	74
10. Деревенскій пожаръ	96
11. Барыловскій волостной сходъ	103
12. Изъ жизни лепельскихъ крестьянъ	116
13. У тіатри	120
14. Панское игрище	124
15. Бабылкино горе	129
16. Сидорова родня	132
17. Канитель	135
18. Бильярдъ въ деревнѣ	135
19. Янкина жалоба	141
20. Полипово веселье	152
Примѣчанія	243

ЗАМОЙЖАНСКІЙ КИРМАШЪ.

(Бѣлорусскій эскизъ).

I.

Почти на цѣлую версту растянулась вдоль большого озера деревня Сухомырино. Бѣдныя лачужки, состарившіяся, почернѣвшія, пошатнувшіяся въ стороны, какъ будто отъ холода прижались другъ къ другу и думаютъ грустную думу. Вотъ предъ вами хабунька, поддерживаемая разной величины подпорками, съ маленькими узенькими оконцами, въ которыхъ вмѣсто выбитыхъ стеколъ вставлены лучинки и наторкано тряпье. И сарайчикъ прижался къ углу, словно въ подраномъ „балахонѣ“ убогій. Не весело жить и скотинкѣ въ ветхой „тынянкѣ“¹⁾, еле держащейся на своихъ устояхъ.

На краю деревни—высокая сосна; сосна не простая: подъ ней, говорятъ старики, скрыты котлы съ червонцами. Никому, однако, не дается въ руки зачарованный кладъ, несмотря на то, что чуть не ежегодно,—особенно на Ивану Купалу,—этотъ кладъ гуляетъ по полю и въ видѣ барашки бѣленькаго, и въ видѣ собачки маленькаго-желтенькаго. А Сидоръ Кулага, встрѣтясь, однажды, съ кладомъ-собачкой, „лизнулъ“ его кнутомъ, да не успѣлъ крикнуть „чуръ-чуръ“, кладъ не рассыпался въ мелкія монеты и Сидоръ попрежнему живетъ бѣднякъ-бѣднякомъ. Знать немалый „чуръ“ на закопанныя гроши наложили французы, а быть можетъ и другая „нехрись якая“ въ этомъ замѣшалась. Начнутъ пилить сосну—пила ломится, начнутъ

рубить—топоръ ломится. Такъ „спредвѣку“²⁾ и стоитъ сухомыринская сосна, гордо поднявъ надъ селомъ голову, украшенную зеленой мохнатою шапкой.

Если будете ѣхать на Сухомырино прямо отъ сосны, то можете замѣтить по правой сторонѣ улицы большой домъ съ раскрашенными окнами, бѣлой трубой, тесовыми воротами. Этотъ домъ среди бѣдной толпы лачужекъ выгладитъ большимъ франтомъ. Тутъ живетъ Лявонъ Затычка, извѣстный болѣе подъ именемъ „дядули Сухомырскаго“, съ которымъ я и хочу познакомить читателя.

„Заможный“³⁾ хозяинъ Лявонъ. Стадола⁴⁾ у него крѣпкая и щитная, да и скотинкой онъ,—слава Богу,—не обиженъ: есть три лошадки доморощенныя да подростокъ жеребчикъ—„траттякъ“, есть коровы — 4 дойныя да два „подтелка“, есть землицу чѣмъ поднять—проборонить; сбруя для лошадей сыромятная, телѣги, брычки, сохи-бороны въ исправности, да и въ клѣти не мало отъ прошлыхъ годовъ „збожжа“⁵⁾ собрано. Всѣ сосѣди дѣду завидуютъ, а Анисья-бобылка не разъ уже пускала молву по деревнѣ, что „у дѣда-Лявона подъ поломъ тыщи закопаны“ и во снѣ даже видѣла, что „онъ гарцами пересыпалъ на печи гроши мѣдныя“.

Ужъ совсѣмъ старикомъ Лявонъ выгладитъ: ему будетъ лѣтъ за 80. Горбатый, сѣдой, съ лицомъ въ морщинахъ, загорѣлыя руки, на головѣ и зимой и лѣтомъ шапка—„облавуха“—знать не мало пришлось ему перенести горя-горькаго, пока „мелюзга“⁶⁾ поднялась на ноги и стала помогать дѣду въ работѣ. Да и помимо семьи много заботъ приносили Лявону общественныя должности: ихъ прошелъ онъ до старшины включительно и ни въ чемъ не грѣшилъ передъ „миромъ“. Въ глазахъ мѣстной интеллигенціи онъ былъ также на хорошемъ счету. „Видау я на своемъ вѣку“,—разсказываетъ онъ теперь внучатамъ,—„разнаго панства. Разъ

даже панъ Гвалдовскій позвау мяне у хоромы... Войшоу я... Божухна ты мой! полы—быццамъ ледъ: хоть каузаися! Стау я кала касяка и стаю сабъ,—ажъ панъ меня къ столу, да чаю, да разныхъ закусокъ... И часы можа два, можа три сядъу я у нябощика-пана“...

Можеть быть Лявонъ и до сихъ поръ оставался бы старшиной, если-бы „не замѣшалась проклятая „балбатуха“ ⁷⁾. На новыхъ выборахъ главные вожакы и крикуны стали предлагать Лявону:—поставь, говорятъ, борышоу 3 ведра, выберемъ опять на трехлѣтье!... И самъ писарь—тожь штука была!—призвау въ свою хату мяне и то гѣдакъ, то такъ подмигая: подари, говорить, жеребенка сивого, что продавать Авсею хотѣлъ, вотъ увидишь останешься опять... Но Лявонъ отступился отъ „міра“: „балбатухи“ отказался купить и писарю жеребенка не подарилъ. Вотъ за что онъ теперь „не у дѣлъ“. Да и стоило ли сожалѣть о такой перемѣнѣ: теперь энъ не видитъ того „тлumu“ ⁸⁾ и той „тягонины“ ⁹⁾, которые часто ни ночью, ни днемъ не давали покою. „Меньше панства, да больше около дому пригляду“,—замѣчаетъ обыкновенно Лявонъ въ бесѣдѣ съ сосѣдями: „бывало ти членъ, ти то справникъ, ти то слѣдователь прїѣдетъ—бѣги скорѣй, панство встрѣчай!... А другій якъ подниметь тревогу: что ты, кажитъ, такий ты сякій, я тебя подъ аресту запру!!!.. А теперь я самъ сабъ панъ!...“.

II.

Солнце клонилось къ заходу. Пастухи погнали стада къ деревнѣ. Впереди во всю прыть бѣжали поросята и подвинки, за ними овцы и въ концѣ медленными шагами тянулись коровы. Бабы и подростки повыбѣгли встрѣчать своихъ буренушекъ. Ребятишки, въ длинныхъ рубахахъ до пять, перегоняють другъ дружку

и, подбѣгая къ стаду овецъ, стараются разлучить своихъ отъ чужихъ, безпрестанно повторяя: „выскеръ мой! выскеръ мой!“ Въ воздухѣ повисло цѣлое облако пыли...

Вдали, около озера, показалась толпа „косцовъ“. Впереди шли пять сыновей Лявона! Они долго стояли на улицѣ, толкуя съ товарищами о томъ, продержится ли весь „молдзикъ“¹⁰⁾ хорошая погода, столь необходимая для скошеннаго сѣна, много ли съѣдется „люду“ къ кирмашному дню, выйдеть-ли „зѣ губерни“ рѣшеніе отнять у Прокопа землю.. А тѣмъ временемъ въ домахъ хозяйки приготовляли „вечерю“. Въ Лявоновой хатѣ на столѣ уже стояла миска съ свѣжимъ картофелемъ, высоко испускавшимъ пары. Хозяйка Матрена,—жена старшаго изъ сыновей,—принесла большую булку хлѣба и поставила деревянную солонку. Вотъ и дѣдъ привязалъ лошадей и вмѣстѣ съ сыновьями вошелъ въ хату. Умыли руки, помолились Богу и разсѣлись на лавкахъ, около стола: дѣдъ занялъ мѣсто подѣ „божницей“, по правой сторонѣ отъ него сѣли мужчины, а по лѣвой—жены старшихъ сыновей—Матрена и Меланья. А ребята стиснулись въ уголъ, къ дѣду, и просили „бульбацки“.

— Я, тата, поѣду завтра на кирмашъ,—началь старшій сынъ Прохоръ, высокій, загорѣвшій, съ грубыми чертами лица и „лохматой“ головой: надо колесы купить, да и мазь уже вышла... Брыка и такъ скрипѣла на усю дереуню.

— Коли поѣдешь,—заговорилъ тихимъ голосомъ старикъ, запрягай сивого... Да ни забудь лѣну отвезти у церкву и воды посвянцоной возьми бутылку.

— И я съ тобой поѣду, тата,—завизжалъ пузатый сынишка Прохора, вертясь на колѣняхъ у дѣда: я хоцу на попа поглядѣть.

— Цыпъ ты, вороненокъ,—пугнула его Матрена: куды табѣ на кирмашъ? Тебя тамъ и затрутъ, и замнутъ, и костей не подберешь...

— А я послѣ вечера побѣгу,—сказала послѣ нѣкоторой паузы Меланья, подбавляя картофелю изъ котла... Щатиння продать надо.

— Ты мнѣ, мама, коника купи,—отозвался и ея курчавый сынишка, прижимаясь отъ дѣда къ матери.

— Принесу, принесу, мой соколикъ, только на озеро не бѣгай съ Трохимовымъ мальцемъ...

Ужинъ кончился и всѣ вышли изъ-за стола. Меланья быстро начала собираться въ дорогу: поймала на куросаднѣ двухъ пѣтуховъ, достала изъ „кубла“¹¹⁾ чаровики, хустинку съ узорами, завязала въ хотулекъ шарстиння, да двѣ „жмени“ вовны, поглядѣлась у „люстэрикъ“¹²⁾ и поспѣшно вышла изъ хаты. Дорожка отъ сосны прямо шла на „гостинець“¹³⁾. До Замойжина, гдѣ завтра кирмашъ, всего версть шесть. Вскорѣ хатки Сухомырина скрылись во мракѣ.

Далеко, далеко за чернымъ лѣсомъ—потухла заря. Отдала послѣдній привѣтъ веселому дню синичка... Все притихло,—въ поляхъ, на лугахъ, только слышится крикъ „козла“ (козодоя), да въ лозовомъ кусту протяжное „рѣшь—рѣшь“ повторяетъ дергачъ.

По гостинцу тянется толпа богомолокъ. Къ нимъ подошла и Меланья. Оказались знакомыя лица. Богомолки медленно идутъ и тихо разговариваютъ, жалуясь на невзгоды житейскія...

— И Богъ вѣдаить,—слышенъ голосъ согнувшейся старушки, Богъ вѣдаить, что это за „слѣття“¹⁴⁾ настала и няуроды... и вятры... и морозы... Бывало и лѣто. якъ лѣто... Ахъ, скоро мусить и конецъ будетъ свѣту!... Ой, голубки мои, и середина-жъ ломить и въ головкѣ шумить!... А Микита казау,—продолжала она таинственнымъ голосомъ, обращаясь всѣмъ корпусомъ къ одной изъ спутницъ: что нѣкій человѣкъ на одномъ колесѣ ѣздитъ¹⁵⁾... А что ты думаешь? Можетъ и есть гэта той масіяшъ...

— Да и лятить же, отозвалась собесѣдница, кажутъ и конемъ не догонишь!

— А самъ кудлатый, а ноги, якъ у козла,—добавила маленькая фигурка съ большимъ узломъ за спиной и двумя пѣтухами подь мышкой..

Позади загремѣла телѣга: цѣлый возъ мужичковъ съ „пипками“ въ зубахъ проѣхалъ сквозь шеренгу „бабья“.

Богомолки поправили свои „хатули“ и опять тихонько поплелись по пыльной дорогѣ.

— Да и на свиней упадъ ¹⁶⁾ найшоу,—продолжала опять причитывать первая старуха: у Тадэуша на медни ¹⁷⁾ кормный подсвинокъ съ чего што закружюся—и бацъ обь землю!...

— Глядите, глядите, бабульки,—завизжала вдругъ неопредѣленная тѣнь изъ толпы: жидовье ужь огни разложили!...

Въ самомъ дѣлѣ на полянѣ въ сосновомъ лѣсу виднѣлись костры. „Жидовье“ изъ сосѣдняго мѣстечка съѣхалось, чтобы имѣть возможность изъ первыхъ рукъ добыть „свѣжій“ товаръ. Лишь бабы съ кострами поровнялись, къ нимъ тотчасъ подбѣжили купцы съ маленькими безменами въ рукахъ и стали приставать: „нѣтъ ли цего продажнаго?“ Бабы показывали товары и до послѣднихъ силъ торговались. Купцы куръ переворачивали и ощупывали по всемъ правиламъ своей долготѣней практики, въ другомъ мѣстѣ торговались надъ жменей „шерстиння“, льна; товаръ поспѣшно вытягивался изъ-за пазухъ, изъ „хотульковъ“ и въ 20-й разъ перечислялись его достоинства и недостатки... Покупатели колотили себя въ грудь, доказывая, что больше показанной цѣны нельзя дать, бабы призывали въ свидѣтели своихъ спутницъ и называли купцовъ „иродой несчастной“.

Толпа постоянно смѣняется притокомъ новыхъ богомолковъ, и торговля велась до утра.

III.

Въ это время около самаго центра кирмаша—маленькой церкви съ двумя куполами собралось народу „тъма тъмущая“. Вдоль церковной ограды расположились „балаганы“, въ которыхъ помѣстились барышники,—по преимуществу бабы—перепечайки,—выкрикивавшія по именамъ свои товары. Тутъ были пряники, баранки, конфекты длинныя „съ золотомъ и картинками“ и другія сласти домашняго приготовленія.

Наканунѣ кирмашнаго дня обыкновенно служатъ всенощную и „ходятъ на воду“. Многіе изъ богомольцевъ, не ожидая утренняго богослуженія, положить предъ чудотворной иконой „жменю вовны“, лену, два-три яйца или лопатку мяса и, считая свою „афяру“¹⁸⁾ выполненной, уходятъ домой. Другіе же, особенно нищіе, проводятъ ночь подъ открытымъ небомъ, зажигають костры—и тогда кирмашъ получаетъ видъ цыганскаго становища.

Кое-какъ скоротали теплую лѣтнюю ночку кто около костра, кто скорчившись прижался къ изгороди, кто на крыльцѣ церковномъ, кто подъ колокольней, за оградой, подъ березками, а кто просто растянулся на телѣгѣ или подъ телѣгой.

Взошло солнце и освѣтило поляну, на которой расположился замойжанскій кирмашъ. Много и въ нынѣшнемъ году собралось народу поклониться образу Божіей Матери. Особенно жаждутъ „движенія воды“ немощныя, дряхлыя старушки: онѣ на колѣняхъ безостановочно движутся вокругъ церкви, непрерывно нашептывая молитвы, призывая имена угодниковъ Божіихъ. А тѣ, кто не особенно обиженъ судьбою, разлеглись пластами по землѣ, разсѣлись по лавкамъ, на изгороди, и телѣгахъ, на свинтарѣ, вокругъ балагановъ.

Чѣмъ выше солнце поднимается, тѣмъ больше народу прибываетъ, тѣмъ больше увеличивается шумъ гомонъ. Разношерстная толпа надвигается съ разныхъ концовъ. Бабы съ трудомъ протискиваются между телѣгъ, лошадей, „балагановъ“... Всѣ одѣты по-праздничному: мужчины въ армякахъ и бѣлыхъ „насовахъ“, дѣвушки въ узорчатыхъ платкахъ, а у бабъ и „молодзиць“ головы закутаны въ нѣсколько платковъ (въ видѣ чалмы) и поверхъ накинута большіе бѣлые или узорчатые платки.

Часовъ въ 8 показалась всѣмъ знакомая телѣжка батюшки. Его строгое лицо, громкій голосъ, благоговѣйная служба давно ужъ отпечатлѣлись на сердцахъ посѣтителей Замойжанскаго кирмаша. Большинство изъ его пасомыхъ и крещены имъ, и обучались въ школѣ подъ его руководствомъ, и женилъ онъ ихъ, и крестилъ дѣтей ихъ. и во всѣхъ нуждахъ и тревоженіяхъ ихъ былъ молитвенникомъ и печальникомъ... Толпа разступилась и пропустила телѣжку впередъ, снимая шапки и кланяясь.

Въ воздухѣ пронесся первый ударъ колокола и далеко—далеко разнеслось его эхо по рощѣ за рѣкой и окрестнымъ лугамъ. Народъ снимаетъ шапки и крестится. Толпа богомольцевъ безостановочно движется: одни впередъ другіе назадъ; одни отдали афяру—поставили свѣчи и спѣшатъ къ своимъ возамъ, другіе идутъ впередъ, неся жмени льна, волны или пару яицъ. Предъ иконой сегодняшняго праздника зажжено множество свѣчей, въ разную цѣну. Сторожъ не успѣваетъ тушить и уносить огарковъ. За шопотомъ молитвъ, за стукомъ богомольцевъ почти не слышно голоса батюшки и хора двухъ псаломщиковъ, которые никакъ не могутъ подчинить своему „тону“ подтягивающихъ въ полголоса нѣсколькихъ подростковъ и „дятюковъ“¹⁹⁾. На амвонѣ разставлены церковные попечители съ мѣш-

ками въ рукахъ. Обязанность ихъ состоитъ въ томъ, чтобы собирать, сортировать, откладывать въ мѣшки и складывать въ кладовую принесенныя „афяры“. Не все могутъ протиснуться къ образу Богоматери и потому издали бросаютъ чрезъ головы богомольцевъ жмени льна, куски полотна, и попечители все это старются поймать на лету и водворить въ мѣшокъ. Шопоть молитвъ и громкіе вздохи не прекращаются во все важные моменты литургіи. Вотъ запѣли „тебе поемъ“, и стоящій около клироса армячишко читаетъ въ полголоса: „десять заповѣдей Господнихъ... Охъ, Господи! восьмая—не вкради, девятая—не послушай свидетеля, десятая—не желай жены твоей“... Вездѣ слышатся слова: „очисти грѣхи наши, прости немогатанна наши: Микола святой! Юрій—угодникъ Божій!“ Въ углу, около лѣстницы, ведущей на колокольню стоитъ знакомый читателю Левонъ, который въ 10-й разъ усиливается сдѣлать земной поклонъ и всякій разъ толпа отталкиваетъ его къ стѣнѣ и онъ остается съ рукой, приподнятой для крестнаго знаменія. Староста на амвонѣ съ протянутыми руками впередъ, „всеми животами“ упирается въ толпу, оттискивая ее отъ амвона и хватая въ тоже время пересылаемые изъ заднихъ рядовъ свѣчи и афяры... Давка до того усиливается, что многіе во весь голосъ начинаютъ кричать: „ай—ай! Боженька, Боженька, пустите на свѣтъ Боскій“!

IV.

За стѣнами же храма кирмашный шумъ и гамъ все болѣе и болѣе увеличивается. Длинной шеренгой размѣстилась нищая братія, какъ разъ противъ входа церковнаго. Тутъ распѣваются канты, составленные по преимуществу на поминовеніе „змардлыхъ“²⁰⁾. Обыкновенно во главѣ каждой партіи стоитъ одинъ или два голосистыхъ пѣвца, выводящихъ мотивы хвалебной или за-

упокойной молитвы, а остальные служатъ, такъ сказать, аккомпаниментомъ. Самые разнообразныя голоса кривыхъ, слѣпыхъ, безрукихъ, безногихъ, съ обезображенными лицами, лысыхъ и плѣшивыхъ сливаются въ нескладный „жалостливымъ“ вопль изстрадавшагося человѣка. Вокругъ каждой партіи стоятъ бабы съ кусками полотна, вонны, льна или кусками съѣстныхъ припасовъ. Бабы ожидаютъ очереди, чтобы начать перечисленіе длиннаго ряда именъ живыхъ или умершихъ сродниковъ.

— Помяни, дядуля, моихъ!—пристаетъ набожная старушка къ Базылю, который состоитъ главаремъ 6—7 нищихъ, стараясь вручить ему кусокъ полотна.

— Погоди, дай Кулиныхъ дявовъ кончить!—сердито отвѣчаетъ дѣдъ.—Кажы, Кулина, кого яще?

— Ганну!

Нищѣ: Ганнину душу во царствіи нябесномъ.
Боже помяни-и-и!

— Матрену!

— Матренину душу во царствіи нябесномъ, Боже, помяни!

— Вараптѣя!

— Вараптѣину душу во царствіи нябесномъ, Боже, помяни!

— Ты уси?

— Уси, кажись... Ай, Трохимову тетку забылася! Вотъ кабъ тябе!.. Помями ужо за одно ужо и Тэклю!

— Ладно, ладно... Ты за кусокъ полотна хочешь со усяго свѣта родню собрать!.. Ишь ты! И хоръ присоединяетъ заключительный кантъ: „и дѣтки и батьки ваши, и малыя коханыя, которыя у Бога собраныя, и сваты ваши сватанцы и швагры ваши швагранцы, и писаны и ня писаны, и кабылы лысыя и читаны и ня читаны,—Боже, помяни!“... Аккомпаниментъ отстаеъ на словѣ: „помяни“.

— Глядишь, Базыль, я табѣ кинуу три капейки: не забудь и моихъ! Якъ справисся!—кричитъ маленькаго росту старичекъ съ длинной палкой въ рукахъ, очевидно, за недосугомъ довѣряющій своихъ умершихъ сродниковъ Базылевой компаніи.

— Ня бось, Трохимъ,—увѣряетъ за всю братію Базыль: помянемъ, дай съ бабами справицца!... Помянемъ, мы никого ни забываемъ!...

Въ другомъ мѣстѣ нищіе зеунывными, плачевными голосами выводятъ за „упокій сродниковъ“ нѣчто въ родѣ малой литіи. „Со духами праведны супоковалися, сумястилися“...—поютъ нищіе бабѣ, положившей въ шапку слѣпого дѣда 5 яицъ.

А вотъ подъ березкой расположилась партія славящихъ бѣднаго Лазаря. Главный канторъ сидитъ на колясочкѣ: онъ, очевидно, хромой. Товарищи его не менѣе обижены судьбой-мачихой. Посмотрите вотъ на этого дѣдушку съ закрытыми глазами, бѣлой головой, съ длинной палкой, съ большой сумой въ рукахъ; замогильнымъ голосомъ выводитъ онъ мотивы изъ бѣднаго Лазаря“, безпрестанно вода рукой по головѣ, отгоняя мухи. Протяжно вторитъ ему мальчикъ—„поводырѣ“, подставляющій руку и шапку, лишь только поровняется съ ними кто-либо изъ богомольцевъ. „Прихинулся“ къ колясочкѣ горбатый, съ согнутой рукой калѣка. У него, очевидно, хранится казна всей братіи, такъ какъ, предъ нимъ стоитъ мѣшокъ съ баранками, кусками хлѣба, мяса, сочней, пряниковъ и проч. Не-вдалекѣ стоитъ малютка-дѣвочка, невольная участница сегодняшняго торжества нищей братіи. И она выводитъ тоненькимъ голосомъ хвалебную пѣснь бѣдному Лазарю

...Жіу сабѣ богачъ,-затянули на разные лады убогіе:
Жіу сабѣ шипкии богатырь,
Пивау-ѣдау медь-вино,

И нищихъ со двора согоняю,
На святую царкву не надѣляю.
Пришоу Лазарь къ богачу на дворъ,
Просить Лазарь у богача хлѣбца:
„Брачу мой, брачу-богачу!
Не прошу у брата золота-сребра,
Прошу у брата соли да хлѣба“.
Богачъ Лазару хлѣба-соли не дау
Только жъ ему горда отказау:
„Ёсь у мене браття лучши тебе,
Которые мають золото-сребро“.
Штурнуу богачъ Лазара съ сѣней на дворъ,
Покатюся Лазарь подъ ворота,
Лежить Лазарь сутки. лежить во и другіи.
Стау Лазарь плакать, Бога молить:
„Божа мой, Божа Спасъ милостивый,
Возьми мою душу до хвалы до своей!...“
...И Господь послау ангелу:
Сойдите по Лазареву душу,
Возмите Лазареву душу на пярину
И нясите на свента небеса!
И создайте Абраму на злѣченье, на улони!...
...А богатый красуецца, вельмуецца;
Выѣхау на полеванне, да на прогулянне,
Пышная рота по бапаль идеть;
Жану его позаду вязуть,
А лютые псы по переду идуть...
Ѣхау поле, ѣхау другое,
Стау на третіе възѣжжать,
Стала его сустрѣча сустрѣчать...
Сбила-сколотила со добра-коня
И ударила о сыру землю, о желты пески,
Штобъ ня увидѣу богатый тоски...
Лежау три дни, три noci,
Покуль пришоу до своей памяти

И стау Господа-Бога просить...

Туть нищѣ сдѣлали небольшой антрактъ, чтобы урегулировать вопросъ о двухъ кускахъ тонкаго полотна, такъ какъ сосѣдняя партія изъясляла претензію на половинную часть, доказывая, что „ена паня и на нихъ глядѣла, якъ давала афяру, а Базыль и во гэтый малецъ себѣ схватіу“. Окончивъ споръ, нищѣ продолжали:

Боже мой, Боже, Спасъ милостивый!
Прими мою душу до хвалы до своей:
Моя душа упила, уѣла,
Мое тѣло добро уходило:
Медь-вино упивау и съ богатыми засѣдау,
А нищихъ со двора согоняу,
А брата Лазаря за брата ня мѣу.
Услыхау Богъ его неправедность
И сослау трехъ пякельниковъ:
Возьмите богачоу душу прозь лѣво ребро
И несите строго-высоко,
Да укинъте у пекла глыбоко...
А тамъ увидіу енъ брата Лазаря
И стау просить яго: ай, братецъ родной!
Одна мати спородила,
Да ни одной долеи надѣлила:
Ты у Абрама на улонѣхъ,
А я у вѣчной смолѣ!...
Ти ни сходиу бы ты у быстру рѣку,
Ти ни помачіу бы хотъ мизинь палиць,
Ти ни притушіу бы огонь-полоню...
А енъ казау: сходиу бы я у быстру рѣку,
Помочіу бы по локоть руку,
Притушіу бы огонь-полоню,
Да не моя-жъ тутъ воля—Господа Бога ⁴¹⁾.

V.

Но вотъ обѣдня окончилась и картина кирмашной жизни начала измѣняться. Богомольцы развязали свои хотульки и повытащили съѣдобную „усякую-усячину“. Принесли, конечно, и водочки и разсѣлись вокругъ разостланныхъ скатертей. А вонь подь тѣнью сосны и знакомые намъ. Прокопъ съ Матреной и дѣдъ Левонъ отдають должную дань праздничному настроенію. Дальше, за гостинцемъ, въ березовой рощѣ на пространствѣ всей могильной поляны пластами разлеглись зарѣчные дѣды и бабы, а между ними можно было замѣтить и самого старшину Парѣена съ помощникомъ писаря.

Къ ихъ компаніи подошелъ вскорѣ „сбратдѣтныи“ братъ Лявона Данила, успѣвшій уже хлѣбнуть значительную дозу живительной влаги и теперь поднимавшій цѣлую бурю противъ существующихъ порядковъ волостного самоуправленія.

— Што мнѣ хто? — началъ онъ надтреснутымъ голосомъ, размахивая руками и раскачиваясь всѣмъ корпусомъ: я самъ по себѣ панъ и ни боюсь я никого!... Писарь? А что мнѣ писарь!... У зубы? Да я самъ ему у зубы!... Я ему полѣзу!... Такъ швырну, што и своихъ не узнать!... Да и Парѣенъ, — продолжалъ онъ, переходя къ высшей инстанціи... Нечего сказать — старшина! Туды толька и глядить, дѣ горѣлка стоит!... Только бороду гладить, а писарь якъ хочить, такъ и дѣлаить. Лопнить его брюхо!... Дадуши-жъ лопнить!... Я ня то што коли, напрымѣрича ти то членъ, ти то...

— Ходи, дяденка, къ намъ... Вонъ и Лявонъ... блина зѣшь, — приставала къ нему Матрена, стараясь перетянуть оратора въ свой лагерь: ужъ не рано, закуси, дядька!...

— Я и десятникомъ быу,—продолжалъ одушевляться Данила, не обращая никакого вниманія на приглашенія и сотскимъ, и магазынникомъ быу...

— Здоровъ, Данила! якъ дужь, якъ маисся,— прервалъ его вдругъ, ударяя по плечу, ветхій армячишко съ заплывшей фізіономіей, большимъ носомъ, козлиной бородой и посоловѣвшими глазами.

— Ты знаешь хто я?!... закричалъ вдругъ вмѣсто привѣтствія Данила: хто я?... Я ня то, что якое кто! И-и ты братъ, Прокоепъ, ни того... Вѣдаю я, что ты со старшиной „уховрусъ“²²⁾ рачебницу²³⁾ крыу и овечку отнесъ писарю... Ага! Што?

— Во енъ гдѣ нячистикъ,—закричала жена Данилы, подбѣгая къ нему съ кулаками... Люди сидятъ, полуднують... А енъ во што!... Настобауся ужо! А колесы купіу?... Гдѣ-жъ колесы?—а? Правались ты нячистая сила!...

Но оставимъ гнѣвную Ксантипу изливать громы и молоньи на главу ревностнаго почитателя бахуса и обратимъ наше вниманіе въ ту сторону, куда начинаютъ стекаться большая часть публики. Нужно замѣтить, что въ шагахъ 100 отъ ограды церковной расположено обителище извѣстнаго благодѣтеля крестьянскаго—Шмуйлы Хайменка. Онъ живетъ на мѣстѣ корчмаря „по закону давности“ и продажей вина и сикѣры много вспомоцествуетъ благосостоянію кирманнаго дня.

Надъ входомъ въ корчму—знакомая читателю вывѣска, изображающая бутылки, изъ которыхъ фонтаномъ переливаются кислыя щи въ разставленные стаканы, а съ боку—коричневая бочка съ бѣлыми обручами.

Здѣсь собралась толпа танцоровъ. „Дятюки“ и дѣвушки выплясывали фигуры всѣмъ извѣстнаго „кад-

риля“. Огромный столбъ пыли поднялся выше Шмуйлиной хаты и ложилась толстымъ слоемъ на армяки, насосы и узорчатые платки танцоровъ. Танцоры, однако, не обращали на это никакго вниманія: они утирали градомъ катившійся потъ и продолжали выдѣлывать энергичные удары ногами: дятюки, присѣдая и раскланиваясь, а дѣвицы плавно кружась и весело улыбаясь. Двое музыкантовъ, согнувшись „въ три погибели“, играли на скрипкахъ „хранцузскую“ кадрили изъ русскихъ пѣсень, а 3-й на цимбалахъ имъ аккомпанировалъ... Не вдалькѣ плясалъ въ присядку сѣдой старикашка, очевидно, вспоминавшій дни своей веселой далекой юности. А изъ внутреннихъ помѣщеній корчмы неслись въ это время крики и неистовыя пѣсни. Протиснуться впередъ сквозь толпу не было никакой возможности.

Воздухъ переполненъ дымомъ отъ воскуренія махорки. Въ этой атмосферѣ движется цѣлое море головъ: одни тянутся къ бочкамъ съ водкой, другіе стараются „прихинуться“ къ столу, къ подоконнику, къ печкѣ, усерднѣйше упрашивая другъ друга еще выпить „хоть троху“, за здоровье и добрую дружбу.

Двое сыновей Шмуйлы не успѣвали удовлетворять жаждущихъ.

— Да ты-бъ, сватуля, яще потягнуу... А я-я! Да выпій, зязюлька моя... я и съ твоимъ батькой...—угощаетъ свать Микита свата Семена Цибулю.

— Что и говорить, Ивановичъ, я тябе люблю... Я тябе такъ люблю... Давай пацалуемся... Во у самые усы... Ну пей же, пей!.. Во-во...

— Ты мнѣ не пяречь,—слышался въ другомъ концѣ корчмы крикъ высокаго въ зимней шапкѣ мужика: вѣдаимъ мы, что ты въ прошлое лѣто, якъ быу попечитѣлемъ въ училищѣ... Со старостой ухаврусь... Ага... Ну во...

Пьяныя фізіономіі поворитились въ ту сторону, гдѣ начиналась ссора.

— И... и... братокъ мой,—вмѣшался въ толпу пьяный Семень Щурлыкъ, тыча попечителю чуть не въ зубы бутылкой: нажіуся ты коло волосной!

— Отойди, нячистая сила!—застушился за попечителя старостовъ племянникъ, челоуѣкъ видавшій виды во время турецкой войны и „своими руками забиравшій Плевну“, въ мирное же время пользовавшійся удобнымъ моментомъ, чтобы показать свое искусство сражаться съ нехристью.—Отойди, не то двину,—кричалъ онъ, отгалкивая Щурлыка отъ попечителя.

Но Щурлыкъ не унимался и продолжалъ доказывать почтеннѣйшей публикѣ, что „попечитель не чистъ на руку“. И не стерпѣлъ старостовъ племянникъ: „двинулъ“ въ ухо Щурлыку Щурлыкъ поматнулся и бросилъ въ голову героя Плевны бутылкой. Въ корчмѣ поднялся невообразимый хаосъ среди публики: получилось двѣ партіи—одни тянули за фигурку, другіе за воина, третьи, не понимая въ чемъ дѣло, напирали „всѣмъ животомъ“ изъ заднихъ рядовъ. Столы и лавки опрокинуты. Ограда, скрывавшая живительную влагу, начала трещать отъ напора дожихъ плечей. Кто твердо держался на ногахъ тотъ спѣшилъ выбраться на свѣтъ Божій, выскакивалъ черезъ окно, или лѣзъ на печку, а слабые падали на землю или укрывались въ Шмуйлиной каморкѣ.

Первымъ показался на улицѣ Щурлыкъ съ разбитой головой.

— Я тебѣ покажу!—кричалъ воинъ, отправляя свою угрозу по адресу своего злѣйшаго врага, и тотчасъ принялся выламывать колъ изъ Шмуйлиной изгороди.

Выбѣгавшіе изъ корчмы слѣдовали его примѣру. Танцорамъ пришлось разбѣжаться на 6-й части „кадриля“ и на смѣну явились воины съ дреколіями. Трудно было разобрать, кто противъ кого идетъ... Каждый старался наносить удары другому, такъ какъ считалъ его злѣйшимъ своимъ врагомъ. Слова: „Я табѣ дамъ! Я табѣ зубы повыбью! Отойти нячистикъ! Кабъ съ тебе духъ вонь!“ безостановочно весѣли въ воздухѣ...

Старикъ Левонъ неоднократно подходилъ къ дерущимся и ласковымъ голосомъ говорилъ:

— Братцы мой любви! Христа разви на васъ нима! За што вы такъ идете братъ на брата! Опомнитесь, православныи!

Никто однако не обращалъ на него вниманія, только Данила, какъ бы узнавая спросонья Левана, говорилъ:

— Ахъ, дѣдуля, пожди немножко... Ужо скоро перестану.

Явившіеся съ разныхъ концовъ кирмаша сотскіе и десятскіе, къ сожалѣнію, сами держались на ногахъ не твердо и, получивъ значительную взбучку, скрылись въ ближайшемъ лѣсу.

...Богомольцы, державшіе нейтралитетъ, спѣшили запрягать лошадей, выкрикивали по именамъ своихъ женъ, дѣтей, увязывали купленные рѣшета, колеса, миски, баранки и уѣзжали во свояси. На многихъ возахъ были видны безпомощно свѣшанныя внизъ головы, болтались руки и ноги. „Балаганщики“ сложили нераспроданный товаръ въ сундуки и, высоко сидя на верху ихъ со скрипомъ и громыханьемъ отъѣзжали отъ церковной ограды, съ испугомъ поглядывая на мѣсто сраженія.

...Солнце ушло за гору, освѣтивъ въ послѣдній разъ верхушки деревьевъ и блеснувъ на позолоченномъ купольномъ крестѣ. А на „гостинцы“ до утра тянулись возы съ бабами и мужиками.

1897 г.

СВИДѢТЕЛЬ.

(Изъ судебной хроники лепельскихъ бѣлоруссовъ).

Я, паны судьи, дѣйствительно быу свѣткой, якъ Тарасенка на Кузуркиномъ вяселли побили. Во якъгэта было.

Ти то въ середу, ти то во вторыкъ передь Меньшей Пречистой²⁴⁾ устала моя Хадора нѣшта дужа рана и кричить Базылю: „иди, батьку буди, бо ужо другіи пѣтухи піяли“. Чую я, узлѣзъ Базыль на палати и тянить зъ мяне худышку²⁵⁾. Ня доуго думавши соскочу я долоу, надѣу смазны и боты, Богу троху²⁶⁾ помоліуся и прихинууся къ застоллю²⁷⁾. Баба моя пставила на столь миску сырапони²⁸⁾ и принесла блинъ. Насилжувауся я и стау надивацца... Кажухъ, гэта, у мяне добрый,—на Испаса Григоровъ сынъ пошіу,—поясь съ кутасами, пирахристіуся я, надѣу капялешъ и пошеу съ хаты, а Базыль остауся дома, бо треба была колеса къ Тумашу отвести...

Вышіу я съ хаты и ня доуга думавши пустиуся къ болоту лень мочить. Вотъ и Пятрокъ же (судья) вѣдаить ты ляды, гдѣ сѣлета²⁹⁾ Трахимъ, Банадысь Хаврусенокъ да вотъ и старастау племянникъ лень сѣяли.... Добрый лень урадіуся, дай Богъ и по вѣкътакій: высокій, тлустый, а головки—быть макъ... Да вотъ сейчасъ и драка... Тольки я къ лѣсу подайшоу, гдѣ Сидароу клинъ канчаецца,—гляжу,—дожь быть дымъ закуріуся, али я ничего: боты у мяне новыи, кажухъ еплыи... Закуріу я пипцу и тычасъ апанувся кала балота. Заграбаю я сабѣ по ахапку да въ воду, да сверху

каменьями. Мочу я гэта ленъ, пипцу курю, а вжо солнце мусить къ повдню подходило, гляжу на Змитроковомъ клину нѣшто чарнѣица. Ближи, ближи—вижу Лявонъ-Вовкъ валить прямо ко мнѣ и бытцамъ ухмыляица³⁰). Подошоу, остановіуся, стоить и глядять. Я вышіу зъ лужины.—„А што, кажить, ня чуу ты: Прасковина Меланья за Пракопа—Кузурку замужъ идеть?—„А боги ихъ вѣдають! Ня чуу, кажу. Микита Питракоу нѣшта баіу Базылю мойму, али я ни утяміу“³¹). А Кузурка, кажить, по нябощіку³²) Вараптѣю моей дядинѣ въ братдѣтнхъ доводица, дыкъ ти ня сходимъ мы съ тобой въ Дядулино? Поглядимъ, по килишку выпьимъ... Усежъ и ты по нябощіку Вараптѣю чиризъ Хадору сватомъ доводисся“... Да вотъ и драка, паночки!... Думаю я сабѣ: „боты у мяне новые, кажухъ бѣлый, поясъ съ кутасами, капялюшь хотъ и полиняу, али усе лепшій, чимъ у Лявона“. „Что-жъ, кажу, можно сабѣ и сходить. Пойдемъ чиризъ кладки и Хадоры казать ни пайду“... Ладна. Узяли, да и пошли. Дождь усё лунить и лунить. Лявонъ сдѣу кажухъ и вверхъ косматьемъ перевярнуу. Подайшли къ кладкамъ—и видимъ: Сидоръ Клашаногій плятеца и бытцамъ съ сабой нѣшто гукаить, али намъ што: коли идеть, дыкъ нихай идеть... Да я-жьпаночки, усе по исткому³³) кажу, а кали можа ня треба мнѣ сусимъ³⁴) у свѣткахъ быть, то я ничего казать ня буду... Али я-жъ по повѣсткі пришоу.. Ни по своей охоти..... Тады якъ подайшли къ Вавковой ямѣ, гдѣ залѣтось Авсей уваліу свою кабылу, якъ вѣсь въ Дядулино горѣлку,—глядимъ--Трохимъ (съ Зазерья) вязеть жардѣ... Лявонъ зъ имъ парукауся³⁵) и нѣшто гукау ти то на счетъ авчинокъ, ти то на счетъ авечикъ—вядомое дѣло свои антиресы. А я во гѣдакъ отвярнууся къ возу, отломіу кій бараница отъ собакъ и мы пошли дальши. Идемъ сабѣ, пипцы куримъ. И ти будить сажень питнадцать, ти не, ви-

димъ мы, паны судди, ѣдитъ Гвалдовщинокъ—паничъ съ Кавтушенковъ. Такій вострый малецъ... Лявонъ здѣвъ кипялюшъ, и паничъ кивнуу головой. Тады, якъ подайшли къ Дядулинскому городу, Лявонъ пираворатіу кажухъ, положіу пищцу у кисеть...

... Да вотъ, паночки, и драка скоро... Драка, усе ровно якъ тутъ... И чуимъ мы играютъ: одинъ играть на тонкимъ на чимъ, а другій подводитъ на товстымъ. Подайшли къ Трахимовой лазни и видимъ сабака. Во гѣткая не боли... Али ни Прокопова... Сабака паночки, сидитъ: „Мусить, думаю я сабѣ. усю квадрѣ ³⁶⁾ дожъ будитъ, коли сабака къ лазни жмецца“... А на вулицы видимъ Сидоръ авечекъ гонитъ, остановились, понюхали табаки (бо Лявонъ и курить и нюхатъ) и слушаимъ: у Прасковьиной хатѣ гуль, зыкъ—якъ якое што!.. Мы подашли и приперлися къ двирямъ, стоимъ и глядимъ... Ажъ правда: Панасъ на дѣдѣ играть, а Микита у искрипку подводитъ, а дѣвки мальцы скачуть ³⁷⁾... Тады сватъ Тарасенокъ,—во што Ганулю зъ Зазерья брау,—якъ увидіу насъ, тычасъ загоманіу: чаго вы тутъ, кажитъ, идите у хату!... Да и паташіу и паташіу... У хати крычатъ гѣта, митусяцца ³⁸⁾. Бабы носють на столъ то клецки, то юшку...Мы къ застоллю. Вижу и Симонъ коротенькій съ бутэлькой няньчицца и то одному, то другому по килишку наливаитъ. Подъ бажницею самъ Кузурка ³⁹⁾ съ Хвядосомъ нѣшто гукатъ. И мы, не буду спирацца, по килишку выпили и зачали потроху гукать ⁴⁰⁾. Яно конешни, паночки, килишекъ за килишкомъ идеть, а тутъ и Прасковья усе лезитъ: „выпійте, кажитъ, сваточки!“.. Выпійте, да выпійте, а тутъ и смиркацца зачала. Бабы, вижу, начали кашу съ смальцемъ на столъ носить,—и тады, паночки, и драка зачалася.... Во я, панамъ суддямъ, усё по исткому... Да за што драка зачалася?—За подсвинка, паны судди!... Тарасенокъ съ Никипаромъ еще съ прошлаго лѣта за

подсвинка тигаюцца. Кажуть, Никипарь подбіу Тарасенкова подсвинка и свѣткой Рыпина Тадэушева была... Али мало што кажуть! За якое што Тарасенокъ съ подсвинка привязауся къ Никипару за жонку, што, кажить, твая Дарка? Ина и карунокъ ⁴¹⁾ плясти ня умѣить... Никипарь начау отгрызацца. Слово за слово, али дошло дѣло до того, што и Прузына умишталася, и якъ большая язычница, начала брахать безъ конца: што ты (Тарасенокъ) и пѣяница, што твой свекоръ колесы пропіу, што твоя Дарка ня пуци ⁴²⁾ Сидоровой тещи, что на мужбиной головѣ полонникъ поломала... Плела, плела, якъ ее языкъ не выперла. Тарасенокъ устау съ застолля да къ Никипару. Правда, Симонъ за яго: „Чаго табѣ, кажить?“ И Кузурка просіу и такъ и гѣдакъ, а енѣ усе къ яму... У хати совсимъ стямнѣло и Лявонъ начау мяне товхать, штобѣ, значить, я зѣ лавы уставау. Вижу я, што къ зубамъ дѣло подходить. „Ищо замишають, думаю сабѣ“, устау я и давай тискацца къ порогу. Лявонъ, вижу, кала Пракопа, да за порогъ. Я за имѣ. Ночь была, паны судди, темная, али мы узяли по кію, да кала лазни по огородамъ да на кладки, да на гору, да съ горы, да по мяжи къ лѣсу, а якъ спустилися къ рѣкѣ, тутъ и наша сялиба. Тольки мы двери отперли у мою хату—вижу я Базыль мой лапти на лави плятеть, а Хадора дрова у печку кладеть. Тое-сѣе. Сѣли за столъ, повячерили, покалякали ⁴³⁾, и Лявонъ до дня у мяне спау. Дакъ вотъ, паночки, што быу я на вяселли—то быу,—што чуу—то чуу, што видіу, тое видіу, а чаго ня видіу, того ня видіу, и напрасно мяне у свѣтки ставили.

1897.

Д Ъ Д Ы ⁴⁴⁾

(Этнографическій очеркъ изъ жизни лепельскихъ
бѣлоруссовъ).

I.

Вы, я думаю, знакомы, м. г., съ Микитой Перуномъ, что живетъ въ деревнѣ Подмикитовкѣ. Правда, онъ не приходится „съ родни“ тому Перуну, который нѣкогда поражалъ громомъ и молоньей обитателей, подлунной, но, по увѣренію деревни Подмикитовки. „усякій человекъ знаетъ Перуна“. Если же его не знаете, то съ перунятами, навѣрно встрѣчались: перуняты—люди бывалые, хожалые, особенно Егоръ Перуенокъ. Каждый годъ они ходятъ по вольному „прашпоргу“ на заработки. Бываютъ они и въ Питерѣ на фабрикахъ (гдѣ „колеса день и ночь бѣгаютъ“), бываютъ и въ „губерніи“ ⁴⁵⁾. По правдѣ говоря, „губернію“ они знаютъ не хуже, ближайшаго мѣстечка М. Часто можно слышать ихъ рассказы о томъ, что „въ губерніи живутъ разные господа и одежда у нихъ разная... У однихъ шапки во гѣдакіи, а у другихъ во етакіи... И дома разные—больше высокіи съ досками написанными и безъ досокъ. Опять ёсть и засѣданіи усякіи... Не то, што у насъ: волоская, винополія, царква вучилище,—и все, а тамъ и суды усякіи и такъ... люди пишуть бумаги... Для чего пишуть?—іюясняль при этомъ младшій братъ Банадысь своимъ односельчанамъ: мало для чаго пишуть!.. Для того и губернія!.. Одни пишуть, другіи читають... Да-а!.. А ёсть и такіи, што не пишуть, не читають, а такъ гуляють и гуляють...

На казенныхъ харчахъ знацца... Ну, другій посмотрить што... Напримѣра приставленья разныя, кіатры... Таперь опять машину по дроту наводятъ.. гѣто проста машина по дроту поидеть и поидеть... Якъ поидить? А вотъ тады и увидишь. Да-а!.. Въ одномъ концѣ пуцають, а у другомъ пиріймають... Вѣрно... Да, усячина у губерніи бываить... Ета не то, што наша деревня!..“

Я упомянулъ о Перунѣ потому, что сегодня дѣды, а коль скоро „дѣды“, значить у него, а равно и во всей Подмикитовкѣ будетъ „столь“, т. е. будутъ поминаать „змарлыхъ“ вкусными явствами и выпивкой.

Замѣчу кстати, что подмикитовцы поминають дѣдовъ пять разъ въ годъ, тогда какъ сосѣдніе зарѣчане поминають ихъ шесть разъ, но и тѣ и другіе идутъ по обычаю „съ прадѣвку заведенному“, и антагонизмъ по сему предмету, если и былъ раньше, то въ настоящее время значительно поубавился, благодаря тонкой политикѣ Рипины зарѣчанской, которая, стоя на нейтральной почвѣ, доказала мужчинамъ, что „тыи дѣды сами по сабѣ, а гѣты сами по сабѣ“. Понятно, что никто не рѣшился выступать оппонентомъ изъ опасенія попасть въ число вольнодумцевъ противъ лучшей истолковательницы законовъ.

Я не скрою отъ васъ, м. г., что Перунъ сталъ усердно почитать поминальные дни всего лишь года два тому назадъ, а раньше этого времени онъ чуть-чуть не свихнулся съ прадѣдовской колеи. Да!.. И съ старыми людьми такія притчи утворяются! „Зачѣмъ гѣта, говорилъ его дерзкій языкъ и горѣлку пьютъ, и подсвинковъ поджариваютъ, и напекають и навариваютъ Другій цѣлый мѣсяць и не ѣсть и не пьеть, а на дѣды уже наѣдаицца, чуть не лопаицца!“... Вотъ до чего дошелъ старикъ!

Мнѣ кажется, что говорилъ онъ такъ подъ вліаніемъ своихъ сыновей, вносившихъ въ Подмикитовку

городскіе обычаи и панскія затѣи, и жестоко поплатился за свое свободомысліе. Дѣло въ томъ, что.. Нѣтъ, я лучше все разскажу по-порядку.

Въ одинъ прекрасный вечеръ, наканунѣ „Радунницы“ шли подмикитовцы „гостинцемъ“ какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ „панская змѣна начинается“. Шли подмикитовцы за горѣлкой и у cadaго хозяина была въ хотулькѣ либо бутылка, либо боченокъ (безъ горѣлки, извѣстное дѣло, дѣдовъ не справить!). Напрасно бы вы всматривались въ грубыя, загорѣлыя лица и сивыя бороды; Перуна между ними не было. Онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, пахаль свою полоску и по временамъ покрикивалъ на маленькую пѣгую кобылешку: „ближе, бли-же, вовчиное мясо!..—говорилъ онъ, помахиная кнутомъ.—Ишь ты, кабъ тябе ракъ сточиу. Што на солнце глядишь?.. Еще высоко!“— „Вотъ спущусь къ лѣсу, къ лужайки и отдохну, думаль дѣдъ, подѣзжая къ лѣсу. Кобыла опять покулывиваить!.. Нужно у Потрока заливки взять... Опять у боку рѣжить, вотъ рѣжить, да рѣжить... Богъ вѣдаить съ чаго гэто рѣжить?.. Стариковское дѣло! Не тыи годы, што были!.. Охъ-хо-хо! Тпру! Стой ты, дурная!“ Перунъ высоко подняль соху и опустилъ ее въ землю. Опершись на ручку сохи и приложивъ ладонь ко лбу, долго посматриваль онъ на западъ.

— Гм... Не далеко и до вечера! Недалеко-о!—сказаль онъ и опустивъ голову, погрузился въ глубокую думу.

Много грустныхъ мыслей роялось въ старой головѣ. Вотъ теперь новые порядки въ волости, а мужику все плохо, а отчего плохо? Конечно, писарь... Нда, писарь ни того... Думали: наѣдутъ земскіе начальники—пойдутъ лучшіе порядки. Оказывается: по прежнему „рѣжутъ мужика безъ ножа“. Сынъ Банадысь ушелъ на заработки... Ну, онъ ловкій малецъ: не прападетъ!

Не пишеть вотъ только .. Телѣгу опять чинить надо... Непремѣнно надо... Расходы, расходы, а доходовъ нѣтъ... Откуда доходамъ быть? Желѣзо купи, соли купи, кирпичу купи, дегтю купи... Усе купи... А за что купить?!.. Кузьма Пѣцкаль померъ... Съ чего бы и помирать? Всего довольно было („Нихай со святыми отпочиваить!“ мысленно прибавилъ дѣдъ)... „А жонка моя, продолжалъ думать дѣдъ, не тикавая ⁴⁶⁾ .. Завелася съ Христиной и за што?—Смѣхъ одинъ!... Твой кажить пѣтухъ! Твой пѣтухъ... А по мнѣ усе ровно чій пѣтухъ!.. Не тикавая жонка!.. Съ Прасковьиного роду ня дужа жонки вядуцца...

Занятый своими мыслями, дѣдъ и не замѣтилъ, какъ отъ ручья спустилась къ нему вышепоименованная толпа подмикитовцевъ.

— Помогай Богъ!—загомонили на разные голоса сосѣди Перуна.

— Динькую!., Што жъ ужо къ Янкелю?

— Къ Ячкелю, за горѣлкой, Перунъ Астаповичъ! Дѣды на носу!..

— Хай яе, гэту горѣлку! Гэта горѣлка у пуста!.. отрѣзалъ Перунъ.

— А самъ сѣлѣта ⁴⁷⁾ не будешъ братъ?

— Не буду, дадуши-жъ ⁴⁸⁾ не буду,—категорически заявилъ Перунъ... Кабъ яе и дѣткамъ моимъ не знать! Нихай ужо добрые людцы пьють!.. А я... который годъ я кинуу пить и такъ ладно: и здоровѣй и не такъ сосеть коло сердца... Ну ты, чаго заглядѣлась?—обратился онъ къ лошаdkѣ, заворачивая ее въ борозду и не желая больше тратить времени на такую пустую вещь, какъ горѣлка.—Бли-и-и-жи! И-и-шь ты!..

— Глядишь, Перунъ, кабъ табѣ чаго не приключилося!—зашамкаль вслѣдъ ему осунувшійся, почернѣвшій, съ открытой грудью старичокъ, по выраженію подмикитовской молодежи „усе ровно, што земля“.

Этот старичокъ и есть тотъ самый Терезка, котораго вы часто замѣчали, когда проѣзжали черезъ Подмикитовку. (Онъ сидитъ всегда на заваленкѣ около своей похилившейся хатки и нюхаетъ табакъ съ пепломъ). Терезка—лучшій истолкователь (я не беру въ сравненіе Рипину зарѣчанскую) „старосвѣтскихъ установовъ“ и грозный обличитель „панскихъ выдумокъ“, основанныхъ, какъ извѣстно, на „пустой блажѣ“. Перунъ не придалъ тогда значенія „карканью“ Терезки, и на обычные протесты бабъ своихъ, что, какъ же, дескать, можно безъ дѣдовъ, гдѣ такой человѣкъ, который безъ дѣдовъ обходится, махнулъ рукой и съ ироніей замѣтилъ: „усе гѣто пустое!.. бабскіи забобоны!.. Дѣды сами по сабѣ, а мы сами по сабѣ!.. И горѣлки брать не буду!.. Нисколько!.. Хоть квартиру? И квартиру не возьму... На что горѣлка? Выпить?... Воды выпей!.. Баба, а горѣлки ей купляй!.. Дитямъ? На што дѣтямъ? Икая зѣ яе польза?... У, ты, старая кочерга!.. Хоть полквартиры? Не, выхворѣть твоя голова: жива и безъ горѣлки будешь. Дау-бы табѣ у зубы: вѣдала бы ты якъ горѣлки просить“...

Такъ говорилъ дѣдъ и рѣчь его сугубо была непріятна его благовѣрной Авдулѣ, женщинѣ, хоть и не „тикавой“, но зато ревностной послѣдовательницѣ Терезки—толковника. Однакожъ пришлось подчиниться установленному режиму: легли безъ „дѣдовъ“.

Между тѣмъ „карканье“ Терезки даромъ не прошло... Въ эту достопамятную ночь случилось... да, случилось, м. г., необыкновенное происшествіе! Подробностей передавать вамъ не буду, потому что есть много трусливыхъ людей: неравно кто перепугается. Судите сами. Явился ночью въ Перунову хату „якій хто невѣдома откуль“ и прямо полѣзъ къ дѣду на печь, стянулъ его (я опускаю, какъ стянулъ) оттуда на припечекъ, съ припечка на полъ, а потомъ началъ водить по хатѣ и

по истопкѣ ⁴⁹⁾; въ истопкѣ обводилъ даже около кадокъ съ мякиной, а потомъ потянулъ на чердакъ, а съ чердака опять въ сѣни (тутъ дѣдъ объ лѣстницу головой ударился), да въ хату, да на припечекъ, да на печь. Тогда только дѣдъ опомнился, „пережигнулся“ и рѣшилъ, что водилъ его никто иной, какъ небощикъ Кузьма Пэцкаль... „Правду кажутъ люди, не иди противъ старосвѣтскаго... Вотъ и есь гэта“,—разсуждалъ дѣдъ, ощущая на лбу цѣлые потоки холоднаго пота; „вотъ табѣ и дѣды и горѣлка!... Столько лѣтъ жиу—ничего, а таперь?... Надо будить Агапку, попросить, кабъ отпѣла Пэцкаля... Жарты обводиу!... У-у-ухъ! Во, кабъ яго паль спалила!—Повторяль онъ, стараясь закутаться въ кожухъ и крестя ротъ... Надо справлять дѣды... Надо... Ничего не зробишь... Гэта не шутка! Вотъ табѣ и разъ“!... И до утра не могъ дѣдъ глазомъ свести. Говорять, что Авдуля цѣлый день послѣ того подбирала всевозможныя ругательства по адресу свободомыслия мужа и Перунъ молчалъ, какъ стѣна.

Подлинность совершившагося казуса можетъ подтвердить вышепоименованная Рипина, а равно и всѣ подмикитовскія бабы.

Итакъ, спрощу васъ, м. г., можно ли не поминать дѣдовъ яствами и горѣлкой? Конечно, нельзя. И Перунъ, какъ сказано выше, сопровождаетъ свои пожеланія дѣдамъ „легко икаться на томъ свѣтѣ“ выпивкой въ изрядномъ количествѣ, твердо памятуя, что „не нами это заведено, ни намъ и выводить и, что „старики увели, тое ни-хай до вѣку будить, такъ какъ на гэтомъ увесъ свѣтъ стоить“.

II.

Теперь прошу васъ, м. г., обратить вниманіе на то, какъ ревностно готовится Перунъ и прочіе

подмикитовцы къ предстоящимъ „дѣдамъ“. Если отъ „гостинца“ поворотите къ рѣчкѣ, а отъ рѣчки на „косогорицу“, то отсюда можно видѣть, что въ Подмикитовкѣ дѣлается. Вонъ около изгороди смалять подсвинковъ—предметъ бабьихъ хлопотъ въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Подсвинки скоро уже будутъ обмыты и поступятъ въ распоряженіе хозяекъ, а хозяйки для помина „змардлыхъ“ приготовятъ изъ нихъ прекрасную уху и „печистое“. А тамъ, около Тадэушевой хаты, уже начали мести улицу и большой столбъ пыли поднялся въ воздухѣ. Мужчины между тѣмъ затопляютъ бани и приводятъ въ порядокъ „дворы“. Бабы моютъ хаты, домашнюю мебель и посуду. Онѣ съ засученными рукавами, съ приподнятыми полами выскакиваютъ на улицу, выливаютъ цѣлые „цебары“ грязи и тотчасъ же убѣгъютъ назадъ. Работа вездѣ самая спѣшная. Шумъ, гамъ, бѣготня и на дворахъ и въ хатахъ...

Чуть солнце повернуло съ полдня, какъ показался дымъ изъ одной—другой трубы, а гдѣ хатки курныя, тамъ изъ „бокоушки“. Началась стряпня около печей, около хлѣбныхъ кадокъ, по истопкамъ и клѣткамъ.

У Перуна хозяйка Авдуля и двѣ ея невѣстки—Прасковья и Ганна, постарались раньше всѣхъ приняться за работу.—Еще у Тадэуша только воду несли изъ озера, а онѣ уже подчистили хату отъ порога до наръ, и въ сѣняхъ три корыта отнесли къ стѣнѣ, и картофель ссыпали въ уголь. Конечно, такая успѣшная работа зависѣла много отъ энергіи Перунихи-Авдули, бабы хоть и не „тикавой“, но весьма „тропатливой“⁵⁰⁾. Длинные лавки около стѣнъ вымыты и выскребаны ножомъ, огромный столъ съ двумя ящиками, въ которыхъ помѣщается до 2 пудовъ печенаго хлѣба, совсѣмъ выглядить новымъ. Замѣьте, какъ трудно невѣсткамъ съ работой управляться. Вѣдь вотъ въ этихъ

двухъ колыскахъ, что привѣшены къ гибкимъ жердамъ около наръ, лежать ихъ крохотныя дѣвочки: нужно и колыхать, и соску давать, и въ работѣ не отставать. Перуниха, вѣдь, не зѣваетъ и не даетъ цотачки. Прасковья убираетъ нары и въ тоже время старается убаюкивать свою „ягодку“. Колыска подскакиваетъ высоко, а дѣвочка кричитъ „благимъ матомъ“ и этотъ „благій матъ“ переходитъ, наконецъ, въ неопредѣленное хрипѣніе: дѣвочка начинаетъ „угоманивацца“.

— Ну, тиху-жь, тиху, моя ягодка,—убаюкивала ее мать: тиху ты, опостылая! Тиху-жь, моя ягодка!... Ну, на-жь сосочку, мое дидятко! Авой, неколи! Коли-жь мнѣ съ тобой возицца!... Ну, цыцъ же, цыцъ! У-у! раскры-ы-чалася! Охъ, головка-а моя бѣ-дна!...

Ребенокъ мало-по-малу началъ стихать: убаюкиваніе ошеломляетъ его нѣжную головку, и Прасковья хоть на минутку свободна. Теперь она присоединяется къ Ганнѣ; дружными усиліями сдираютъ онѣ огромный слой грязи около наръ и относятъ къ порогу. А еще подъ нарами работы „шмать“: вѣдь сколько времени стояли телята и два ягненка съ маткой! Однакожь и эти апартаменты вскорѣ приняли болѣе или менѣе надлежащій видъ. Стало немножко свободнѣй. Теперь осталось вымыть „боговъ“, а тогда и за котлы можно приниматься. Висѣвшіе въ красномъ углу три „боги“, изъ которыхъ одинъ—„Ягорья“, побѣдившій „бязецнаго цмока“, окончательно почернѣвшій и выцвѣвшій,—были оттуда сняты, обмыты, обтерты и завѣшены чистымъ полотенцемъ.

— Ну, что жъ ты, Ганна?!.. И руки уже опустила! Што не видишь—солнце низко!.. Шаруй котлы! : Пошли вонъ вы, малыши!—кричала Перуниха, перебѣгая изъ одного угла хаты въ другой и въ то же время разбрасывая подзатыльники малышамъ - внугамъ, просившимъ хоть трошку хлѣбца. — Што нужно?

На дво-оръ! Бѣгайте тамъ!“—выталкивала она ихъ. „А хлѣбъ подошоу? ⁵¹⁾ А? Бери, Прасковья, дежу! Што ты тамъ усе возисься со своей дѣвчонкой: не бось не раскричица!... Ну, бери дежу! Держи съ боку! Ну-у! Мѣси теперь“...⁵²⁾ И невѣстки не знали ни отдыху, ни сроку.

Прасковья начала орудовать съ дежой, въ которой было утворено хлѣба до трехъ пудовъ, а Ганна, подъ руководствомъ Перунихи, начала разгонять прусовъ и таракановъ, царство которыхъ было расположено на печи и на смежныхъ почернѣвшихъ стѣнахъ хаты. Прусы и тараканы, нужно замѣтить, живутъ довольно дружно другъ съ другомъ и совмѣстно предпринимають ночныя экскурси на разложенный на столѣ хлѣбъ, миски, ложки, переходя на нары, на палати, ползають по лицамъ спящихъ (разъ даже Перуну въ ухо тараканъ залѣзъ: правда онъ тогда былъ выпивши), подчищаютъ всѣ котлы, если они стоятъ на „загнетѣ“. Перуниха давно уже истощила всѣ мѣры борьбы съ этими насѣкомыми: морила ихъ голодомъ, обливала керосиномъ съ кипяткомъ и даже со вѣзмъ скарбомъ—живымъ и мертвымъ инвентаремъ—переселялась въ „истопку“ на цѣлую недѣлю, надѣясь, что эти насѣкомыя побѣдятъ другъ друга съ голоду, или померзнуть, но прусы и тараканы, хоть и значительно похудали, однакожь не вывелись. Очень жаль, что Пахомъ Давгонось далеко живетъ: онъ бы скоро ихъ выгналъ. Вы слышали, конечно, что стоитъ только Пахому сказася пару теплыхъ словъ по адресу вышеозначенныхъ „кузурыкъ“, чтобъ они провалились „скрозь донна“...

Ганна принялась за обыкновенную въ томъ случаѣ мѣру: облила ихъ кипяткомъ и при этомъ выругала ихъ „на чемъ свѣтъ стоитъ“: „кабъ вы почернѣли,—говорила она, плехая воду на стѣны,—кабъ вы повыдохли, кабъ васъ халерія задавила“ и проч. Прусы

и тараканы отъ этихъ нападеній постарались подальше залѣзть въ свои щели, а болѣе слабыя упали на полъ.

Дѣтвора, успѣвшая сбѣгать къ рѣкѣ, настроившая много домиковъ изъ песку, осмотрѣвъ вороньи гнѣзда, и нѣкоторыя изъ нихъ сбросивъ съ деревьевъ, ворвалась въ хату, и тотчасъ поднялись крики: „Мама, ѣсть хочу!.. Ма-а-ма-а, хлѣ-ѣ-б-ца!“ Маленькая Авгиня, вся покрытая болячками, бѣлокурая, съ голубыми глазками, пристаётъ особенно навязчиво. Руки ея грязны, длинная-длинная рубашка внизу совсѣмъ оборвана... Авгиня „навзрыдь“ плачетъ и утираетъ слезы грязными руками. Прасковья нѣсколько разъ „швыряла“ ее отъ себя, но дѣвочка „вцупилась“ въ платье матери такъ крѣпко, что, казалось, никто не могъ оторвать ее. 8-лѣтній Василекъ, первый забіяка въ деревнѣ, съ другой стороны приступалъ на бѣдную Прасковью и сбивалъ ее со всѣхъ позицій.

— Да тиху вы, ашалѣлы! Упаду на васъ нѣтъ! Чаго пристали?—отбивалась она отъ дѣтвора.—Бы-ы! ревутъ, чертеняты!.. Вотъ возьму вѣникъ, да отпущлю васъ!... Бери, Василь, Авгиню!.. Ну!.. Подождете и до вечера... Подъястѣ, хоть лопните, духъ съ васъ вонь!..

— Не лѣзь на печь, Егорка,--отбивалась въ свою очередь и Ганна отъ своего сына: не лѣзь, а то котель обернешь...

— Бѣги на дворъ!—крикнула Перуниха, помогая обливать кипяткомъ стѣны.—Што на васъ упаду сегодня нѣтъ?! Бѣги, а не то отлуплю!..

Слова бабы подѣйствовали. Егорка неоднократно имѣлъ возможность убѣдиться въ томъ, что значитъ устраивать стачку противъ бабы, а потому, захвативъ съ собой товарищей, перекувыркнулся черезъ порогъ, и всѣ побѣжали къ дѣду, который топилъ баню. Дѣдъ для дѣтей—защита отъ нападеній враговъ внѣшнихъ и

внутреннихъ. Ребята несутъ ему и горе, и радость. Сейчасъ посыпались жалобы на жестокость матерей.

— Я имъ задамъ,—утѣшалъ ребятъ дѣдъ... У-у!.. Я имъ... Вотъ вечеромъ я васъ накормлю... Ячни? И ячни дамъ... Много дамъ!.. Во, сколько дамъ... Ходишь, Василекъ, ко мнѣ... Ну, не плачь же, не плачь... Ну, чаго жъ ты Авгиння!.. Дай носъ вытряю... Ишь ты икая черная!.. Не плачь же, рыбка моя!.. Во-во.. И ячни дамъ... Мно-о-го дамъ... Ну, слушайте, я вамъ пѣсню спою...

Дѣдъ взялъ соломинку въ ротъ и началъ пѣть:

Чикъ-чикъ-чикалачки,
Бхау чижикъ на палочки,
Пытаицца Василя,
Ти далека до села?...
Василь кажить три версты,
Василиха четыре...
Василиха Василя
Палойникомъ затила...

III.

Убравши хату, бабы принялись хлопотать около печи. Меню сегодняшнаго ужина, кромѣ куты, юшки и клецыкъ, составляютъ „печистое“ и ячница на молокѣ. Какъ видите, и около печки работы довольно,— „хоть отбавляй“.

Два вымытыхъ ведерныхъ котла стоятъ уже на загнетѣ. Перуниха принесла большую „лубку“ ячныхъ крупъ, всыпала ихъ для будущей куты и при помощи Ганны препроводила его въ печь. По такому же маршруту отправились въ печь горшокъ юшки и котелъ „клецыкъ“, приготовленныхъ съ „душами“⁵³). Сковороды подчищались, миски вымывались, мясо для „печистаго“ выбрано изъ всего подсвинка самое лучшее,

все приправлено лукомъ, перцемъ и поставлено на жаркіе угли. А когда все сварилось и поджарилось, бабы принялись за хлѣбъ. Дежу съ раствореннымъ хлѣбомъ чуть-чуть сняли „всей семьей“ съ печи. Пудовыя булки, на подостланныхъ капустныхъ листьяхъ, чистаго хлѣба стали занимать самыя теплыя мѣста въ печи.

Вошелъ дѣдъ.

— Ну, не позднитесь, бабы!—сказалъ онъ, вынимая уголь изъ печи и кладя его въ пипку.—Солнце за токъ прячещца!..

Хозяйки заторопились. Орудія стряпни начали постепенно занимать свои мѣста. Загнетъ сметень. Ложки и миски разставлены на „топчанѣ“. Только огромные вороха одежды и различныя постельныя принадлежности на нарахъ остаются въ хаотическомъ состояніи.

— Ну, хула ⁵³⁾ Табѣ, Божа! Кажись усё,—съ облегченнымъ сердцемъ вздохнула Перуниха.—Поставь ты, Ганна, печистое... Повороты въ мисѣ... Во-во... Теперь сходи у кубель и возьми чистую скатерку... Тую, што у клѣткахъ... И застели на столѣ...

Вотъ, наконецъ, и баня готова. Мужчины сидятъ на полку въ первомъ духу и стараются вызвать на тѣлѣ потъ. По мѣрѣ же увеличенія температуры болѣе слабыя изъ публики начинаютъ спрыгивать на вторую ступеньку, а ребята закрываютъ глаза и совсѣмъ прикорчиваются къ землѣ. Духу довольно! Всѣмъ хватить! На полку остался одинъ Перунъ и принялся со всѣхъ силъ „хвастаться“ ⁵⁴⁾. „Хвастаясь“, Перунъ то сгибается въ дугу, то принимаетъ горизонтальное положеніе, со всего размаху ударяетъ по тѣлу, и при этомъ на разные лады охаетъ, и ахаетъ... О-о-о!—е-е-е! Ду-у-шокъ! Зд...о-о-ровъ!... А-я-я! Егоръ, пр-р-и-бавь еще! Во-во-во!“...—слышится на полку его надреснувшая фистула.

Публика, по обыкновенію, выражаетъ должную дань удивленія Перуновой крѣпости.

— Здравь, Перунъ, зда-о-ровъ!—замѣтилъ между прочимъ, Базыль—сосѣдъ Перуна, скорчившійся за корытомъ.—Мнѣ не вытравать ⁵⁶⁾ столько.. А енъ куды старѣй мене!.. Ста-арѣй!... Еще якъ при покойникѣ старшинѣ писарь магазынъ ти то скрутіу, ти то спэндіу куды, енъ за старосту быу... А тады я еще на Ганнѣ на своей не жаніуся...

А Перунъ продолжалъ „хвастаться“ и, когда ослабѣвалъ, выходилъ въ предбанникъ, пластомъ растягивался на землѣ, издавая при этомъ отчаянные вопли, кашлялъ и отплевывался на разныя манеры, однакоже хвалилъ хорошій духъ. Въ эти антракты публика слѣдовала примѣру дѣда, но температура была понижаема на 20 и болѣе градусовъ.

Раскаленные тѣла принялись мыть только тогда, когда Егоръ заявилъ, что довольно „духъ по пустому выгонять, пусть бабамъ останется“. Мыться приходится изъ одного большого корыта, въ тоторомъ вода согрѣвается раскаленными каменьями, а шаекъ и „въ поминѣ“ не бываетъ. Да и на что шайки, судите сами, когда можно пригоршнями хватать воду изъ корыта? Въдь стоитъ только „похвастаться“ хорошенько, разопрѣть, и грязь сама собой сойдетъ съ грѣшнаго тѣла. Всѣ спѣшатъ, какъ-бы скорѣй вырваться на холодъ. Въ предбанникѣ слышны общія побрякиванія и аханья, и вскорѣ вся компанія расходится домой, благодаря хозяина за „добрую пару“.

Теперь очередь за бабами.

Бабы завязали голову наглухо (на „дѣды“ головы мыть воспрещается) и, заворотивъ въ армяки своихъ малыхъ ребятъ, ушли въ баню, предоставивъ своихъ грудныхъ малютокъ убаюкивать мужчинамъ...

Ожидать бабъ пришлось довольно долго: извѣстно, бабы не столько моются, сколько „телепкаются“.

Въ хатѣ слышится пріятный запахъ отъ скверушагося „печистаго“, и истощенные голодомъ и „хвостаньемъ“ мужчины испытываютъ нѣкотораго рода неловкое положеніе, а у дѣда даже подъ ложечкой закололо. Онъ сплюнулъ съ досады и въ двадцатый разъ „подпаливалъ“ свою пипку, начиненную „Бакуномъ“ III сорта.

— Ти скоро ты торбы размыюцца, кабъ ихъ...— съ досадою сказалъ онъ и началъ выколачивать пепель изъ пипки. Наступила пауза. Егоръ и Банадысь сидятъ на нарахъ противъ колысокъ и стараются уколыхатъ своихъ ребятъ. На печи всхлипываетъ Василекъ, получившій взбучку за то, что слишкомъ энергично требовалъ „хлѣбца“.

Чу, стукъ!—бабы! Слава, Тебѣ, Господи! Наконецъ-то!

Ввалились бабы. Лица ихъ красны, глаза горять. Разгрузились бабы и все „шурымъ-бурымъ“ разбросали на нарахъ (вѣшать одежду на гвоздь и на крюкъ въ этотъ день воспрещается).

IV.

Долго не думая, дѣдъ зажегъ восковую „грамничную“, освященную на „Громницы“—въ день Срѣтенія Господня,—свѣчку и прилѣпилъ ее передъ переднимъ „богомъ“—св. Миколомъ. Началась молитва. Молитвы читались все, кто сколько зналъ, отъ „Цару“ и „Войчи“ до десяти заповѣдей включительно. Перунъ особенно усердно ударялъ въ грудь и помянулъ и самыхъ старыхъ и новѣйшихъ дѣдовъ, и когда окончилъ, громко откашлялся, чихнулъ, погасилъ свѣчку и полѣзъ за столъ въ самый уголъ. За нимъ начали размѣщаться и все его домочадцы. Перуниха тотчасъ по-

вытаскала горшки и поставила на 1-е кутью съ саломъ. Всѣ просіяли. Дѣти въ восторгѣ. Дѣдъ на кутьѣ сдѣлалъ ложкой начертаніе креста и, „покаштавау“, опустилъ руки. Его примѣру послѣдовалъ и мужской, и женскій персоналъ, за исключеніемъ строптиваго Егорки, который налегъ всѣмъ тѣломъ на столъ и чуть-чуть не схватилъ еще ложку кутьи.

— Што ты суется,—остановилъ его дѣдъ: не видишь, што ложки положить надо? ⁵⁷⁾. Вотъ растешь дурнемъ, дурнемъ и помрешь.. Смотри на старшихъ и научайся...

Дѣдъ повернулся къ окну, взялъ бутылку горѣлки, налилъ въ рюмку и, преподнося къ губамъ, перекрестился и во всеуслышаніе произнесъ:

— Ну, нихай же со святыми отпочиваютъ!.. Дай же имъ, Боженька, рай свѣтлый и анеловъ на улонихъ!.. Кхх!... Нихай тамъ отпочиваютъ и намъ хлѣба-соли засылаютъ!.. Бери, Банадысь!..

Рюмка стала переходить изъ рукъ въ руки и каждый считалъ нужнымъ высказать свои пожеланія «змардлымъ душамъ». Мужчины покрякивали, утирали усы рукавами, а бабы морщились, „перхекали“ и причитывали по адресу дѣдовъ по-своему. Ребятамъ тоже перепало по рюмкѣ, но они требовали „еще хоть тросэчку...“ Прасковья не забыла и своей крошечной „рыбочки“ въ колыскѣ: она старалась влить ей въ ротикъ хоть капельку „ради святыхъ дѣдоу“.

— Ну-ну, моя рыбочка, ну, вышей же, золотая,— нѣжно говорила она, придерживая ея маленькую голловку и разнимая ротикъ.

„Рыбочка“ чихаетъ, кашляетъ и раздражается отчаяннымъ крикомъ.

— Ну-жъ, ну, боли не буду... Вотъ и на здоровьика, моя котинька!...

— Ну, зачѣмъ ты льешь ей водку?,—нетерпѣливо замѣтила Егоръ.—Малый ребенокъ...

— А якъ же ты думаешь,—возразила Прасковья съ азартомъ: усякому человѣку на дѣды поспытать нужно... На тое дѣды!..

— Нихай выпить,—счелъ нужнымъ вмѣшаться дѣдъ здоровѣй будить... Гэта ничего!.. Давнѣй моя матка и не столько ульеть бывало и жиу быу, а ты чуть увидіу, тытчасъ и кричишь..

— Богъ вѣдаить, што гэта съ Егоромъ становицца,—добавила упавшимъ голосомъ Перуниха: бывало и человѣкъ, якъ человѣкъ быу, а тапера..

— Пошоу по заработкахъ,—разъяснялъ дѣдъ: ну и отъ постанововъ отцовскихъ отшоу... Начау мудрить... Табѣ усе смѣхъ!.. Смѣйся на свою голову!.. Нечего зубы скалить!... А хто дѣдовъ не уважить, тому усякъ бываить... Скажи ты мнѣ, сынокъ: якъ у Трохима и горѣлки и куты поставили на вокнѣ, дыкъ гдѣ усѣ подѣлася? Што?! Разѣ не дѣды приходили?.. Ночлежники?.. Правда было... Якіи тамъ ночлежники?.. Мало што мальцы казали... Вѣрь ты мальчикамъ!... Гляди, зубоскаль, кабъ табѣ ни было што!... Ня помнишь, якъ мнѣ приключлося?..

Непріятный инцидентъ былъ разсѣянъ, когда появилась вмѣсто куты „юшка“. Мясо поставлено было отдѣльно на досточкѣ. Послышалось энергичное „чавканье“ съ прихлибованіемъ. Ребята съ остервенѣніемъ хватають по куску мяса и моментально уничтожаютъ, выпачкивая себѣ лицо до ушей.

— Ышьте, ѣшьте,—уговаривала Перуниха, сейчасъ еще подолью. Еще поукотла...

За юшкой послѣдовали клецки. Клецки настолько тяжеловѣсны, что ребятамъ пришлось вооружиться щепочками изъ лучинки и этимъ орудіемъ удерживать ихъ, а другой рукой захлебывать юшку. Клецки

значительно заставили принатужиться затрапезникомъ и, когда Прасковья полѣзла въ печь за печистымъ, мужчины немножко распоясались. Лица стали красны, потъ катился градомъ. Печистое было приготовлено и искусно, и вкусно. Никто бы, кажется, не отказался откушать его, даже послѣ дюжины вышеозначенныхъ клецыкъ.

Дѣдъ раскроилъ его на части, и чавканье опять водворилось.

Ну, что жъ, Банадысь,—обратилась Ганна къ своему мужу, высокому, здоровому мужчинѣ, одному изъ лучшихъ потребителей сегодняшняго ужина: бери еще... бери, бери лопатку, а не то голову... Не Богъ вѣдаитъ, коли гэта бываитъ... Во-во.

Печистое еще больше отяготило желудки. Позѣвываніе стало переходить отъ одного къ другому, а Василекъ и Авгиня и совсѣмъ заснули на рукахъ своихъ матерей.

— Ну, проснися жъ мой соколикъ,—будила мать Василька.—Проснися. Во и ячня сичасъ... Во гляди: баба несеть! Просіу, просіу хлѣба, а ячни и не хочешъ?...

Дѣйствительно, Перуниха несла изъ истопки застуженную, подрумянившую яичницу.

Затрапезники понатужились до послѣдняго градуса, лѣниво протягивали ложки къ рѣшеткообразной мискѣ и чуть не до дна осушили.

— Хула, Табѣ Господи!—набожно произнесъ дѣдъ: неси, тапера, баба, воды.

Баба принесла кружку и всѣ поочередно утоляли жажду, а затѣмъ встали и начали креститься, благодаря Бога, что помянули, какъ слѣдуетъ добрымъ людямъ, дѣдовъ. Мужчины тотчасъ же направились къ нарамъ. Они едва удерживались на ногахъ, а Ба-

надысь даже о печь приперся, чтобы не упасть, пока баба разстилала сѣникъ.

Взобравшись на нары, всё растянулись во всю длину вверхъ животами, тяжело дыша и крестя позѣвывавшіе рты. А что касается дѣда, то онъ, по обыкновенію, взобрался на печь и тотчасъ же предалъ себя въ объятія Мороея, твердо убѣжденный, что никакая сила не подниметъ теперь его, столько потрудившагося во славу дѣдовъ-небощиковъ.

Хозяйки, утомленныя дневными хлопотами и отягощенныя яствами, рѣшительно не въ состояніи были убирать миски и ложки со стола. Да и хорошо сдѣлали: можетъ быть пожелаютъ дѣды откушать, а пока ихъ нѣтъ, нагрянула огромная стая прусовъ и таракановъ.

РѢЧЬ СТАРШИНЫ КЪ ВОЛОСТНОМУ СХОДУ.

Въ N-скомъ волостномъ правленіи получено званіе общества Краснаго Креста, приглашающее къ посильнымъ пожертвованіямъ въ пользу пострадавшихъ въ неурожайныхъ губерніяхъ. Собраны крестьяне. Сельскія власти въ полномъ сборѣ.

Старшина (помахивая рублевкой). Во, братцы, мы афяруемся, знацца... знацца, на голодныхъ, бо на Росей голодовка.. знацца начинаицца... Во и якъ панъ писарь кажить... што... кажить... што...

Писарь (подсказываетъ). Народъ бѣдствуетъ отъ сильнаго голода...

Старшина (помахивая рублевкой). Народъ сбѣдствауся отъ голадовки, якъ яно вядомое дѣла, знацца... голодь ня тетка!.. (Толкаетъ писаря).

Писарь. Да и самое милосердіе въ принципѣ похвально...

Старшина. И все милосердіе бизъ прицѣповъ хвалицца усякими знацца... знацца... ти то отъ начальства ти то... да и... и...

Писарь. И достойно благоволенія со стороны гуманной человѣчности...

Старшина... И... достойна тому, у кого на гумнѣ человѣчность усякая... опять и живность усякая... знацца.

Писарь (съ досадой въ голосѣ). Россіи же обширный районъ голодаеть...

Старшина (воодушевляясь). Кхъ... Кхъ... Кхъ... Во голодь росейскій обшарить тябе, братцы!.. Во васъ, братцы, сколько: человѣкъ, можа, боли якъ сто, знацца, и кажиный, знацца, у рай, знацца, хотѣу бы... Якъ коли, примѣромъ...

Писарь (выходя изъ себя и возвышая голосъ). По статистикѣ указываютъ примѣрное количество голодающихъ: оно обнимаетъ около пяти урожайныхъ губерній...

Старшина (придвигаясь къ толпѣ и выразительно помахивая руками). Яно не дужа добро... кхъ!... кхъ! робить той, хто стискаить якую копейку и жалѣить, знацца. на голодоуку... Енѣ примѣрно другій тиснить, а другій стыдицца, што ни маить, а у тебѣ ништо, знацца, ни отнимаить, хоть у тебѣ и урожайно, знацца...

Писарь (толкая старшину и возвышая голосъ). А чѣмъ сказать о немощныхъ, старцахъ, малыхъ дѣтяхъ и людяхъ, малоприспособленныхъ къ физическому и профессиональному труду...

Старшина (растягивая воротъ кажуха и вытирая потъ на лбу). Коли вы, братцы, и старцеу жалѣите и малыхъ дѣтей кахаите и такъ усякую малую физику остерегаете, знацца... то и голодоуку...

Писарь (толкая старшину и передвигая стулъ поближе къ нему). Ни богатство, ни трудолюбіе, ни кустарная промышленность не спасаетъ бѣдствующихъ отъ голодной смерти...

Старшина (окончательно разошвысь въ краснорѣчїи)... Кхъ... Кхъ... Кхъ... Чххх!... Хто можа и не богатъ, браццы, и ня дужа любить труды, знацца, нїхай нї прячицца у кусты, оттого, што нї спасецца ёнѣ, хоть бы и хотѣу на тымъ, знацца, свѣти отъ голодной смерти, якъ вотъ и панѣ писарѣ кажить, што... нї пожалѣимъ...

Писарь (перебивая старшину и въ сильномъ волненїи pokruchивая усы). Не пожалѣемъ же братцы!...

Старшина (не слушая писаря). Не будемъ жалѣть, браццы, усыпимъ зъ магазины ти жита, ти ячменю, ти овса, хто можить, дыкъ и гроши, вотъ, якъ и я...

Писарь (громко) Этимъ мы осушимъ слезы...

Старшина (стараясь перекричать писаря и размахивая руками). Нихай же, браццы, другій потушить слезы... бо кхъ... кхъ... ня Богъ вѣдаить, што тамъ тая копейка, ти то гарниць хлѣба, бо... другій разъ и рубъ пропадетъ у пусто ти у Шмерки, ти у Янкеля, ти такъ за винополію пойдеть... Барыши чіе?... А ужо гэто панъ писарь... гэто ни мое дѣло... Я што казау, тое казау!

ВЪ РОЖДЕСТВЕНСКУЮ НОЧЬ.

Потухла заря. Кругомъ черный лѣсъ смотритъ угрюмо, непривѣтливо. Большіе клочья снѣга повисли на сучьяхъ елокъ, сосенъ. Ни птичка, ни звѣрь не нарушаетъ лѣсной тишины. Заснулъ черный боръ, покрылся бѣлымъ саваномъ; какъ-бы поникъ въ глубокомъ раздумьѣ...

Въ этой глуши лѣсной на небольшой равнинѣ пріютилась деревня „Дѣдкина Яма“.

Спустилась деревушка въ оврагъ, засыпалась снѣгомъ, чуть-чуть видны крыши домовъ.

Какъ спустилася ночь, все небо кругомъ заперѣло звѣздами. Звѣзды съ неба глядятъ, какъ „ангельскія вочки“.

Кругомъ тихо. Снѣгъ да ясное небо. Деревенцы попрятались въ свои хатки: всякій къ колядной кутьѣ готовится...

Скучно и тихо тянулись дни колядскаго поста. Бабамъ работы довольно было. Днемъ онѣ ленъ мяти, трепали, вечеромъ пряли, сучили, другъ къ другу «у супряди» ходили. Мужчины возились съ токомъ: то рожь молотили, то пеньку мяти, то въ лѣсъ за дровами ѣздили.

Пришла коляда!.. Мужчины заранѣе скоть прибрали, дворы подмели, помылись въ банѣ, хозяйки тщательно повымыли лавки, столы, стѣны, завѣшали «боговъ» бѣлыми утиральниками, наварили кутьи и зажгли огни.

Коляда посередѣ двора!...

Только въ хатѣ Прокопихи не замѣтно никакого приготовленія къ празднику. Прокопиха живетъ по правой рукѣ отъ лѣсу, поодаль отъ другихъ хатъ. Ея хатка маленькая низенькая, курная. Она вся спряталась бы въ Симоновыхъ „хоромахъ“.

20-й годъ бьется и мается «у бабылкахъ» Прокопиха. Ходила когда-то и «у куты». Люди довольно надъ ней и надругались, и «здикались». Всякій попрекалъ кускомъ горькаго хлѣба. Рада бѣ итти въ заработки, да дѣти—обуза. Какъ померъ Прокопъ, такъ и осталась съ Василькомъ и Николкой бѣдная баба: Прокопъ—безземельный, племянники не захотѣли бабыту держать въ своей хатѣ. Долго билась Прокопиха, пока не поставила хатки. Да ставили хатку племянники на „бабій вѣгъ“, лишь бы съ рукъ сбить да постановленіе суда исполнить, лишь бы отдѣлаться отъ бабы: бабу съ воза спихнуть.

Теперь хатка сыра, холодна, угарна. Внизу около нарѣ видна большая щель, въ углу возлѣ стола, во время мятели проходить снѣгъ, съ оконъ течетъ. Прокопиха сама кое-какъ починяетъ свою „хабуньку“: тамъ забьетъ клиномъ, тамъ костры посыпуть, тамъ соломки подложить, а все хатка не можетъ устоять противъ трескучаго мороза.

А тутъ и бѣда приключилась. Послѣ Миколы угорѣлъ ея маленькій сынокъ Вася. Чуть водой отлила. Сколько горя было. Вытянула Прокопиха Васю на снѣгъ и плачетъ. Лежитъ Вася бѣлый, какъ мертвецъ. Къ счастью, проходилъ въ то время Прохоръ и помогъ „отколыхать“ бѣднаго Василька. А на утро у Василька горло распухло. Однакожь онъ еще бѣгалъ бо-сой по снѣгу и, какъ перебѣгалъ черезъ огородъ, упалъ въ снѣжную гурьбу, и Николкѣ съ трудомъ удалось его вытащить... Заболѣло еще хуже горло,

появился сильный кашель... Василекъ ничего не могъ ѣсть и за недѣлю до коляды слегъ въ постель...

Пришла коляда!.. А у Прокопихи коляда не въ коляду. Хлѣбъ на исходѣ, дровъ ни палки, Василекъ „метається“ въ жару... Сдалась на Божию волю: можетъ Онъ сиротъ пожалѣеть, столько она „годовала“ ихъ, столько „работала“!

Пошла подъ вечеръ Прокопиха въ сосѣднюю темную чащу лѣса за дровами, пошла, и теперь еще нѣтъ... Люди огни „запалили“, а въ ея хаткѣ темно, зги не видать. Николка все время сидитъ у изголовья больного брата и старается его хоть чѣмъ-либо утѣшить.

— Не плачь же, Василекъ... Мамка скоро придетъ,—ласково говоритъ онъ, закрывая братишку въ „кажарку“. Будемъ вечерить...

— Я боюсь, въ хатѣ тѣмно!.. Накрый мене съ боку... Ай, студено!... Я безъ ма-мы боюс-я-я!... А Божа-а, мой Бо-жа!..—визгливо заплакалъ Вася.

— Тиху-жь, тиху, Василекъ, не плачь!.. Мы съ тобой завтра на село пойдѣмъ, будемъ у Симона въ орѣхи играть... Тамъ дуда будетъ играть... Завтра-жь Рожество... Вонъ смотри: у Симона огни горять, а во и Григоровы запалили... Во якъ красиво!..

— А у насъ чего не запа-алили?... Мнѣ темно-о!.. Запали лучинку, Николка!..

— Матка не казала... Казала пожди... Я хворосту, кажить. принесу... Ты тутъ посиди, Василекъ... Я мамки помогу... Ты съ коткомъ посиди. Я табѣ котка поймаю... Во-во и есть котокъ... На котка... Сиди, котокъ, съ Васей, вотъ добрый котокъ!..

Василекъ сталъ гладить котка, котокъ запѣлъ свою пѣсню. Ватилекъ тихо улыбнулся и старался спрятать его подъ „кажарку“.

А тѣмъ временемъ Николка незамѣтно прыгнулъ за порогъ и скрылся за дверью.

Василекъ, оставшись въ ночной темнотѣ, заплакалъ и хотѣлъ крикнуть, но въ горлѣ какъ будто что порвалось и онъ только горько заплакалъ. Ему вдругъ показалось, что въ углу стоитъ черный человѣкъ, а голова у него бѣлая. Вотъ человѣкъ придвинулся къ столу и хочетъ итти къ намъ. Вася вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ, закрылся кожанкой и старался удержать при себѣ кота.

— Мама!.. Николка-а!—шепталъ онъ.—Божа-а мой, Бо-о-жа!..

Василекъ опять залился слезами. У него начался сильный кашель, все лицо посинѣло, началась рвота. Вася наклонилъ голову съ нарѣ, котъ убѣжалъ на печь. Оправившись отъ кашля, Вася пришелъ еще въ больший ужасъ, ежеминутно ожидая, что вотъ-вотъ его схватитъ черный человѣкъ...

Бдругъ кто-то стукнулъ въ дверь. Вася вскопчила съ постели и хотѣлъ бѣжать, но тотчасъ въ изнеможениі упалъ на нары.

Вошла Прокопиха съ ворохомъ сосновыхъ сучьевъ. Цѣлый потокъ холоднаго морознаго воздуха ворвался съ ней въ хату. Позади ея былъ виденъ Николка, тащившій охапку такихъ-же дровъ.

— Мамка мо-о-я!.. Иди ко мнѣ!—закричалъ хриплымъ голосомъ Василекъ.

Мать бросилась къ сыну и стала гладить его курчавую растрепанную головку. Она нѣжно цѣловала его лицо, глаза, прижимала къ груди и старалась закутать въ кожанку отъ холода.

— Рыбка моя дорогая,—нѣжно причитывала она.—Голубокъ мой ненаглядный!.. Не плачь-же, не плачь, моя ягодка! я котка поймаю... Я ему дамъ... Котикъ, ходи къ Васильку!.. Не бойся, Василекъ, никого нѣтъ... У кутѣ? И кутѣ нѣтъ никого---не бось, это табѣ кажецца. Ну ходи я тебе спрячу... Иди, Николка, забавляй

Василька... Во и котокъ... А я пойду на село, достану сѣна. Сейчасъ, сейчасъ,—говорила она, поспѣшно направляясь къ двери...—Тады будемъ вечерить. И огонь запало.

— Я боюсь, Николка, человѣка,—говорилъ Вася со слезами на глазахъ.

— Не бось, Вася, я никому не отдамъ тебе... Это тебѣ здающа зданки ⁵⁸⁾... Во-во котокъ. Ну, гладь его... Котокъ добрый... А мамка придить и сѣна принесеть... Будемъ на сѣни вечерить... ⁵⁹⁾. Скоро Рожество. Знаешь, Вася, Христось у ясляхъ радюся... И звѣзды стояли на небѣ... И скоть стояу на полѣ... Такъ учитель рассказываетъ... Тогда пришли волхвы и принесли дары... И звѣзда ишла въ тую пещеру, а въ ясляхъ лежау Христось... Я вотъ не знаю больше рассказывать, а какъ выучусь, усѣ расскажу тебѣ... И про ангеловъ и какъ они пѣли... на земли миръ... Только ты поздоровѣй... Мы съ тобой пойдемъ тогда гулять... пойдемъ у лѣсь... тамъ такъ тихо-тихо... Только мамка дровы—тюкъ-тюкъ-тюкъ!..

Прокопиха пришла за сѣномъ къ Григору: нужно жъ вечеру устроить, какъ у людей.

У Григора вся семья сидѣла за столомъ.

— Што ина просить тамъ у тебе?—спросилъ черезъ столъ у свой жены Григоръ, видя, что она о чемъ-то шепчется съ Прокопихой.

— Усюдахъ тольки давай... Сѣна ей? У бѣдности живеть, а еще сѣна... Итакъ повечерили-бъ... Ну, иди уже возьми у пуни, не стой на вочахъ!

Горько стало Прокопихѣ отъ этихъ словъ. Развѣ мало ея покойникъ выручалъ людцевъ? Никому, кажись, и ни въ чемъ отказу не было. Горько и тяжело, да что сдѣлать: у бабыльствѣ чего-чего не натерпишься. И она не шла, а бѣжала съ небольшимъ охапкомъ сѣна.

— Мамка, сѣна принесла,—шепотомъ сказалъ Вася, увидѣвъ вошедшую мать.

Положила Прокопиха сѣно на лавкѣ, зажгла огонь и оглянула хату. Боже мой! Завтра такой праздникъ, а она за хлопотами и бѣготней не успѣла ни образовать помытъ, ни лавокъ стереть. Все шурымъ-бурымъ. На столѣ остатки чернаго хлѣба, на окнѣ миска и ложки. Ей хотѣлось пошить Николкѣ армячекъ и сплести новыя лапти, но видно всѣмъ приходится остаться въ той же одеждѣ.

Однако, Прокопиха быстро принялась за работу. Прибрала кое-какъ хату и начала застилать столъ.

— Тиху жъ, мой соколикъ,—утѣшала она въ то же время своего больного сына... Вотъ я и сѣна постелю и свѣчку запалю къ вобразу... Во гляди, ягъ красиво... Иди, Николка, разбей сѣно на столу, а я достану изъ печи кутью... Золото мое! Што жъ ты опять за кашляеся, ну стихни жъ стихни,—утишала она Васю, устанавливая на столѣ посуду.—Ну не плачь же, мы за тебе Богу помолимся... Николка, читай „Рожество“!

Мать и сынъ стали въ углу и долго молились... Мать горько плакала и усиленно отбивала поклоны. Лицо ея уже выглядѣло совсѣмъ старымъ, губы посинѣли, по всему лицу пробѣгала нервная дрожь, только глаза горѣли какимъ то особеннымъ огнемъ. На ней была одѣта кожанка покойника Прокопа, съ головы съѣхала на лобъ бѣлая „хустка“...

Кончилась молитва. Мать нѣжно обняла Васю и принесла къ столу. Взяли по ложкѣ кутьи. Попробовалъ и Вася. Но въ горлѣ сжалось дыханіе, не могъ онъ и ложки проглотить отъ сильной боли.

— Мамка, болить вотъ тутъ,—шепталъ онъ, хватаясь за шею.

Мать принесла воды.

— Ну не плачь же, не плачь, я тебѣ потру шейку... Во-во,—говорила мать, ласково глядя сына по шеѣ.—Выпи-жь водицы... Я тебѣ накрою кожанкой...

Вася усѣлся на скамьѣ и какъ будто повеселѣлъ. Что-то праздничное разлилось по его лицу. Глаза его устремились на икону. Залюбовался Вася свѣчкой, которая такъ рѣдко горитъ въ бѣдной хаткѣ.

— Боженька, мамка, высоко живеть?—спросилъ онъ, переводя глаза на мать.

— Высоко-высоко, Василекъ!

— А я пойду завтра у церкву?

— Пойдешь, пойдешь... только поздоровѣй... Я тебѣ куплю рубашечку красненькую... Жеребчика? И жеребчика куплю... Бѣленькаго, маленькаго... Якъ у Симона? Ага... И Николки куплю... Вотъ вы и поѣдете вдвоемъ къ рѣчки... И въ лѣсъ поѣдете.

— А у лѣсу, мамка, птушечки?

— Птушечки и бѣлочки ёсь...

— А ты мнѣ поймай бѣлочку, Николка!.. Мамка, ты мнѣ ботики... И Вася не договорилъ. Сильный кашель заставилъ его упасть внизъ головой со скамьи. Онъ бился руками о скамью и вздрагивалъ всемъ тѣломъ. Мать отнесла его къ печкѣ и укутала въ кожанку...

... Кончилась вечеря. Встали изъ-за стола, помолились.

Звѣзды попрежнему ярко горѣли. Самая ясная прямо смотрѣла черезъ Симоновы хоромы въ окно бабиной хатки. „Ситце“ начало показываться за Григоровымъ токомъ.

Подостлала себѣ въ изголовье Прокопиха старый армякъ, убрала со стола и стала молиться съ Николкой. Потомъ потушила огонь и улеглась рядомъ съ Василькомъ, который, прижавшись къ матери, заснулъ, тяжело дыша и вздрагивая всемъ тѣломъ.

Долго не могла сомкнуть глазъ Прокопиха. Вотъ рождественская ночь. Людцы добрые разговляются будутъ, а у ней только одна булка хлѣба да два кусочка сала. А дрова? Сколько она просила Симона привезти дровъ! Все ему некогда. Свое, говорить, надо возить. А къ племянникамъ она и итти не хочетъ. Развѣ это люди?.. Каждый день ходи, неси по охапку. Развѣ это „женской справы“ работа?... Еще добро, что Николка на ноги поднялся.. Хоть какъ-никакъ, а все въ училище поступилъ. И „тикавый“. Много пришлось трудовъ и хлопотъ имѣть изъ-за него предъ старшиной. Пришлось за послѣднее купить гарнецъ водки, чтобы его въ школу записали.. И какъ хорошо Николка уже подучился: и про Рожество и про ангеловъ рассказываетъ.

И съ этими мыслями Прокопиха заснула. И снится ей будто сидитъ Вася въ лѣсу. Кругомъ снѣгъ, сучья деревьевъ приникли къ землѣ. Вася въ красной рубашечкѣ и сапожкахъ. Какъ возрадовалась она, увидя сына. Вася рукой ее манитъ къ себѣ, да вотъ бѣда—нельзя черезъ ровъ перейти. Вдругъ гдѣ-то вдали послышалось чудное пѣніе: „Слава въ вышнихъ Богу“, и позади Васи стали два ангела!... Боже, какіе они бѣлые, какія ясныя у нихъ лица!

— Не бойся,—говоритъ матери одинъ изъ ангеловъ: твоему Васѣ будетъ хорошо у насъ.

И все скрылось.

— Божа, Божа мой!—вскричала Прокопиха, вскакивая съ постели и набожно крестясь: что это за сонъ!... Боже мой!—Ангелы!.. Вася!..—Она бросилась къ своему Васѣ...

.....
.....

Вотъ затеплились огни въ хатахъ... О первыхъ пѣтухахъ встали бабы и принялись за стряпню. По улицѣ былъ слышенъ запахъ отъ печистаго и колбасъ.

Ударили къ заутрени еще до свѣту. Народъ валомъ-валилъ въ церковь. Не видно лишъ было въ народѣ Прокопихи... Она громко причитывала и горько плакала надъ трупомъ своего бѣлокураго Васютки...

ВОЛОСТНАЯ СХОДКА.

По примѣру прошлыхъ лѣтъ, на пересмотръ „общескихъ“ дѣлъ собрались въ Барыловскую волость представили отъ каждой деревни. Прежній составъ выборныхъ былъ, однако, значительно перетасованъ. Еще передъ новымъ годомъ значительная часть старовыборныхъ принуждена была сложить свои полномочія: по опыту оказалось, что они не соображаются со взглядами старшины и писаря и тѣмъ не мало вредятъ ихъ режиму. Въ числѣ нововыборныхъ, къ удивленію своему, я замѣтилъ самыхъ главныхъ потребителей „винополи“. Тутъ былъ, напр., Сидоръ, по прозванію „Кажухъ Смаленый“, Щамель, «старостовъ швагра», Язэпъ Вантроба,—крикунъ и забіяка, Янка Зипайла, Затычка, Жбанъ, „старшиновъ племянникъ“, и проч.

Собравшіеся размѣстились въ разныхъ концахъ „волоской“ конференцъ-залы. За столомъ, по обыкновенію, на мягкомъ стулѣ засѣдаетъ волостной писарь, по правой его рукѣ на ломаномъ табуретѣ—старшина, по лѣвой—старосты и между ними Щамель, дальше, въ маленькой боковой комнаткѣ (денежная кладовая тожъ)—размѣстились судьи и болѣе вліятельные изъ выборныхъ. Тутъ же можно было замѣтить и учителя, о судьбѣ котораго, какъ увидитъ читатель, сходу придется имѣть много преній. „Холодная“ занята выборными, которыхъ „хата съ краю“, которые поддерживаютъ общій гуль и принимаютъ участіе въ дѣлахъ, когда передніе ряды разгорячатся и накалятся до 40°. Около печи засѣдаетъ партія Янки Зипайлы,—партія

представляющая собою оппозицію, въ родѣ извѣстныхъ австрійскихъ крикуновъ Шенерера и Вольфа.

По примѣру прошлыхъ лѣтъ, головы всѣхъ выборныхъ были покрыты облакомъ зеленаго табачнаго дыма. По обыкновенію, курили корешки дунаевской фабрики, или «Экстру» III сортъ. «Цибуки» поминутно передвигались съ праваго угла рта на лѣвый. Во рту Смаленаго Ктжуха я замѣтилъ новую, съ „масяндзовой“ головкой, „пипку“. Онъ важно развернулъ полы своего армяка и досталъ коричневую пачку табаку, набилъ имъ вышепоименованную „пипку“ и, лишь только зажегъ спичку, какъ дюжина «цибуковъ» потянулась къ нему со стороны лицъ, желавшихъ захватить дарового „вогнища“. Никита Жбанъ прихинулся къ окну и въ 10-й разъ подступаетъ къ Затычкѣ, стараясь доказать ему, что „ихняя кабыла евоного коня перегонить“. Затычка, закутанный по уши въ большую бѣлую хустьнку, наклонялъ свой длинный носъ къ фізіономіи Жбана и продолжалъ доказывать, что у него „не такіи колись-то кони были“. Жбанъ горячился и размахивалъ руками, хотя нельзя было понять: лошадыю „ихнею“, онъ недоволенъ, или радъ случаю къ Затычкѣ придаться. Онъ поминутно дразнилъ оппонента, скривлялъ ротъ, перекашивалъ туловище, приподнималъ сжатые кулаки, намѣреваясь постоять за себя и за свои убѣжденія, если только Затычка станетъ „опрыкаться“. Словомъ, споръ могъ бы затянуться на долгое время, если бы въ это время не кончилась перекличка выборныхъ. Писарь махнулъ рукой въ сторону старшины, давая знать, что наступила пора перейти „къ очереднымъ дѣламъ“.

— Тиху вы тамъ!—закричалъ во все горло старшина, нагибаясь всѣмъ туловищемъ къ народу и приглашая выборныхъ всѣхъ партій бросить споры и выслушать писаря.

Писарь. Слушайте, выборные! Жалованья стоичному съ торговъ назначено 205 руб. Что вы на это скажите?

Сходъ послѣ минутной паузы заколыхался. Все разомъ закричало, загалдѣло. Приближенные писаря окружили стоечнаго и о чемъ то горячо стали спорить. Голоса „по-старому“ и „выбрать новаго“ сливались въ одинъ неопредѣленный гулъ. Партія же Зипайлы безостановочно кричала: „и гэтаго много“!...

Я ожидалъ, что стоичному не одобровать. Лошади его слабыя, самъ онъ день и ночь пьянъ. Надбавить же сброшенное на торгахъ (160 руб.), когда другіе брались за 210 руб., представлялось совершенно невозможнымъ.

— Какъ ты думаешь,—обратился я къ своему пріятелю Симону (онъ не принадлежитъ ни къ одной изъ партій): надбавятъ ли ему прошлогоднее?

— Вядомое дѣло, все оставятъ по-старому... Енъ ужо ихъ подпоіу!...

-- Можетъ ли быть? Когда же онъ успѣлъ?

— Правду кажу,—увѣрялъ Симонъ.--И знаешь якъ?—шепнулъ онъ мнѣ на ухо.—Поставіу горѣлки у конюшни. Якъ только идетъ староста съ выборными, енъ ихъ кивель за ворота, да у конюшню, да горѣлки. Такъ и усякому бѣльмы заливау. Смотри, якъ глядятъ...

Я невольно сталъ всматриваться въ черныя, съ блестящими носами, лица. Глаза выборныхъ подернулись туманомъ, вѣки часто мигаютъ. Запахъ водки носился въ воздухѣ.

— По-старому!—гремѣлъ между тѣмъ Смаленый Кажухъ.

— По ста-а-а-ро-о-му!..—вторили ему его адепты. Голоса около двери и въ холодной подѣ давленіемъ Кажуха и Зипайлы стали затихать, особенно— послѣ того, какъ къ нимъ присоединился Жбанъ.

— Тиху вы, братцы!—стишалъ волновавшихся выборныхъ красный, какъ самоваръ, старшина: тиху вы, не налегайте впередь!.. Старосты, оттискивайте!..

Шумъ, однако не унимался. Писарь, зная отлично психологію толпы, спокойно затягивался табачкомъ фабрики Шапшала. Онъ до схода еще былъ увѣренъ, что дѣло стоечнаго кончится благополучно, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, считалъ своимъ долгомъ дать свободу накричаться: пусть, дескать, подерутъ горло на здоровье, пусть выкричатся, а потомъ изъ нихъ „хоть веревки вей“. Въ то время, какъ всѣ головы волновались и выходили изъ себя, онъ продолжалъ выслушивать своихъ приближенныхъ, которые часто, изображая на своихъ лицахъ сладчайшія улыбочки, наклонались къ его (писаря) бородѣ. Писарь или кивалъ головой въ знакъ согласія, или отстранялъ просителя рукой. Въ этомъ случаѣ онъ, соображался съ тѣмъ, какой масти была фізіономія—былъ ли то козырной тузъ (Щамель, напр.) или простая „шаперка“ (Кобылья Губа).

Когда потихла буря, старшина наклонился къ писарю, шепнулъ ему что-то пріятное на ухо и оба разсмѣялись. Старосты скривили рты въ улыбки изъ уваженія къ начальству.

— Ну что, какъ будеть?—спросилъ, наконецъ писарь.

— По-старо-о-му!...—закричали передніе ряды.

Записали въ приговоръ: „оставить стоечнаго по-старому“.

Теперь очередь за фельдшеромъ. Писарь предложилъ почтенному собранію обычный вопросъ: на какихъ условіяхъ оставить фельдшера?

— Долоу, не надо намъ гэтаго фелшара!—гаркнули передніе ряды изъ партіи Зипайлы.

— Богъ—докторъ, корчма—аптека,—замѣтилъ съ ироніей наклоняясь ко мнѣ мой пріятель: на что имъ фельдшеръ, нихай бабы лучше лѣчатъ...

Изъ толпы, между тѣмъ, выдѣлился мужичекъ съ черной всклокоченной бородой и обратился къ публикѣ съ слѣдующей рѣчью: „Господа вобщество! Гѣтый самый фелшаръ давау камень моей дѣвочцѣ... Якій камень? Синій камень, господа вобщество!. (шумъ). Отъ горла, знацца, давау... потеръ и давау... Ти гѣта можно-а?“ „Въ обчествѣ“ не нашлось лицъ, слѣдующихъ въ вопросѣ о значеніи синяго камня, только около печи кто-то замѣтилъ: „съ гѣтымъ жарты плохи“. Тогда ораторъ обратился съ тѣмъ же вопросомъ къ столу, но писарь и старшина сочли себя некомпетентными въ медицинѣ, а можетъ быть приняли во вниманіе, что фельдшеръ ихъ хорошій собутыльникъ, а потому вопросъ о синемъ камнѣ самъ собою уничтожился.

Такимъ образомъ, фельдшеру отъ черной бороды не угрожало большой опасности. Море головъ какъ будто успокоилось. Но вотъ выступилъ съ рѣчью Кажухъ Смаленый и началъ обличать фельдшера совсѣмъ съ другой стороны. По его словамъ, фельдшеръ только „горѣлку жарѣтъ“, а никому никогда „помочи не даетъ“. Приѣхаль однажды онъ (фельдшеръ), къ его, Кажуха, брату и „начау слухать его груди, а самъ ничего не чуить, наклоницца—и завалицца... Чиста груди отдрагау своей лысой головой“..

Этотъ докладъ размѣшилъ членовъ всѣхъ партій. За столомъ смѣялись до упаду. Выборные, видя, что писарь никакъ не можетъ освободиться отъ обуявшаго его смѣха, въ угоду панскому смѣху, продолжали смѣяться. Они раскачивались, утирали градомъ катившійся потъ и повторяли: „отдрагау груди“!..

— Ну что, якъ рѣшили?—спросилъ старшина.

— Нихай дасъ расписку, что пить не будить,— послышалось нѣсколько голосовъ изъ толпы.

Учитель. Хорошо было-бы, чтобы вы всѣ дали расписку, что водки пить не будете, потому что водка васъ...

Голосъ изъ толпы (перебивая и съ азартомъ). Мы пьемъ за свои гроши!... Ты намъ грошей не давау на горѣлку!

Тережка. Мы пьемъ, да розуму не пропиваемъ!

Зипайло. Никому дѣтъ дѣла, што мы пьемъ!

Симонъ. Въ прошломъ годѣ не хотѣли фельшера— ень быь трезвый, теперь пьяница, и вы на пьяницу жалуетесь... Кто вамъ угодить?

Нѣкоторые прислушились къ этому замѣчанію, вспомнивъ прошлогодняго фельдшера. Опять поднялся крикъ и споръ. Однако-жъ, изъ всего этого тлumu можно было заключить, что „вобчество“ согласно оставить фельдшера на должности, только не мѣшало бы съ него побольше содрать „барышоу“.

Появился самъ фельдшеръ изъ боковой комнаты и началъ говорить что-то въ свое оправданіе. Онъ по-минутно перебѣгалъ отъ одного выборнаго къ другому, захаживалъ крикуновъ и старался усовѣстить „Смаленаго Кажуха“. Дѣло окончательно склонилось въ его пользу, когда писарь поправительственно замѣтилъ:

— Ну что тамъ сдикацца, посмѣялися, постыдили—и ладно!...

— А расписку дась?--спросилъ кто-то изъ толпы.

Старшина. Што тамъ расписка! Ёнь и такъ не будить пить!... Много ты давау росписокъ!...

Записали: „Оставить по-старому, впредь до усмотрѣнія“.

Переходъ къ слѣдующимъ дѣламъ совершился не вдругъ. Писарь углубился въ какія-то вычисленія. Помощникъ вытаскивалъ и подавалъ ему какія-то бумаги.

Все постепенно стало стихать. Жара увеличивалась. Пипки закуривались. Но вотъ писарь махнулъ рукой, и старшина опять потребовалъ вниманія.

Писарь. Вы знаете, что училище сгорѣло. Учитель проситъ нанять помѣщеніе. Изъ дерекціи получена такая-же бумага, что вы на это скажите?

Учитель (выступая изъ „бакоушки“). Прошу васъ, выборные, обратить вниманіе на то, что 14 человекъ готовится къ выпуску. Помѣщеніе для нихъ будетъ стоить рублей 10—15, а хлѣба вы не пожалѣете...

Сходъ снова заколыхался. Все закричало, задвигалось. Громкій протестъ вырывался изъ всѣхъ партій. Бѣлая борода, бѣлый кажухъ, партія около печки, холодная и даже задніе ряды кричали въ одинъ голосъ: „не надо!“.

Писарь, скрывая въ усахъ улыбку (онъ зналъ чѣмъ дѣло кончится), предложилъ устроить перекличку.

Учитель согласился.

Начали „кидать на голоса“.

Писарь водить по бумагѣ карандашомъ и отмѣчаетъ поданные голоса. Уже по интонаціи 1-хъ пяти голосовъ привычное ухо догадывалось, что вопросъ объ училищѣ спущенъ въ трубу. Само собой понятно, что утѣшительнаго нельзя было ожидать уже потому самому, что „барышоу“ за училище никто не поставитъ. А кто же согласится драть горло при такой духотѣ „на сухое“?

Перекличка, дошедшая до бѣлой бороды, дала отрицательные отвѣты, которые были мотивируемы лаконическими вставками: „не надо, нихай погуляютъ“⁶⁰), „усе ровно не научацца“, „не нада, бо лѣта не далеко“, „безъ учення прожить“, „и такъ хлѣба много поѣли“, „нихай учитель отдохнетъ“. Дошло дѣло до Щамеля. Его оглушительное „не надо“ заставило повернуться сходъ къ окну. Видно и всѣ противъ найма, когда бывшій попечитель сказалъ: „Безъ учення не помрутъ“...

Нашелся въ заднихъ рядахъ етець ученика изъ III-го отдѣленія, который подалъ голосъ въ пользу найма; прокричалъ слабый голосъ въ хлѣбной: „ни-хай поучацца“ да мой пріятель не пошелъ за черной сотней. Всего, какъ видите, три голоса.

— Хе-хе-хе,—засмѣялся писарь, подсчитывая го-лоса: скупо что-то, скупо...

— Не дужа ладно, ха-ха,—вторилъ ему старши-не, вставая со стула и пропуская мужичка, который наклоняется и закуриваетъ папирску изъ стоящей на столѣ лампы.

Побѣда была полная. Такого пораженія „волост-ная сходка“ еще не видывала. Было 15 противъ 50, даже 10 противъ 40, но 3 противъ 70—еще не бывало. Учитель стоялъ, какъ облизанный. Писарь и старши-на тержествовали. „Во тебѣ, говорили ихъ глаза: не ходи дужа высоко, не чуждайся нашего кумпанства... Теперь хлопай глазами!“

Писарь. Ну, какъ же быть теперь съ ученической кухаркой, сторожемъ, отопленіемъ, освѣщеніемъ и пись-менными принадлежностями?

Кажухъ Смаленый. Отказываемся!

Писарь. Какъ отказываетесь? Сбрасываете, зна-чить, все долой?

Голоса. Ничего ненадо! Все долоу!... И куфарку... и сто-о-рожа!...

Янка Зипайло. И писаные принадлежности— долоу!...

Голоеа около окна. Долоу-у, долоу-у-у!...

Писарь (пишетъ). Слушайте теперь. „Мы, ниже-подписавшіеся (слѣдуетъ перечень выборныхъ)... по-становили: по бѣдности, въ наймъ зданія для школы отказать, кухарку и сторожа разсчитать, расхода хлѣ-ба для учениковъ не производить, а равно не выда-

вать денегъ на письменныя принадлежности и освѣщеніе, въ чемъ и подписуемся“...

Учитель. *А гдѣ же мнѣ теперь жить?

Язепъ. Гэтаго мы не вѣдаимъ.

Щамель. Што жъ зрбить? Якъ—нибудь до лѣта прокачаисся!...

Писарь. Ну, ладно, ладно. Слушайте еще дальше. Помните, вы обѣщали наградить насъ со старшиной за то, что мы взяли на себя защищать мостъ? (Шумъ около печки).

Старшина. Да, братцы, надо было бы насъ наградить!... Мы жъ старались (шумъ)... Старались тое-сее, знацца... Ъздили, знацца...

Голоса изъ партіи Шенерера (Зипайлы тожъ). Якій тамъ мостъ? (Смѣхъ).

Писарь. Какъ какой? Тотъ самый, что мы у мирового защищали!...

Кажухъ Смаленый. Гэто у пуста! Ъхали вы на стайковыхъ коняхъ, ѣли вы хлѣбъ магазинный. Гэта у пуста!... (Смѣхъ).

Писарь (почесывая затылокъ). Да надо было бы что-либо... Все-таки турбація! Сами знаете!... (Смѣются).

Голоса. Знаемъ, зна-а-емъ!...

Язепъ. Богъ вѣдаить якій тамъ мостъ! Усюдахъ расходы! Не надо ничего!

Писарь скорчилъ недовольную фізіономію. Онъ никакъ не ожидалъ такого отпора. Сколько времени онъ рассчитывалъ сорвать руб. 20—30 за мостъ (который едва ли когда нуждался въ его защитѣ) съ мужичковъ, но Янка все дѣло испортилъ. Янкѣ это даромъ не пройдетъ. Придетъ коза до воза.

Писарь. Ну, а какое-жъ содержаніе писарю и старшинѣ?

Я ожидалъ, что послѣдуетъ особенно сильный отпоръ противъ „старого“ со стороны Шенерера и Ко,

а равно и отъ армяковъ, сидящихъ около печи. Однако жъ вопросъ этотъ не вызвалъ прошлогодней бури. Дѣло въ томъ, что представители волостной іерархіи рѣшили безъ торговъ отпустить барышоу (хотя объ этихъ барышахъ рѣшено было не упоминать на сходкѣ).

Голоса въ срединѣ. Нихай по-старо-о-о-му!...

Кажухъ. По-старому!..

Партія Зипайлы. Надо было бы снять...

Писарь. Ну что тамъ снять?... Побойтесь Бога!...

Ладно будетъ... Спасибо, братцы!... Теперь все... Можете расходиться по домамъ!..

Я удивился такому необыкновенному финалу сходки. „Неужели, думалъ я, всѣ разойдутся на сухое?“

Я обратился къ своему пріятелю.

— Гэта яны не хочуть при паничѣ робить раскладъ, сколько на душу да на вобчество выйдетъ барышоу—разъяениль онъ мнѣ.

Мужички стояли, почисываясь. Никто не думалъ уходить. Вдругъ показался писарь, несшій изъ своей комнаты списокъ выборныхъ. На этомъ-то списокѣ и было высчитано сколько вышло на душу „барышоу“. Оказалось что зипайловскому обществу выпало 5 руб. 65 к., прочимъ по 4 р. (а общество всѣхъ 5).

По объясненію Симона, такіе „важные“ барыши произошли отъ того, что старшина, писарь, фельдшеръ и стоечный енесли свою лепту въ одну кучу.

„Теперь пойдетъ банкетъ на цѣлую ночь“,—замѣтилъ Симонъ, провожая меня на улицу. Простившись съ пріятелемъ, я пошелъ за старостами, которые направились гуськомъ къ „винополіи“.

Тутъ они накупили бутылокъ разныхъ сортовъ и наложили полная „запазухи“, понатискали карманы армяковъ и штановъ и, вышедши на улицу, стали созывать свое стадо въ занятое раньше помѣщеніе. Я

попелся за толпой въ избу ближайшаго крестьянина. Оказалось, что тутъ уже все было готово къ банкету. Хозяйка поставила на столъ колбасъ и капусты. Вскорѣ гости заняли все помѣщеніе небольшой хатки. Ребята тискались къ столу. Бабы ихъ прогоняли на печь. Староста обходилъ выборныхъ, стараясь никого не пропустить. Онъ усердно увѣщевалъ „выпивать до капли“. Мужички галдѣли, разбирая событія дня и часто вспоминали писаря и его жену.

Въ облакахъ табачнаго дыма едва можно было замѣтить двухъ бабъ, державшихъ на рукахъ грудныхъ ребятокъ.

— Идите, бабки, ближе!—кричалъ одинъ изъ гостей: поспытайте нашихъ борышоу... Ходи, Ходора!... Лей, староста, бабамъ!...

Староста „поднесъ“ по рюмкѣ бабамъ. Онѣ выпили и остатки вылили въ ротки своихъ малютокъ...

Я пошелъ въ другую хату. Тутъ засѣдали крикуны, занимавшіе мѣста въ волости около печки.

Выпивка продолжалась до глубокой ночи. Болѣе трезвые кое-какъ доплелись до своихъ домовъ, прочіе улеглись на лавкахъ и подъ лавками, и на утро можно было видѣть, какъ красные носы и затуманенные глаза являлись въ „винополію“ за похмѣлкой.

ВЪ ГУБЕРНІЮ СЪ БУМАГОЙ.

(Разсказъ бѣлорусса).

Я вышау зъ машины, да по кайлидору тискауся-тискауся и вытиснууся къ тымъ, што съ бляхами на шапкахъ. Гляжу, а гэты самыи (съ бляхами) лѣзуть къ панамъ: къ гостинцу, кажутъ, къ гостинцу!... А паны на конеу ⁶¹⁾ да по конямъ, да драла домоу. Я ета глядѣу-глядѣу и вижу стоить посередѣ городу (огорода) якъ быццамъ поумисокъ большій, али такъ миса круглая, якъ рѣшето ⁶²⁾. Я подайшоу къ гэтой мисѣ. Гляжу: нѣшта жидкая. Думаю: карасина! Поспытау: не—вода. Тады я давай мижа пановъ тискацца. Гляжу—на вулицы кусокъ машины. Эге-ге, кусокъ мусить оторвауся отъ бѣльшій! Не, вижу гэтый самый кусокъ за дротъ ⁶³⁾ держицца. Я кажу: што гэта? А жидъ кажить: гэта трамбонъ. Подойшоу я упередѣ—урядникъ, подойшоу назадъ—урядникъ ⁶⁴⁾, поглядѣу у вокны—паны сидять. Тады я думаю: дай пощупаю коло боку. Я ета руку къ ему, а ёнъ званкомъ дзынь! И—шши: пошоу, якъ быть его хто потягнуу... Я за имъ. Гляжу, ажъ другая машина шипить прямо на мене и урядникъ держить у рукахъ ти то кочергу, ти то шворенъ. Тады, якъ крутнѣть тый кочергой, а машина стала и стоить, а паны изъ яе якъ посыпалися усё равно, якъ бобъ. Пошли тагды хто къ сабѣ. Тады нѣхто мяне якъ драгануу у бокъ, а я его, знацца у бокъ, а урядникъ якъ крикнуу на мяне, яжъ не споровауся, да давай тискацца промежъ пановъ, да якъ шарахнуу прямо къ мосту!.. Али мостъ, паночекъ, вотъ

мостъ, дыкъ мостъ! Дай Божа и по вѣкъ такіи мосты! Жарты высочина! Растягнууся съ горы на гору и ни колышицца. Ну и желѣззя жъ уперли у яго! Гэтаго желѣззя до вѣку хапила бѣ не то што на наши Крамзюльки, а и всему обчеству по горла хапила бѣ! И не то што хапила бѣ на лемешы, а и на ножи, и на пещни, и на обручи, и на топоры. Жарты сооритъ такую чугунку! Тутъ не съ простыхъ хто робіу. Къ гэтой работѣ нашему Симону и не близко,—правда, паночекъ?

А на водѣ чауны не то што наша икая душегубка! Тамъ чауны—во якъ отсюль до Тэклиной хаты—дадуши-жъ будить!

А отъ мосту видны дома-домы, да церкви. Усѣ каменицы, а крыши съ бляхи. Нигдѣ не видно ни соломы, ни драниць.

Ну ладно.

— А дѣ тутъ самая большая губерня?—спросіу я у урядника, што ходіу по вулицы.

— Икая кажить губерня?

— А вотъ, кажу, бумага.

Енъ гэта растарещау вочи на бумагу. Глядѣу, глядѣу и кажить:

— Иди, кажить, на Замокъ прямо, тамъ спросишь.

Я на Замокъ. Миную бѣлыи хоромы, миную красныи хоромы,—гляжу валить народъ! Божухна мой, во кирмашъ! Двинуцца, двинуцца. Я жъ думаю, што ета оттуль, ажъ не. Тискаюцца, знацца, той туды, той оттуль. Усѣ боли коло стѣны держуть. На дор огу нихто ня бось, не идетъ. Больши зъ молодыхъ, со шляхтовъ. А на вочахъ у мальцовъ шкло поначепано. Кажинный моргаить на паненыкъ, а паненки чмыхають и головой кивають, а нѣкоторыи во гѣдакъ одинъ за другимъ подъ руки идуть. А другии такъ коло стѣнъ приперлися и крутють вусы—мусить кого дожидають ти што?

— Чаго яны ходють?—кажу одному мальцу.

— Гуляють, кажить,—не видишь ти што? Гуляють, штобы значить пообѣдать лени.

И самъ курить цыгарку и смяецца.

— Во коли бы ихъ у цапы, ти за соху,—скорѣй бы яны ѣсть захотѣли,—думау я. Съ цѣпомъ бы столыки не походіу, а бабамъ бы дау грабли, ти мялицу лень мять—во имъ бы обѣдать!... не то што обѣдать, а и полуднывать захотѣу бы другій, да и усы не крутіу бы такъ—правда, паночекъ?

Ну, ладно. Пошоу я, знацца, по своему дѣлу, по тый самой бумаги. Держу, знацца, документы за пазухой, а торбочка у мяне съ харчами при боку. Ажъ глядь у передь—панъ нѣкій особый, на шапкѣ обручъ золотый, по пальту полосы золотыи и гузики понасажены усе масянзовые, блескучіи якъ змѣиная голова. Ладно. Я ему: „здраства“, а енъ—ничего, смѣецца. И чаго енъ смѣецца другій, якъ малпа ⁶⁶⁾?!..

Тады я по вулицѣ, да на низъ, да къ церкви, гляжу у верхъ—нѣхто высоко-высоко ходить. Постоить и пойдить... Тады я кажу: чаго енъ тамъ ходить? А нѣкій чаловѣкъ несетъ кажухъ и кажить: а табѣ какое дѣло? А самъ и пошоу съ тымъ самымъ кажухомъ. Я ета деруся усе выши—выши, прямо до той каменицы, гдѣ бумаги отдають. Я за одны двери—ни туды, я за другіи—ни туды, я выши—ажъ чаловѣкъ нѣкій высунуу во гѣдагъ голову. Я ему бумагу, а енъ: секлетарь, кажить, пошоу, приходи за-послѣ-заутра, бо заутра свято. Тады я сѣвъ на лѣстницу, отломіу ковалыкъ хлѣба, хотѣу закусить, ажъ тый чаловѣкъ опять вытырнууся: иди, кажить, на низъ, тутъ не можно. Ладно. Сѣу я на самомъ, знацца, низу, закусіу сухого хлѣбца, да и думаю: драбану я еще уверохъ. Драбануу. Запалили хунари. Тады я на вулицу да къ вокнамъ. Ажъ на вокнахъ магазыны усякіи, матеріалъ

усякій, паркаль на рубахи чирвоный, сукно на армяки первѣйшее, ну и такъ масянзовые штрументы усякіи...

Тады я пришоу ужо туды, гдѣ двѣ луны висѣли. Гэта не то што двѣ луны настоящіи, а такъ пузыри ⁶⁶⁾ знацца, стекляныи али не простыи, паночекъ, гдѣ жъ простыи пузыри будутъ горѣть?

Улѣзь я у хоромы, ажъ и тамъ пузырь горить. Правда я и разглядѣу тый огонь: прямо носомъ коло его торчау... Тады я думаю, шарахну у тьи двери. И только я заложіу ногу у тьи двери, ажъ нѣйкіи чело-вѣкъ хватъ мене во за гэта мѣста: куды ты, кажить?...— „А табѣ якое дѣло?“ -- кажу. Якъ я только „якое дѣло“, а енѣ мене тады во за гэто мѣсто да уряднику, а уряд-никъ—свись да и сдау мене другому уряднику, а тый мене бокомъ-бокомъ да тымъ самымъ трахтомъ, да у пожарную. Ну ладно. Пришли мы у пожарную, ажъ тамъ полѣ, на полу еще нѣхто сидить. И печка топи-ца. Тый челоуѣкъ картошку пякетъ. Я ета сѣу къ печ-ки, ажъ тамъ тепло, ладно. Я обогрѣуся, вынуу хлѣ-ба, а челоуѣкъ дау мнѣ три бульбины. Я повечеріу, развѣсіу лапти, помоліуся Богу и легъ спать. Ажъ рано пришоу нѣйкіи начальникъ, обсмотрѣу мене, по-глядѣу на бумагу... Я ему и рассказау, якъ я гдѣ быу и што видіу и якъ мене урядникъ зараштавау. Добрый такій гэтый начальникъ! Ничего не сказау, засмѣяуся и кажить: иди домоу!... Якъ драбануу прямо къ ма-шинѣ, да сюды... Дыкъ што мнѣ таперъ дѣлать съ тый бумагой, паночекъ?

ВОДКА НА „ХАУТУРАХЪ“.

Водка разливается широкимъ потокомъ по всѣмъ перепутьямъ сѣренькой жизни нашего крестьянина, она бьетъ огромной волной по его утлой лодочкѣ, и какъ часто совсѣмъ потопляетъ ее! Худо мужику освободиться отъ водки. Самаго „глупостнаго дѣла“—общественнаго ли (суды, приговоры), или домашняго (свадьба, крестины, похороны)—безъ водки не устроишь. Водка впитывается съ молокомъ матери и входитъ въ организмъ не только какъ суррогатъ питанія, но и какъ нѣкотораго рода потребность духовно-нравственной жизни. Словомъ, водка отравляетъ крестьянина отъ перваго шага до послѣдняго вздоха. И какъ „споконъ вѣку увялося, такъ надо твердо держать и теперь“,—говорять старики.

До введенія монополіи мужикъ имѣлъ возможность во всякое время отравлять себя алкоголемъ. А теперь приходится считаться съ обстоятельствами времени и мѣста и черезъ то терпѣть пертурбаціи, о которыхъ дѣды-прадѣды и во снѣ не видали...

Умеръ въ одной деревушкѣ нашей волости глухонѣмой старичокъ. Отъ природы обиженный судьбой-мачихой, всю жизнь чувствовавшій себя несчастнымъ, онъ, по мѣрѣ силъ, старался не быть въ тяготъ ни семьѣ, ни деревенцамъ, а потому работалъ за троихъ; не досыпалъ, не доѣдалъ, сносилъ и холодъ, и голодъ, не зналъ облегченія горя-горькаго, не видѣлъ ласки, не слышалъ участливаго слова. Никто не встрѣчалъ его празднымъ: онъ въ полномъ смыслѣ слова сѣдалъ хлѣбъ „въ потѣ лица своего“.

Но вотъ нынѣшнею осенью тяжелый недугъ подкосилъ старика, и вся деревня возрадовалась: будутъ, молъ, «клецки богатыи», слава Богу, его семья куда насъ «заможнѣй», будетъ праздничекъ, будетъ выпивка и закуска! Но старику, какъ въ этой жизни не везло, такъ и при переходѣ въ вѣчность пришлось считаться съ суетою человѣческой. Сосѣди не пошли съ нимъ попрощаться, какъ прощались съ другими. За что же на дѣда разсердились? А за то, что въ домѣ „проклятой балбатухи“ не оказалось...

Лишь только разнеслась молва, что „старикъ приказалъ долго жить“ деревенцы сначала нахлынули въ хату, „потоптались“ у порога, мимоходомъ взглянули на почернѣвшее лицо старика, который лежалъ въ красномъ углу, въ бѣлой сорочкѣ, и, не замѣтивъ ни на столѣ, ни на подоконникахъ ни одной бутылки водки, поспѣшно оставили „небощика“ и пошли каждый къ своей работѣ. Кому же охота бросать свои „патеры“ въ огонь? ⁶⁷). Какая можетъ быть молитва, когда въ горлѣ пересохло“?

Сродники умершаго, хорошо сознавая насколько обезкуражены гости такимъ невиданнымъ еще пассажемъ, приходили въ отчаяніе и стали плакать не столько о томъ, что старика отправляютъ въ вѣчное упокоеніе, сколько о томъ, что въ „винополіи“ горѣлки достать нельзя: сегодня суды (суббота), а завтра продажа начнется только послѣ обѣдни (12—1 ч. дня)... Вотъ бѣда! Кто жъ согласится ночку коротать надъ покойникомъ? Икая „гавэнда“ безъ горѣлки? И бабы и тѣ безъ горѣлки съ мертвымъ не останутся!.. Что жъ бабы не люди? И бабы не прочь для веселости выпить по рюмочкѣ! Да и какой порядокъ безъ горѣлки?

Невѣстка упала на грудь старика и старалась выразить общее настроеніе въ причитаньяхъ.

„А мой жа ты свекарка!—голосила она изо всёхъ силъ: а ты жъ у мене быу, якъ родный таточка! А ты жъ бывало и лапки сплятешь!.. И ты жъ бывало и оборочки совьешь! А выбрау жа ты годиночку несчастливую, зробиу жа ты бесѣдочку не веселую, закрутиу ты намъ головочку!.. Чаго жъ тябе такъ людцы отрекающа, за что жъ отъ тябе людцы отхинулися?... А вотъ жа таперь порадошки и зрobili яны намъ зарадочки... Кабъ ты подождау хоть одинъ дянечикъ—быль бы табѣ счастливый часочекъ ⁶⁸)... А таперь зробиу ты намъ на горѣ грязь!... Божа мой, Божа! А якую жъ таперь радочку узять, съ кимъ жа намъ таперь дядульку ховать“?!...

Но сосѣди были глухи къ невѣстkiному горю. Они совершенно резонно замѣчали, что неужели „ень цѣлый вѣкъ прожю и чарки горѣлки не заробиу?“... И якъ гэта ихнимъ дѣткамъ не соромно? Жарты ляжить дѣдъ бизъ усякаго усяго, якъ кочережка!“ Досадно сосѣдямъ! сколько времени ожидали „дѣдовыхъ клецыкъ“, столько времени эти „клецки“ служили для нихъ своего рода idee fixe... Кому жъ теперъ охота ити на „дѣдову бесѣду?“... Даже Кулина Лопатливая и та находитъ, что безъ горѣлки плохо, потому что „якъ троуху людцы выпьють, ну тады и бясѣда и тое-сее, а такъ на сухое и языка не повернешь... Пришоу, а дли чаго пришоу?“

Удрученные скорбью родственники стали упрашивать Берку, чтобы онъ ихъ выручилъ изъ бѣды.

— Ослобони насъ, Берочка! Отецъ ты нашъ! Пропадомъ-пропадаемъ! Дай хоть 2 бутылочки!

Берка, у котораго, кстати сказать, всегда припасено для экстрo-ординарныхъ случаевъ нѣсколько бутылокъ водки, пофанабѣрился, поломался но все-таки сжалился надъ просителями, далъ 2 бутылки, за что и получилъ хорошій барышъ и великое спасибо. Но что

значать 2 бутылки на всю деревню? Тутъ и ведромъ не обойтись!..

Однако, и двѣ бутылки помогли устроить „домовье“⁶⁹⁾ и выкопать яму. Домовье, вѣдь, безъ водки никто дѣлать не пойдетъ, а за деньги нанять—въ обычаѣ не ведется „ховать нябощика за гроши“. „Справдѣнку и старъ и младъ ховались въ домовьяхъ, сдѣланныхъ пьяными мастерами. Никто, я думаю, не помнитъ такого случая, чтобы былъ гробъ сдѣланъ безъ водки. Напротивъ, каждая обструганная доска, каждый вколоченный гвоздь сопровождается выпивкой. Каждый замѣчалъ также, что подъ конецъ работы у гробостроителей носы дѣлаются красны, глаза влажны, а языкъ начинаетъ откалывать „кукульменты“ по адресу небощика.

Настало утро. Родственники пошли отыскивать людей выкопать яму. И яму соглашаются копать только за водку. Отправляясь на работу, сосѣди сначала изрядно выпьютъ послѣ того, какъ снимутъ съ мертваго тѣла мѣрку, а затѣмъ берутъ съ собой на кладбище бутылки 1—2. Выкапываютъ аршинъ—похмѣлятся, силъ наберутся, еще аршинъ—еще похмѣлятся и т. д. Если все дѣлается въ такомъ порядкѣ, то каждый похвалитъ хозяевъ, что „во гэта, якъ у добрыхъ людцевъ“. Тогда никто и глаза колоть не будетъ за небощика, тогда и Рыпина Зарѣчанская не „облаитъ хоутуръ“, тогда и „косточки дѣда будутъ лежать спокойно“...

Послѣ полдня пріѣхалъ причтъ „проводъ править“. Бросились бабы къ старику, приникли головами къ его груди, и опять полились сѣтованія, что „пирушка жалобная“ не въ полномъ комплектѣ, что никто не пришелъ провѣдать дѣда и проч. Пошелъ сынъ звать сосѣдей. Откликнулись на просьбу Панкратъ и Терезка да 2—3 бабы. Запрягли пѣгую кобылу, кое-какъ вынесли дѣдушкино домовье на телѣгу и поѣхали че-

резъ березникъ къ сосновому лѣску, гдѣ кладбище расположено. Какъ то будетъ поживать нашъ дѣдушка, лишившійся „патеровъ“ своихъ сосѣдей?!

Такъ, надъ умершимъ необходима тризна со всѣми ея атрибутами, такъ сѣтуетъ мужичокъ, если гдѣ не удастся проглотить рюмку водки... Такъ истощается, мельчаетъ, грубѣетъ, коснѣетъ въ невѣжествѣ наша сила деревенская, такъ не ослабѣваютъ животныя инстинкты даже при видѣ смерти, при видѣ умершаго сосѣда. Нѣтъ водки—нѣтъ дружбы, нѣтъ водки—нѣтъ кумпанства, нѣтъ водки—„гавэнды нема“!... Не даромъ же водка получила названіе „шкляного бога!“

НАРОДНЫЙ УЧИТЕЛЬ.

*„Учитель—подвижникъ, свѣча,
которая горитъ, зажигаетъ
свѣтъ въ друиизъ и горя сама
сгораетъ“. К. П. Побѣдоносцевъ.*

I.

Въ прошломъ году отъ громового удара сгорѣло в—вское народное училище, а вмѣстѣ съ тѣмъ пострадалъ и учитель. Пожаръ для всякаго обывателя (особенно деревенскаго)—большое бѣдствіе, но что значитъ пожаръ для скромнаго бюджета учителя?

Мнѣ всегда бываетъ грустно, когда сѣренькая жизнь родной школы омрачается такого рода печальными инцидентами, и невольно является тогда желаніе поговорить о судьбѣ учителя въ бѣдныхъ деревушкахъ N—скаго уѣзда.

Въ періодической печати много писалось и пишется объ учителяхъ, и въ изображеніи условій ихъ жизни вы почти всегда замѣчали грустный сѣренькій колоритъ: учитель проходитъ передъ вами скромный, застѣнчивый, блѣдный, исхудалый, отъ перваго шага до послѣдняго вздоха ведущій борьбу изъ-за куска насущнаго хлѣба; свѣтлыя надежды юности, благородные порывы его молодой души, благодушіе, жизнерадостность—все разбито въ бурныхъ волнахъ житейскаго моря. Борьба съ невѣжествомъ, косностью, грубостью, младенствующимъ умомъ крестьянина, исхудалыя, золотушныя, блѣдныя, слабоумныя, во утробѣ матери

отравленные алкоголемъ ребятишки, которыхъ нужно выводить изъ тьмы и невѣжества ихъ отцовъ, постоянныя столкновенія съ подпольной силой волостного писаря и стоячаго болота деревенскихъ и уѣздныхъ воротиль и крючкодѣевъ,—вотъ чѣмъ въ частности испещренъ тернистый путь деревенскаго педагога.

Вы замѣчали также, что защитники народнаго образованія неоднократно доказывали, что пора, дескать, вспомнить объ этомъ забытомъ труженикѣ, намъ стыдно за его убогую квартиру, грошевое вознагражденіе, постоянную волокиту, а нѣкоторые настаивали даже, что нужно сдѣлать его службу государственной съ пенсіей и чинами,—нужна лучшая доля для того, кто беретъ на рамена свои благороднѣйшую и труднѣйшую работу—работу, служащую фундаментомъ всякаго народнаго преуспѣянія. Каждый безпристрастный наблюдатель, въ исторіи цивилизаціи народовъ констатируетъ тотъ неоспоримый фактъ, что „превосходство націи, по замѣчанію профессора Янжула, въ широкой сферѣ международныхъ отношеній основано на народномъ образованіи,—на томъ сказывается успѣхъ завоеваній, гдѣ школьный учитель побѣждаетъ“⁷⁹).

Германія, затрачивающая огромныя средства на техническія школы, промышленные музеи, на развитіе профессиональнаго образованія, мануфактурное производство, машиностроеніе, опередила на многихъ рынкахъ Францію, Бельгію, Швецію и даже Англию, но зато, по сознанію самихъ конкурентовъ, изъ всѣхъ государственныхъ расходовъ ни одинъ не производится болѣе щедро, не оплачивается болѣе охотно, чѣмъ тотъ расходъ, который посвященъ дѣлу народнаго образованія. Само собою понятно, что учитель въ тамошнихъ условіяхъ жизни и представить себѣ не можетъ нашихъ сѣтованій: его внутренній человекъ спокоенъ за свою

судьбу, за свое положеніе, за своихъ дѣтей; онъ знаетъ цѣну труда своего и стоитъ предъ лицомъ народа, какъ горящій, а не мерцающій только свѣтильникъ. И насколько его престижъ великъ, насколько онъ дорогъ сердцу народа, можно видѣть изъ того даже факта, что въ Турціи (какъ ни странно было бы брать намъ въ примѣръ эту косную націю) существуетъ народная поговорка, что „учитель—второй отецъ; отецъ низвелъ душу ребенка съ небесъ на землю, а учитель возводитъ ее отъ земли на небо“. Сопоставленіе этихъ фактовъ даетъ намъ возможность судить, насколько обездолено наше сословіе учителей „и насколько необходимо посвящать ему болѣе дѣятельное вниманіе“⁷¹).

II.

Чтобы не показаться голословнымъ, приведу вамъ небольшую страничку изъ жизни хорошо знакомаго мнѣ народнаго учителя Заморишева.

Прежде всего прошу обратить вниманіе на тѣ мытарства, которыя имѣетъ нашъ Заморишевъ по отношенію къ волостному правленію. Вы, можетъ быть, знаете, что въ нашихъ благодатныхъ палестинахъ волость безъ писаря—что близорукой безъ очковъ, сапожникъ безъ шила или—что свинья безъ пяточка на носу. „Гэта писарь дѣла знаетъ, а мы люди темны“, говорятъ часто наши простачки-обыватели, при разрѣшеніи трудныхъ вопросовъ изъ житейской практики, или изъ судебной казуистики, и тѣмъ самымъ утврждаютъ за нимъ авторитетъ умнѣйшей головы въ околоткѣ. „Мозговать, ходокъ на всѣ руки и умѣть ловить рыбку“...—вотъ эпитеты, которыми „за глаза“ украшаютъ нашего Васильевича, знатока „волоскихъ дѣлъ и порядковъ“. Не отрицая этихъ его достоинствъ, я съ своей стороны свидѣтельствую,

что онъ въ нѣкоторомъ родѣ пріятный человѣкъ: ласковый, общительный, не лишень нѣкоторой ловкости въ манерахъ; любить пошутить, посмѣяться, говорить загадками, закорючками, умѣеть сказать пару тепленькихъ комплиментовъ барышнямъ, пожать руку и придать ей видъ коромысла, и въ минуту особаго благодушія схватить въ объятіе собесѣдника съ нѣкоторымъ отгѣнкомъ маниловской задушевности. И, благодаря такой политикѣ, Васильевичъ потихоничку, шуточками-прибауточками успѣлъ захватить въ овои руки законное и незаконное теченіе „волоскихъ дѣлъ“. Правда, нѣкоторые находятъ его строптивымъ въ минуту гнѣва. И дѣйствительно, Васильевичъ способенъ тогда покричать, пофѣтушиться: надо, вѣдь, тряхнуть соннаго мужичка, а ежели подъ веселую руку, то и ругнуть его слѣдуетъ, и не только ругнуть, но и въ „зубы съѣздить“ не мѣшаетъ. На какомъ основаніи? Да хоть бы на томъ простомъ основаніи, что „кулакъ—моя полиція, ударъ зубокрушительный, ударъ скуловоротъ!“

Я не буду останавливаться на тѣхъ случаяхъ, когда пріѣзжаетъ „начальство“. При „начальствѣ у Васильевича усы перестаютъ виться, опускаются долу и лицо, если можно такъ выразиться, подергивается пакостомъ. Онъ тогда товсѣмъ человѣкъ незамѣтный: стоитъ тихонько, въ струнку; смотритъ на начальство съ подобострастіемъ; доложить, что все обстоитъ благополучно, а въ остальномъ—моя хата съ краю, пусть старшина „отдувается“. Ну и потѣетъ же тогда старшина. На то онъ и старшина. „Ежели правду казать, енъ (писарь) мозгами крутіу, замѣчаетъ Янъ Запечный по дѣлу о 30 бочкахъ хлѣба, пропавшаго изъ магазина, а старшинѣ лоука у карыкъ попало. Извѣстно, темный человѣкъ: куды вядуть, туды идетъ, а увалиуся—сиди, покуль хто не вытянитъ, а ня вытянитъ, такъ и пропадай на здоровье!...“

Учитель Заворишевъ прїѣхалъ на мѣсто службы въ концѣ лѣта и благодарилъ небеса за столь благодушнаго Васильевича. „Вотъ, думалъ онъ, сельскій дѣятель и опора моей ветхой школы!“ Но... вскорѣ убѣдился, что Васильевичъ смотритъ не въ ту сторону, что онъ „недремлющее око“, и спитъ и видитъ кто—куда летитъ, совсѣмъ въ иномъ смыслѣ. Подъ шуточками и комплиментами стали болѣе и болѣе замѣтны пилюльки. Поневолѣ выступить пришлось въ открытую борьбу, да борьба была слишкомъ неравная! Судите сами. У писаря пройдены огонь и мѣдныя трубы, у него долготлѣтная практика въ толкованіи законовъ, его рука навыкла писать и за и противъ, и около; онъ знаетъ, что можно, гдѣ и кого слѣдуетъ зацѣпить, прицѣпить, вытащить, облупить, „спэндить“, „подвести подъ колокольню“, и все умѣетъ такъ „оптыпать“, что и тамъ и тутъ шито-крыто, гладенько-чистенько, подъ №-ромъ записано, такъ что и комаръ носу не подточить, а учитель только и знаетъ свои „азы“, „склады“, да „бѣтъ учениковъ линейкой“. Васильевичъ подморгнетъ, напр., Симону, Климакѣ, Цыбуку (старшиновъ племянникъ тожь), поставитъ по рюмкѣ старостамъ, разошьетъ бутылку „винополіи“ со старшиной Емельянычемъ—и на предстоящемъ сходѣ всѣ просьбы учителя касательно ремонта училища и прочихъ нуждъ не только будутъ отвергнуты, но даже можетъ быть поднятъ вопросъ: не слѣдуетъ-ли его (учителя) «ссадить» и «насадить» на его мѣсто другого?... Вотъ и сдавайся тогда на капитуляцію, вотъ и „хлопай предъ писаремъ вочами!“

Въ началѣ учебнаго сезона столкновеніе вышло изъ-за половъ. Училищное помѣщеніе моютъ, какъ извѣстно, „общескія бабы“. На таковыхъ кандиціяхъ учитель и послалъ бумагу въ волость: не соблаговолите ли, молъ, въ оное выслать людей для мытья половъ въ четвергъ этой недѣли. Писарь прочиталъ бу-

магу старшинѣ и показалъ, гдѣ приложить печать: бумага, дескать, выслушена. Дѣлу дано законное теченіе. Во вторникъ былъ отданъ приказъ старостамъ собирать бабъ и представить ихъ со всѣмъ орудіемъ для вышеозначенной работы. Въ четвергъ часовъ въ 10 утра учитель замѣтилъ на крыльцѣ бабушку съ вѣнникомъ въ рукахъ.

— Что скажешь, бабушка?

— А я, паночекъ, пришла полъ мыть.

— Что жъ ты одна?

— Одна, паночекъ... И чуть доскраблася... Ножки мои плохо идутъ!... Вотъ видишь, якую старую выгнали.

Послѣ обѣда пришла „молодица“ съ ведромъ и тряпкой. Бабушка и молодица долго ожидали, скоро ли придутъ десять другихъ бабъ и успѣли даже перессориться за пропавшаго подтѣлка, но ни старосты, ни бабы не явились. Вечеромъ учитель приносить въ волостное правленіе жалобу: помилуйте, молъ, парты вынесены, а работы и не начинали!.. Писарь, улыбаясь, уклончиво отвѣтилъ, что до этого онъ „не имѣетъ никакого отношенія“, старшина свалилъ бѣду на старость, а старосты на бабъ, которыя, какъ извѣстно, являются началомъ всякаго рода опущеній въ родѣ человѣческомъ.

Только, спустя дня три выяснилось, что помимо бабъ, полы остались невымытыми, потому что писарь „вломался въ амбицію“. „Ишь, докладчикъ нашелся, говорилъ онъ: не можетъ попросить, какъ слѣдуетъ, только бумаги писать!.. Ну и пусть пишутъ!..“

Послѣ половъ на сцену начинаютъ выползать мелкія и самыя насущныя потребности училища, а вмѣстѣ съ тѣмъ стали обостряться отношенія учителя къ волостному правленію. Училище о трехъ ногахъ, крыша протекаетъ, и вода чрезъ потолки падаетъ на головы учениковъ, полы сгнили, печи постепенно раз-

валиваются, нужны кадки для воды, нѣтъ сарая, нѣтъ
рукомойника (ученики умываютъ физиономіи по еврей-
скимъ обычаямъ, перекидывая кружку съ руки на ру-
ку), кромѣ того, сторожъ Пантелей (недавно выбывшій
изъ р—ской тюрьмы) запираетъ, наноситъ грубости,
въ послѣднее время поколотилъ двухъ учениковъ, раз-
билъ кадку, котель и проч.

Пока солнце пригрѣваетъ, еще можно кое-какъ
сносить осеннюю стужу. Ученики выйдутъ на улицу,
побѣгають, погрѣются на осеннемъ солнышкѣ и ста-
раются укрыться подъ ветхую крышу училища, влѣ-
зутъ на печь, на палаты и тамъ потирають красныя
руки.

Но вотъ прошло недѣли двѣ-три и холодъ не на
шутку сталъ вступать въ свои права. Пошелъ снѣгъ.
Ученики обули лапти съ „суконками“, одѣли батын-
ны-маткины тулупы, армяки, а учитель закутался въ
ту самую овчинную шубу (передѣланную въ 5-й разъ),
которую онъ купилъ по случаю у мельника.

„Вѣдь, такъ зимы не перенесешь“, думаетъ онъ,
проходя около училища и посматривая на сорванную
часть крыши. „Когда жъ начнутъ починять крышу?
Даже кадки для воды не принесутъ.. Вотъ порядки!...
Нужно опять сходить потолковать съ волостными вла-
стями“.

На утро учитель пришелъ въ волость, но, къ со-
жалѣнію, попалъ въ тотъ моментъ, когда, по заявле-
нію сторожа Вавилы, возвращавшагося изъ внутрен-
нихъ покоевъ Васильевича: „панъ не тѣмъ концомъ
проснулся...“ Обыватели хорошо знали, что значить
такое пробужденіе Васильевича, и учитель невольно
понигъ головой.

Въ канцеляріи, однако, былъ уже слышенъ шумъ.
Собрались челобитчики. Тутъ были и два Никиты
Зундюковы—вѣчные тяжebники и „жалобники“ (кто-

рые, говорятъ, по 30 разъ были у непремѣннаго члена). Эти Никиты замѣчательны тѣмъ, что очень похожи другъ на друга и различаются, большей частью, по „пипкамъ“. Никита 1-й курить носогрѣйку и про него сосѣди говорятъ, что „ѣнъ вогнище подъ носомъ раскладываетъ“, а Никита 2-й никогда не разстается съ пипкой на длиннѣйшемъ „цибуку“. Оба Никиты два раза начинали излагать свои просьбы старшинѣ, но тотъ отстранялъ ихъ, говоря, что сейчасъ „панъ“ придетъ. Да ужъ и потому не могъ обратить старшина вниманія на ихъ просьбы, что вель въ это время споръ съ принизистымъ мужичкомъ, который дерзновенно доказывалъ, что онъ, старшина, „не маить правы“. Старшина бралъ высокія ноты, размахивалъ руками и, до глубины души возмущенный такой дерзостью, старался доказать, что онъ и „ня гѣдакое маить право“. Но оппонентъ его стоялъ на своемъ. Тогда старшина не на шутку осерчалъ и, стуча по столу кулакомъ, произнесъ нараспѣвъ:

— Ну вотъ нихай придетъ панъ, тады ты у меня узнаешь, ти маю я праву, ти не... Принизистый мужичекъ не сталъ больше спорить, сознавая, что при „панѣ“ ему не сдобровать, не выдержать взятаго тона.

Часовъ въ 10 вошла писариха, а за ней показался писарь,—свѣженькій, причесанный, сапоги клиномъ. Челобитчики, которыхъ было человѣкъ 20, немедленно встали, вынули пипки изъ ртовъ и привѣтствовали его сладкими улыбками, а нѣкоторые удостоились рукопожатія. Затѣмъ произошелъ обмѣнъ привѣтствій со старшиной.

Пропустивъ разборъ дѣла по вопросу: „маить ли праву“ старшина, и прослушавъ длинную повѣсть о трехъ „копіяхъ волоского суда“, которую рассказалъ Никита 1-й, учитель сталъ докладывать о своихъ нуждахъ по училищу.

— Я уже въ 5-й разъ иду съ просьбой къ вамъ,— говорилъ онъ, обращаясь къ старшинѣ и писарю. Я указывалъ и разъяснялъ, насколько необходимо починить крышу въ свое время... А теперь вода льется на парты... И кадки для воды нѣтъ... Соръ сыплется съ чердака...

Старшина (осторожно посматривая на писаря). Мы уже давно ищемъ майстровъ... Скоро начнутъ дѣлать крышу...

— Да, вѣдь, я уже другой мѣсяцъ жду...

Писарь. Скоро будетъ сдѣлано. Сказано, значить будетъ. Люди совсѣмъ безъ крышъ живутъ. Вотъ вѣтеръ снесъ въ Ивановкѣ четыре крыши... А что дѣлать? (Насмѣшливо). Цѣлы будутъ мальцы и прошлый годъ живы были... Да и вода теперь уже замерзаетъ.

— А лопата.

Старшина. И лопата дѣлается.

Писариха (которая сидитъ недалеко отъ мужа, вяжетъ чулокъ и по временамъ поглядываетъ на него). Какъ это вамъ, Парфеновичъ, все скоро надо... Какой вы пряткій! Сколько учителей было и все были люди, какъ люди, а вы только пріѣхали и всего вамъ не достаеъ; и то не въ ладъ, и то не впопадъ... Я бы на вашемъ мѣстѣ ..

— А что жъ мнѣ дѣлать съ окнами?—переходитъ учитель къ другой нуждѣ въ школѣ. Вѣдь въ классѣ скоро форточки вывалятся!.. А въ коридорѣ два стекла самому пришлось вставить... Вѣдь, это совсѣмъ безобразно!

Старшина. Надо будетъ поглядѣть вокны... Мальцы-баловники крѣпко стекла бьютъ... Гэта такое дѣло!... За мальцами надо глядѣть лучше! Опять мальцы много хлѣба ядутъ...

Писарь (радуясь переходу къ новой темѣ). Да, вотъ я и забылъ... Пожалуйста, почаще отпускайте уче-

никовъ домой въ баню... Или тамъ на праздники, а то, вѣдь, безъ мѣры много хлѣба выходитъ... Такъ намъ и магазина не хватитъ.

Старшина (въ тонъ писаря). Да-а! Магазины ни якое што!.. Гэта ни хахэньки... Съ хлѣбомъ не шутки... Бывало вчитель пустить...

— Какже жъ я имѣю право ихъ отпускать? По инструкціи...

Писарь. Право? Почему жъ другіе имѣли право? Два-три дня не Богъ знаетъ что.. Все равно дураками останутся. Розуму большого не нахватываютъ!... По закону? Знаемъ мы такихъ законниковъ!... Вездѣ по закону не пройдешь,—дудки!.. Надо... ха-ха!.. и около немножечко!... Будешь все по закону, такъ и хвостъ прижмутъ!...

Писариха. Вы ужъ, Парфеновичъ, большой выдумщикъ. Скажу вамъ откровенно: еще такихъ не видали... Будто объ васъ только и забота. По праву, по закону—что это за слова такія... Что, мы не люди? Слава Богу, столько лѣтъ живемъ, и хлѣбомъ сыты, и одѣты не хуже людей... Живемъ, какъ всѣ и не стараемся ни—кого задѣвать... На что вамъ, примѣрно, заводить чтенія? Что это за чтенія, кому они нужны? Мужикамъ? Ха-ха! Будутъ васъ мужики слушать! Посмотримъ... Жили бы вы, какъ прочіе... Вонъ какъ хорошо устроился...

— Что жъ, старшина,—перерываетъ наставленіе писарихи учитель: вы и крыльца починить не хотите? Вода скоро зальетъ наше училище... Нужно же позаботиться!...

Старшина (перебивая учителя). А мнѣ што? Я коли панъ писарь... Гэта такое дѣло!... Проси пана!

Писарь (съ досадой). Какая тутъ еще забота нужна? Печь починили, кладовую починили... Будто у насъ только забота, что ваше училище... У насъ дѣла мно-

го!... Писать? Пишите, не боимся! Отвѣтимъ, сумѣемъ отвѣтить...

Писариха (глядя по головѣ писаря). Да не горячись ты, Ванечка! (Къ учителю). Вотъ вы всегда разсердите Ваню... Лѣзете за пустяками, а у него опять можетъ голова разболѣться!... Вчера гости не дали заснуть, сегодня вы пристали какъ смола!.. Школа, школа!... Тьфу!

Писарь (отстраняя писариху и возвышая голосъ). Въ присутствіе?... Не боимся!.. Хоть двадцать бумагъ!.. Хоть къ губернатору!!.. (Стучитъ по столу). Зна-а-вали и не такихъ!.. Ха-ха!.. Зазулинъ сколько писалъ... И сады будетъ разводить... И заборъ нужно ему дѣлать и... и квартиру починять, и баню перестилать... Этакая конверсія фанабэриі! И все попрежнему!.. И самого турну-ули!.. А я-я! Особа-а! И... Чорта вамъ еще... Тьфу!

(Раздается громкое чиханье старшины. „Будь здоровъ!“ произносятся хоромъ челобитчики).

Старшина. Динькую! (Къ учителю). Ха!.. ха!.. гэта вядомые кукульменты ⁷²)!..

Писарь. Принципы? Знаемъ мы ваши принципы!.. Ваши принципы побольше съѣсть общественнаго хлѣба!

Старшина (въ тонъ писаря). Вотъ, якъ помню, завсегды прицепы за вѣчилища!... Гэта ужо давно такъ вядецца!.. Али якъ сходъ зробіть, такъ и вся ихная фанабэрија разлитайца!.. Ха-ха-ха! Што тамъ, паночекъ, зъ имъ толковать!

Учитель, стараясь не задѣть амбиціи своихъ оппонентовъ, доказываетъ, разъясняетъ, но голосъ его постепенно ослабѣваетъ подъ давленіемъ грудного баритона писаря, хриплаго баса старшины и хора подкакивающихъ челобитчиковъ. Пришлось отретироваться и направиться къ порогу.

Въ классѣ учитель долгое время не могъ опомниться отъ всей этой волостной логики. Большими шагами расхаживалъ онъ предъ учениками, безучастно скользя по лицамъ своихъ присмирѣвшихъ питомцевъ.

Ученики съ недоумѣніемъ посматриваютъ на пасмурное лицо своего учителя и съ нетерпѣніемъ ожидаютъ, скоро ли онъ прерветъ тяжелое молчаніе. А учитель все ходитъ и ходитъ. Вотъ онъ подошелъ къ I-му отдѣленію, взявъ съ парты чернильницу и машинально перенесъ ее въ III отдѣленіе, потомъ началъ водить по столу линейкой. Только, взглянувъ случайно на повѣшанную на доскѣ географическую карту, освободился онъ отъ своихъ тяжелыхъ думъ и сталъ диктовать III отд., прочелъ задачу— II и показалъ, что списывать изъ азбуки— I-му.

Когда кончились вечернія занятія и ученики улеглись спать, учитель долгое время ходилъ по своей комнатѣ и наконецъ рѣшилъ написать рапортъ...

„Честь имѣю донести, писалъ онъ, въ крестьянское присутствіе, что, несмотря на неоднократныя заявленія о нуждахъ школы, б—ское волостное правленіе не обращаетъ на нихъ никакого вниманія“...

Тутъ учитель призадумался: писать ли обо всемъ, или коснуться только послѣднихъ событій? И рѣшилъ продолжать въ такой формѣ:

„Въ настоящемъ году классная печь дымитъ во время топки, а въ классѣ форточку отворить нельзя (она совсѣмъ разваливается), баня 3-й годъ за ветхостью не топится, и я принужденъ отпускать по субботамъ учениковъ домой; училище отапливается сырыми дровами, но и сырыхъ дровъ въ наличности не имѣется; дымовыя трубы по мѣсяцамъ не чистятся и, на мои просьбы обратить на это обстоятельство вниманіе, старшина заявилъ, что „по этому училище на живое живо будетъ“. Между тѣмъ, 23 сего ноября, изъ

трубы показался огонь, такъ что училищу, а равно и самому волостному правленію угрожалъ пожаръ. Наконецъ, прошу обратить вниманіе и на то, что волостное правленіе упорно отстаиваетъ такой порядокъ жизни, говоря, что „всѣ прежніе учителя ничего не подѣлали“; значить, и я не добьюсь ничего“ и пр.

... Училище занесло со всѣхъ сторонъ снѣгомъ. Морозъ разукрасилъ окна узорами. Свѣтъ едва-едва проникаетъ въ окна. Ученики корчатся за партами, въ армякахъ и кожухахъ, а во время перемѣнъ выбѣгаютъ на дворъ, хлопаютъ руками, стучатъ огромными сапогами, и спѣшатъ укрыться отъ зимней непогоды въ училищную кухню. Въ ночное же время морозъ постукиваетъ по наружнымъ стѣнамъ и пугаетъ воровъ и конокрадовъ. Подъ вечеръ на небѣ чисто, ясно, весело мерцаютъ звѣзды и съ участіемъ смотрятъ на наше обветшавшее, убогое, пошатнувшееся училище.

Въ концѣ такихъ январьскихъ морозовъ въ волостномъ правленіи былъ полученъ учителей рапортъ, на которомъ размашистымъ почеркомъ была положена слѣдующая резолюція: „Представить объясненіе по сему рапорту учителя“.

Бумажное дѣлопроизводство приняло въ свои объятія новаго товарища; рапортъ былъ помѣченъ „23 января“ и отнесенъ Васильевичемъ къ числу дѣлъ, „подлежащихъ исполненію“. Васильевичъ совершенно спокоенъ: лучше его никто не напишетъ объясненія „въ свое время“ („пусть полежитъ, разсуждаетъ онъ, а мы подумаемъ еще“) и объясненіе это произвести можетъ обратное дѣйствіе—учителю, при случаѣ, за его хлопоты и дерзкія выраженія можетъ быть „утертъ носъ“... Въ этомъ вы можете удостовѣриться изъ слѣдующей бесѣды Васильевича съ г. Прохвостовымъ, его другомъ-пріятелемъ, не имѣющимъ соперниковъ по „питейной части“ во всемъ N—скомъ уѣздѣ.

— Смотри, дружище, какую учитель бумагу от-смалиль... Сколько рѣзуму насыпано!.. И точки и запятая,—цѣлое сочиненіе,—говорить Васильевичъ, надры-вая животики отъ смѣху.

— Нда... бума ага!.. И часто онъ такъ пишетъ? а? А я бы на твоёмъ мѣстѣ устроилъ, знаешь такую шту-ку, что... Однимъ словомъ, ты понимаешь... Во этакимъ бы взмахомъ шарахнулъ!..—говорилъ Прохвостовъ, по-казывая рукой въ воздухъ, какъ бы онъ шарахнулъ.

— Не безпокойся, маху не дамъ! Знаю, чѣмъ ему носъ утереть... Видѣль Трофима? Ну вотъ!.. Онъ тихонько подойдетъ а... сторожъ вотъ этакимъ манеромъ!.. Понимаешь? Эдакая особа! И трубы ему строй, и на крыльцѣ ковры стели, въ классѣ духами поливай, въ кухнѣ... ха-ха!.. запахи разводи!.. Вотъ конверсія фана-бэри!.. Къ 20-му февраля подготовлю.. И самъ поѣду и расскажу. Будетъ онъ у насъ какъ шелковый!.. Ну, будь здоровъ!

Прохвостовъ. Не, братъ, за тобой чередъ!

Васильевичъ. Да я сейчасъ только пилъ.

Прохвостовъ. Не на-ду-уешь!.. Тяни, тяни, голуб-чикъ!.. Ну, до дна немного осталось... Вотъ и люблю товарища!.. Ну, теперь ходи съ трэфъ!.. Я бубной за-билъ твою даму и зашелъ десяткой!.. Эхъ, нѣтъ подле-ца Теревкина, а то сыграли бы мы въ стуколку по 15 коп. Пошли ты, голубчикъ, хоть за Лизоблюдовымъ... Пошли!.. Тогда засядемъ до утра... Сдеремъ съ него, съ подлеца, шкуру!

* * *

Зима въ тотъ годъ была суровая. Досталось и ма-лымъ, и старымъ, досталось и бѣдной скотинкѣ!.. Ми-новала и масляная. Прошло самое тяжелое время. Много бѣдъ перенесло за эту зиму и наше училище. Сколько пришлось бороться съ чесоткой, кашлемъ,

оспой, скарлатиной! Двухъ учениковъ передъ Срѣтениемъ отнесли на сосѣднее кладбище... Четверо отъ оспы не поправились. И самъ учитель замѣтно похудалъ, осунулся, и одежда лежитъ на немъ, какъ на покойникѣ.

А что касается вышепоименованныхъ: форточки, крыльца, печей, трубъ, половъ, и даже испорченныхъ часовъ и пьянаго сторожа Пантелея, то всѣ эти недостатки въ комфортѣ училищной обстановки не производятъ уже такого удручающаго впечатлѣнія, какъ прежде. Ко всему привыкли, со всѣмъ сроднились. Нужно узнать сколько времени—идемъ для справки въ „монополю“, нужно испечь хлѣба—идемъ одолжать лопаты къ Панасу, топимъ печь въ классѣ—убѣгаемъ отъ дыма въ спальню, заѣдаютъ до полусмерти клопы на нарахъ—переходимъ спать въ классъ, нашло цѣлое море воды на крыльцо—положимъ дощечку—и по одному, балансируя руками, переходимъ потихоньку, нельзя отворить форточку въ классѣ—отворимъ дверь, а сами въ кухню, поломались парты (одна парта совсѣмъ упала во время урока)—у насъ есть Данилка 3 отдѣл., который вмѣстѣ съ Поликарпомъ 2 отд. придѣлали къ нижнимъ устоямъ „фантикдюшки“ и парты, дастъ Богъ, выдержать до весны. А что касается трубъ, то сажа въ нихъ во 2-й разъ начисто повыгорѣла, и мы спокойно сидимъ въ своихъ аппаратахъ, какъ мужичокъ у Хаима за пазухой. Такъ и живемъ изъ кулька въ рогожку, порой съ водой, а день съ квасомъ,—живемъ и весны ожидаемъ. Придетъ весна, будетъ тепленько, тогда мы согрѣемся и вотъ какъ заживемъ, запоемъ соловьями!

Жизнь наша на 4-й недѣлѣ Великаго поста образнообразилась небольшимъ инцидентомъ. Старшина, послѣ именинъ Васильевича, въ хмѣльномъ видѣ заглянулъ въ училищную кухню и нашель, что ученики,

помимо того, что много хлѣба ѣдятъ, „безъ уваги“ бьютъ посуду, разливаютъ воду и на „вучення“ плохи. „Жарты распустилися,—кричалъ онъ, переходя отъ ученья къ училищной дисциплинѣ: чего разбѣгалися!?! Пошли въ классъ, поросятъ!.. Я ва-амъ! А еще кажутъ: тое надо вучилищу, тое починяй, а гэта расчиняй, а поумиска и нѣтъ!.. Я бѣ васъ и съ вашимъ наставникомъ!.. Што гэта за вученики?! Гэта не вученики, коли поумиски бьютъ“!

— Что ты такъ раскрнчался, Емельяновичъ—спросилъ старшину неожиданно вошедшій въ кухню учитель.

— Да я про тое, что поумисокъ побили,—оправдывался сконфуженный Емельяновичъ, снимая шапку и отступая къ порогу.—Жарты вученики поумиски—ляпъ да ляпъ!.. Ти гэта порядки?!

— А сколько стоитъ полмисокъ?

— Сколько стоитъ? Да хоть бы и 3 копейки, и гэтаго ниhto дарма не даетъ, усе на волоскій счетъ, а волоская ни якое што!.. Поумисокъ ни хахэнки!..

— Ну, вотъ видишь,—накричалъ ты не на 3 коп., а какъ начнешь тебѣ говорить насчетъ училища, то и слушать не хочешь... Вотъ посмотри, какъ печи дымать...

— Што мнѣ глядѣть! Нихай писарь глядитъ!.. Енъ нанимау, енъ и досматривай,—категорично заявилъ Емельяновичъ, поспѣшно отступая къ порогу и надѣвая шапку. Ти мнѣ твоя одна печка у голови!.. У мене цѣлая волоская на рукахъ.

И Емельяновичъ моментально исчезъ, хлопнувъ дверьми.

Долженъ вамъ змѣтити при этомъ, что Емельяновичъ не сочувствуетъ ученю ужъ по тому самому, что и „ученый и неученый гусей пасеть“, а кромѣ того учитель совсѣмъ человѣкъ „не компанейскій“. Съ нимъ

кумпанства“ не поведешь: онъ только и знаетъ одну пѣсню: водка—вредъ, отъ водки все зло.

„А посмотрите,—часто говоритъ онъ,—сравнивая учителя съ писаремъ, „панъ“ нашъ и настояща настибаицца и водой другій разъ отливають, а розуму николи не пропеть, да и храбрость не потерять!.. Кажись. быццамъ, и ничего не помнить, плятѣтъ онъ дубовѣття ⁷³⁾, а тымъ часомъ у „головѣ толкъ держать!.. О-о-о его башка!.. Такой башки и у свѣти нима-а!“

Не могу также пройти молчаніемъ одного случая изъ спальной жизни учениковъ. Въ кухнѣ (на 6-й недѣлѣ до Пасхи) нары провалились, т. е. „не сквозъ землю провалились“, а обвалились съ полуторасаженной высоты и ученики упали ребрами на кровать пьянаго Пантелея—сторожа. Сторожъ, видѣвшій въ это время во снѣ (какое странное совпаденіе!), что крыша падаетъ съ училища, и онъ старается подпереть ее коломъ, закричалъ благимъ матомъ: „Подпирайте, братцы!“ Проснулся учитель и, зная, насколько печь обветшала и наклонилась, рѣшилъ, что это пришелъ часъ ея разрушенію. Однако, представлялось страннымъ, почему сторожъ приказываетъ „подбирать“ кирпичъ. Когда онъ вошелъ въ кухню, то въ темнотѣ увидѣлъ огромную кучу досокъ, сѣнниковъ, разбросанную одежду, барахтавшихся учениковъ и кричавшаго сторожа Пантелея...

Эксперты, выяснившіе причину паденія наръ, пришли къ заключенію, что мальцы во время сна „киваюцца отъ укушеній клоповъ“... И потому, дескать, нары „раскивались“... А что мальцы троху побилися, то „гэта загоицца“. Пантелею же „соромно даже и жаловаться“: другіе и „безъ носу живутъ и ничего!..“

Другое, не менѣе важное событіе у насъ случилось незадолго до пасхальныхъ роспусковъ. Жалованья, какъ вы знаете, учитель получаетъ 12½ руб. въ мѣ-

сяць. Не удивительно, что за съѣстные продукты, чай, сахаръ и прочія удовольствія жизни пришлось задолжать Беркѣ Ограбалову (кого только не возьметъ въ свои руки нашъ Берка!). А когда накопились денегъ за два мѣсяца, учитель отправился въ волостное правленіе, взявъ довѣренность на получку жалованья и сталъ просить лошадь для пѣздки въ городъ. Писарь, хотъ и „тѣмъ концомъ проснулся“ и былъ довольно любезень, однакожь замѣтилъ, что едва-ли можно будетъ дать лошадь и на всякій случай совѣтоваль переговорить со стоечнымъ.

— Мнѣ, Левонъ, запряги хотъ рыжую кобылку... Какъ нибудь доберемся... Обождать?.. Да деньги жъ нужны,—умоляль учитель стоечнаго.

Стоечный. Ну, я не знаю, якъ писарь...

Пришли вдвоемъ къ писарю.

Писарь. Правда лошади загоняны... А мнѣ въ городъ на 24-е нужна пара лошадей. Ты, Левонъ, рыжого и буланого—никуда! Ты, вѣдь, знаешь меня!.. Ну, то-то!.. И кобылку для всякаго случая береги... Непремѣнно нужно? Ну, что жъ мы сдѣлаемъ... Вотъ развѣ послѣ воскресенья: поѣдетъ староста подъ арестъ... Ну тогда какъ-нибудь можно будетъ забратъся... Хотъ и на лавочкѣ... Можно будетъ повозку съ лавочкой запречь.

— Да, вѣдь, я на прошлой недѣлѣ ожидалъ, а старшина и не поѣхаль...

Писарь. Не поѣхаль, значить нельзя было. Не все вѣдь въ строку. Староста теперь не обманеть: долженъ же онъ быть подъ арестомъ...

Учитель начинаетъ просить старшину, чтобы онъ собственной властью распорядился насчетъ лошади.

— А по мнѣ што!—флегматично отозвался старшина...—Я,—коли панъ писарь. Гэта ни мои кони, ни мои повозки, и не мое дѣло. Вотъ табѣ мой сказъ. Коли можно—я ничего не маю, а коли нельзя,—дыкъ

толкуй съ писаремъ. У него и книги, и усе, а я што, напрімѣра могу? Мое дѣло сторона..

Пришлось уйти домой. не солоно хлѣбавши.

Засыпалъ учитель послѣдній чай и порѣшилъ нанять Бызылеваго одра. Бызылевъ одеръ ѣсть „рѣзь“ съ мякиной, имѣеть копыта, свернутыя въ сторону, и ходить спокойнымъ шагомъ, но за то его хозяинъ—человѣкъ покладливый: отъ Берки беретъ до города 2 руб., а съ учителя --3 руб. За такуюю цѣну, послѣ продолжительнаго торга, и былъ нанять Базыль.

До города лежитъ прямая дорога, обсаженная засохшими прутиками, только около лѣсу нужно подняться на гору, а съ горы къ озеру, а тамъ маленькимъ перелѣскомъ до корчмы Теребейницы, тутъ и городъ, какъ рукой подать. Часовъ въ 10 вечера Базылева, со скрипомъ, телѣга подкатила къ Шмеркѣ (въ городѣ всѣ заѣзжіе дома у евреевъ) и начали разгружаться.

На утро учитель явился въ казначейство, развернулъ вышеописанную шубу, вынулъ довѣренность отъ волости и, получивъ деньги за 2 мѣсяца, пошелъ въ мелочную лавку Обмѣрилова и купилъ 10 ф. сахару, $\frac{1}{2}$ ф. чаю, 5 ф. гречневой крупы, коленкору 6 арш., лавроваго листу на 3 к., 1 ф. сельдей, десятокъ спичекъ, ваксы на 5 к. и пару подметокъ для старыхъ сапогъ, торговалъ лѣтнее пальто на сѣрой подкладкѣ, но въ цѣнѣ не сошелся. Послѣ всѣхъ покупокъ учитель отсчиталъ Базылю 3 руб., взялъ отъ него расписку въ полученіи денегъ и написалъ новый рапортъ въ присутствіе.

„Препровождая при семъ расписку Базыля N, говорилось въ рапортѣ, имѣю честь до свѣдѣнія присутствія, что б—ское волостное правленіе отказалось дать мнѣ лошадь, въ 1-й разъ мотивируя свой отказъ тѣмъ, что „скоро старшина поѣдетъ“, а во 2-й

разъ писарь заявилъ, что ему нужно ѣхать въ городъ на парѣ и что посему можно обождать до отъѣзда старосты подъ арестъ, а потому прошу взыскать въ мою пользу со стоечнаго 3 руб“.

Вслѣдствіе сего рапорта была получена бумага: „представить объясненіе“...

... Между тѣмъ повѣяло весной. Въ окна почернѣвшаго класса стала врываться струя теплаго воздуха. Всюду разлилось благоуханіе наступающаго возрожденія природы.

Лица повеселѣли. Запѣли жаворонки, разлились рѣчки. Пошли въ лѣсъ. Сколько приволья, сколько жизни! И не такъ кажутся жестокими всѣ недочеты школьной жизни: ожившій міръ Божій кого не утѣшитъ?!

А тамъ начали подготавливаться къ экзаменамъ, За хлопотами про рапорты и объясненія и забыли. Писаль-ли писарь объясненія—покрыто мракомъ неизвѣстности... Нѣкоторые же изъ сосѣдей увѣряютъ, что объясненіе дано настолько удовлетворительное, что о возраженіяхъ и рѣчи не могло быть... И вышепоименованные три рубля „за недоказанностью не подлежатъ взысканію“ (такъ написано было на объясненіи Васильевича).

III.

Эта страничка изъ жизни Заморишина да послужить оправданіемъ его бѣгства изъ училища. И какъ не бѣжать? Впереди—гладь, хоть шаромъ покати, позади—лучшія силы, сданныя въ архивъ вѣчности, а въ настоящемъ—дѣти, возросшія внѣ сферы сельско-хозяйственнаго труда, не имѣвшія возможности получить образованія, обреченныя на участь бездомныхъ пролетаріевъ. Итакъ, скорѣй хоть въ монополію, хоть въ 3-й разрядъ канцелярскихъ служителей, лишь бы не терпѣть такой нужды, такого приниженаго состоянія,

хоть бы къ концу жизни не ѣсть столь горькій кусокъ хлѣба, не шататься съ сумой по міру.

Оставляя свой школьный *modus vivendi*, учитель съ болью на сердцѣ смотритъ на своихъ бѣлокурыхъ питомцевъ,—этихъ маленькихъ, захудалыхъ мужичковъ. Мальчики опустили головы и не хотятъ вѣрить, что послѣдній разъ говорятъ со своимъ учителемъ. Свѣтъ науки сталъ проникать понемножку и въ курныя хатки ихъ отцовъ-дикарей. Пришли „батьки“ и „матки“ въ училище, стоятъ въ корридорѣ, почесываютъ головы.

— Какъ же, говорятъ, Парфеновичъ, ты мальцовъ нашихъ покидаешь?

— Приѣдетъ къ вамъ другой..

— Да намъ другой на что?.. Мальцы какъ же безъ тебя то будутъ?! Ты уже не покидай насъ... Мы пакѣлева табѣ не оприкрилися!.. Мало ли што писарь?.. А старшину мы змѣстимъ!.. Не будетъ тады и писарево пузо раздувацца!..

Посмотрѣлъ учитель на эту сѣренькую толпу, на своихъ бѣлокурыхъ питомцевъ и पुще стало жаль ему покидать свою завѣтную мечту—вывести дѣтей изъ мрака невѣжества. Но не приходится видѣть, когда будетъ онъ хоть сколько нибудь стоять „на вѣрномъ пути и видѣть ведренный день впереди“... Надо уѣзжать: голодъ не тетка!..

Уѣхалъ учитель, и стало меньше однимъ лучшимъ опытомъ, лучшей силой въ движеніи народнаго образованія. Что было приобрѣтено путемъ столь продолжительнаго опыта приходится оставлять въ памяти въ качествѣ малопримѣимаго въ жизни хлама. Бѣжавшаго учителя вы можете видѣть въ поискахъ за работой въ канцеляріяхъ губернскихъ и уѣздныхъ или ищущимъ счастья въ акцизномъ вѣдомствѣ.

Взамѣнъ бѣжавшихъ кадры учителей пополняются новымъ, свѣжимъ, безусымъ элементомъ—веселымъ,

бодрымъ, который, пройдя горнило мытарствъ учительскихъ, начнеть искать счастья въ другой сферѣ дѣятельности, или обратится въ пролетарія бездомнаго, подобнаго тому, который приходилъ ко мнѣ на-дняхъ.

Вошелъ въ кухню сѣденькій старичокъ въ полинялой шинели, подранной шапкѣ, въ калошахъ, съ небольшимъ сверткомъ въ рукахъ.

— Я, говоритъ, какъ бы въ оправданіе своего жалкаго вида,—бывшій учитель Н. Да вотъ теперь, видите.

— А гдѣ жъ вы живете?

— Гдѣ живу? спросилъ онъ, иронически улыбаясь. Знаете, сказалъ Некрасовъ: „а мудраго владѣнія—весь вертоградъ Христовъ“!.. Я жилъ недалеко отъ города, въ земляночкѣ... Жена? И жена и дѣти были.. Ну-съ. Въ земляночкѣ было очень сыро, подтекло воды... Стѣны побѣлили. Жена зарабатывала шитьемъ... Дѣти заболѣли и померли, а затѣмъ и жена Богу душу отдала... Землянка моя обрушилась, и какъ видите... 20 лѣтъ былъ учителемъ! А что дѣлать? Надо вѣкъ коротать. Бился изъ силъ, а теперь слабъ. Дѣло мое старое, да и здоровье плохо. Гдѣ покормятъ, гдѣ позволить отдохнуть и за то спасибо!..

ДЕРЕВЕНСКІЙ ПОЖАРЪ.

7-го декабря, въ 6 часовъ вечера, во время клас-ныхъ занятій, загорѣлось о—ское народное училище. Огонь показался на крышѣ около трубы и, вслѣдствіе сильнаго вѣтра, чрезвычайно быстро распространился по всей ветхой части зданія. Поднялось огромное зарево, освѣтившее на далекое пространство окрестность. Искры, пуки соломы, головни съ трескомъ и шумомъ летѣли далеко по полю.

Вбѣжавшій въ классъ ученикъ, гдѣ шли въ то время вечернія занятія, закричалъ во весь голосъ: „Ай, горимъ, братцы!“... И этотъ возгласъ произвелъ большую панику, особенно среди учениковъ 1-го и 2-го отдѣленій. Всѣ бросились въ спальню, въ надеждѣ спасти что-либо изъ своего имущества, которое было спрятано въ деревянныхъ сундучкахъ и частію развѣшено на нарахъ, вѣшалкѣ, гвоздикахъ. Толкотня, шумъ, крикъ. Установить порядокъ было невозможно. Многіе были увѣрены, что сейчасъ полетитъ потолокъ, и изъ всѣхъ силъ рвались къ выходу, а выходъ въ училище всего одинъ, вслѣдствіе чего у порога и во всемъ коридорѣ произошла давка. Слышался неистовый ребячій плачь. Болѣе слабѣйшій попадали въ обморокъ, Ихъ пришлось выносить въ безсознательномъ состояніи во дворъ.

Между тѣмъ зарево больше и больше увеличивалось. Вѣтеръ ни на минутку не унимался. Поле было освѣщено на большое пространство. Отъ лѣсу бѣжало къ пожару нѣсколько мужчинъ. То были родители и родственники учениковъ. Толпа возрастала. Никто не

наль, однако, что дѣлать, за что взяться. Одни начали бросать снѣгъ, другіе силились сломать заборъ, третьи безъ толку бѣгали, хватались за дрова, суетились, кричали. Въ воздухѣ повисели ругательства. Кого-то звали, кому-то приказывали звонить „у звонъ“... Огромныя движущіяся тѣни протянулись вокругъ всего горящаго зданія. Парни и подростки безопасно любовались, какъ погуливало пламя по соломенной крышѣ. Пресловутое „знатно горитъ!“ невольно читалось на ихъ равнодушныхъ лицахъ.

Прибѣжалъ сотскій и сталъ подгонять толпу къ пожарищу. На мѣсто пожара прилетѣлъ и самъ старшина. Онъ оралъ, что называется, во всю глотку. „Эй, што тутъ?... Отчего горитъ—а?!—кричалъ онъ, размахивая руками.—Кто горитъ—а? Почему нѣтъ воды? Старосты! гдѣ вы запропастились?! Эй, воды-ы-ы!... Мальцы, подходи бли-и-же! Ближе-е, мошенники!“...

Народъ засуетился. Къ огню подбѣгали, закрывали лицо, фыркали, плевали, и тотчасъ отбѣгали въ сторону. Бѣлые кажухи, сѣрые армяки, шапки-облаухи поминутно смѣняли другъ друга. Все кричало, „метусилось“... Только бабы „прихинулись“ къ углу сарая и представляли собою пугливое стадо овецекъ.

Ученики снесли свои „пожитки“ къ дорогѣ, и, когда подошелъ къ нимъ учитель, подняли страшный ревъ. Маленькія головки закутывались въ платки, армяки, полотенца (ихъ шапки погорѣли). Нѣкоторые стояли босые въ снѣгу.

— Господинъ учитель! слышались сквозь слезы ихъ пискливые голоса: наши шапки сгорѣли!...

— Мои лапти остались!...

— Сундучокъ мой около окна стоитъ!...

— Божа мой, Бо-жа! Наши армяки на шестѣ!— причитывали нѣкоторые, лишившіеся послѣдней верхней одежды...

Учитель подбѣгалъ къ разнымъ мѣстамъ пожара. Народъ попрежнему суетился безъ толку. Невольно являлся вопросъ: какъ тушить и чѣмъ тушить?

Во 1-хъ, во всемъ нашемъ мѣстечкѣ, не смотря на то, что „давнымъ-давно“ даны строжайшіе приказы за-пасться баграми, бочками, ведрами, топорами, лѣстницами, не смотря на то, что красный пѣтухъ чуть-ли не каждый годъ погуливаетъ по соломеннымъ „будынкамъ“ обывателей, никому и въ голову не приходитъ вводить себя въ столь „непроизводительный расходъ“, тѣмъ болѣе, что при такомъ расходѣ никто „барышевъ“ не поставитъ (а безъ барышовъ у насъ невозможно что-либо общественное сдѣлать)...

Во 2-хъ, наши обыватели настолько равнодушны къ чужому горю, настолько неподвижны, тяжелы на подъемъ, настолько безпечны, что когда горѣло училище, нѣкоторыя семьи, живущія всего лишь въ 10—12 шагахъ отъ училища, продолжали спокойно „вечерать!“... Староста нѣсколько разъ подбѣгалъ и изъ всѣхъ силъ стучалъ въ окна: „идите пожаръ тушить! Што вы сидите, халеріи!“—„А вотъ сичасъ повечераимъ“,—спокойно отвѣчаетъ хозяинъ. И никто съ мѣста не всталъ, пока не съѣли юшку, клецки, бульбу...

Въ 3-хъ, во всей безтолковой бѣготнѣ, бывшей около пожара, отсутствовало все, что даетъ понятіе о дисциплинѣ. Безпорядокъ прежде всего увеличивался отъ того, что сельскія власти были, по обыкновенію, выпивши. Самъ старшина прибѣжалъ изъ ближайшаго постоялаго двора и былъ, какъ говорится, на второмъ взводѣ. Гдѣ растаскивали бревна, тамъ онъ говорилъ: „не трожь!“, кто бросалъ снѣгъ, того онъ хваталъ за шиворотъ, говоря, что „отъ гэтаго еще хужи горить, что гэта работа у пуста“. Онъ безъ причины ругалъ старость, сотскаго, подлеталъ съ кулаками къ сѣрому

армяку, толкалъ въ шею рыжую бороду и даже вступилъ въ пререканія съ Смаленымъ Кожухомъ.

— Я васъ!—кричалъ онъ: гдѣ ваша вода—а?... Што не заливааете? Подходи сюды! А? Што... Бей съ боку! Во-во!... Тяни!... Тапера бревно!...

Всѣ принялись тянуть бревно отъ забора.

— Стой, не кидай дрова!—кричалъ старшина въ другомъ мѣстѣ: не тронь, а то искры хуже полетятъ... Старосты! Гдѣ багры—а? Гдѣ кони, гдѣ сани?

Но ни багровъ, ни топоровъ, ни саней, ни коней, ни стоечнаго... Отыскали какой-то старый багоръ, который при первыхъ движеніяхъ вольнопожарнаго Те-режки слетѣлъ съ шеста и сдѣлался жертвой пламени.

— Вы что стоите?—опять горячился старшина, отъ нечего дѣлать перебѣгая къ толпѣ бабъ: вы чего стоите - а?

— А што намъ робить?—говоритъ храбрѣйшая изъ молодежи Симониха.

— Што робить? тушите!... грязь кидай... Во-во! Выши-и!

— Марка, Матвѣй! Што ты оглохъ? Ты чего—а? Што стоишь? Разъ-два! Во табѣ... лѣзь ближи, не бось огня... Што стоишь коло бабъ?... Старосты! таши его... Стоечный! запрягай коней! Гдѣ кони—а?... Мошенники!... Пьяницы! Зубоскали!—гремѣлъ старшина, перебѣгая къ волостнымъ сараямъ.

Съ другой стороны горящаго зданія командоваль десятскій. Онъ приставалъ къ двумъ маленькимъ мужичкамъ съ вопросомъ, почему они не несутъ воды изъ колодца?

— Коли-бъ усякій по ведру привесъ,—урезони-валъ онъ ихъ, то уже затушили-бъ. Што гэта колодець далеко—а?

—Всѣ не несутъ и мы не понесемъ, што мы хуже другихъ, ти што?... Што намъ пришлось на старости

лѣтъ!—возражали маленькіе мужички, направляясь к дорогѣ.

И они хотѣли „улизнуть“. Десятскій хватаетъ одного изъ нихъ за полу и тянетъ къ огню... Не вдалькѣ бѣлый кажухъ подсакиваетъ съ угрозами къ сотскому. Сотскій защищается палкой и зоветъ на помощь Сидора и Янку...

На дорогѣ показалось нѣсколько евреевъ. Они громко кричали: „уфъ право ломай—уфъ право!...“ Сѣрый армякъ въ шапкѣ-облаухѣ отгоняетъ евреевъ, говоря, что „мордва у лусто галдитъ“. Евреи стягиваютъ, однако, бревно съ забора. Два парня имъ помогаютъ. А вотъ бѣжитъ какой-то мужичокъ съ козлиной бородой въ поддевкѣ и калошахъ. Онъ энергично подсакиваетъ къ старшинѣ съ кулаками.

— Ты что за старшина—а? гдѣ твои порядки? Гдѣ багры, гдѣ вода? пьяница ты, лодарь!...

Мужичекъ, очевидно, дѣлалъ вызовъ старшинѣ (пользуясь стеченіемъ благопріятныхъ обстоятельствъ), чтобы съѣздить ему въ зубы.

Старшина смолчалъ: здѣсь страшно было показывать свою власть. Онъ завернулъ къ плетню и даль стречка.

Около сарая стоитъ толпа сивобородыхъ мужичковъ, подпершихся длинными палками. Слышатся ихъ обличительныя рѣчи по адресу старшины и писаря. Они критикуютъ ихъ пожарные порядки и глубокомысленно покачиваютъ головами.

— Ти гэта порядки!—говорили въ толпѣ: ни багровъ, ни топоровъ, хватай руками...

— Вонъ кричить,—показывалъ одинъ изъ мужичковъ на старшину;—горло дереть, пьяница! тѣфу! Распоряжаецца! А штобъ трубы коли поглядѣтъ, ти печи починить, такъ неколи... Лодыри гѣты!... Смотрите, братцы, чуть на ногахъ держицца! Ага-га, та-акъ!—Вотъ и кры-

жемъ растянувся! ⁷⁴), только съ подрядчикомъ да съ писаремъ пьеть цѣлыя ночи! Бѣльмы заливають, халеріи!... Гляди, вона и писарь... разгодовавъ свое пузо!..

... Съ трудомъ удалось вытащить изъ класса два шкафа. Обвалилось крыльцо. Послышался трескъ, зазвенѣло гдѣ-то разбитое окто. Потасили нѣсколько партъ черезъ окна.

Учитель въ пятый разъ старается проникнуть въ свою школу, объятую пламенемъ. Со всѣхъ сторонъ кричатъ ученики: „господинъ учитель! Не идите!... Ай! сгорите!... Ай! потолокъ валится!... А Божа мой, Бо-ожа!“...

Учитель, однако, благополучно выскочилъ, неся цѣлую охапку растрепанныхъ старыхъ книгъ изъ ученической библіотеки и нѣсколько географическихъ картъ.

Огонь быстро сталъ распространяться по стѣнамъ.

Вотъ рухнулъ потолокъ въ классѣ. Загорѣлись на стѣнахъ корты, горить около печи классная доска. Разбили окно въ кухнѣ и вынесли нѣсколько шапокъ, сундучковъ, утиральниковъ, повыбрасывали кадки, котлы, двери.

Сердце сжималось при видѣ полнѣйшей безпомощности въ борьбѣ съ огненной стихіей... Все пропало!

Вонъ прижалась къ углу волостного правленія другая группа учениковъ. Панась весь посинѣлъ. Ефимъ навзрыдь плачетъ. Павлуша старается укутать голову утиральникомъ. Иванъ стоитъ босой, безъ шапки.

— Иди къ намъ, Иванъ, кричатъ большіе Ивану... Иди, мы тебя закроемъ,..

Подошелъ мужичекъ съ ноготокъ и его закрыли полами своихъ армяковъ товарищи.

— Идите куда-либо грѣться!—сказалъ пробѣгав-

шій мимо учитель.—Что вы тутъ стоите?... Веди ихъ, Василій, къ старостѣ...

— Мы не смерзли,—пропищало нѣсколько голо-
сковъ...—Намъ тепло!...

... Учитель подошелъ къ своей горѣвшей комнат-
кѣ. Здѣсь нѣсколько человѣкъ бросало грязь и снѣгъ.
Старшины уже нигдѣ не видно было. Староста Вавила,
замѣнявшій его, кричалъ хриплымъ голосомъ. подро-
стки—„мальцы“ боролись на дворѣ... Рухнулъ пото-
локъ въ кухнѣ и спальнѣ... Вотъ протянулись длин-
ныя полосы огня по стѣнамъ учительской комнатки...
Вотъ загорѣлись картины, карты, вспыхнула въ углу
икона, загорѣлся столъ... „Сколько времени, тяжелаго
времени, проведено въ этой комнаткѣ, думалъ учитель:
чего-чего не передумалось въ тяжелой долѣ учитель-
ства—и вотъ огонь поѣдаетъ это маленькое пристанище.
Что теперь дѣлать? Куда склонить голову?“

... Привезли, наконецъ, воды и начали лить на
стѣны... Но все было бесполезно: вѣтеръ дулъ съ той
же силой... Сгорѣли стѣны, и шумъ уменьшился... На-
родъ разбѣгался, не смотря на отчаянные крики писаря
и сотскаго.

— Гдѣ старшина?—кричалъ писарь... Староста!
зови народъ, что стоишь?....

Опасность еще не миновала (въ 3-хъ шагахъ сто-
ить волостное правленіе).

Множество головней курилось по полю, а въ се-
рединѣ блестѣлъ цѣлый костеръ.. Потемнѣло. Обывате-
ли не могли больше держаться на ногахъ, тѣмъ болѣе,
что никто „барышоу“ не ставилъ... Самъ старшина
послѣ получасовой бѣготни ослабѣлъ: ноги его подко-
сились, съ нимъ сдѣлался „лидаикъ“...

БАРЫЛОВСКІЙ ВОЛОСТНОЙ СХОДЪ.

(Набросокъ съ натуры).

Проѣзжая около Барыловскаго волостного правленія, вы, по всей вѣроятности, замѣтили, читатель, что зданіе это мало чѣмъ отличается отъ сосѣднихъ крестьянскихъ лачужекъ, если не брать во вниманіе четырехугольной доски, на которой 20 лѣтъ тому назадъ доморощеннымъ каллиграфомъ было написано: „Барыловское волостное правленіе Л—скаго уѣзда“, при чемъ буква «Б» поставлена вверхъ ногами. Отъ всей этой надписи остались лишь: „остное правленіе... уѣзда“.

Волостное правленіе извѣстно болѣе у насъ подъ именемъ „волоской“. „Наша волоская“, „наши волоскіе будынки“, „волоскіе законы“, „волоскіе порядки“—говорятъ наши обыватели.

Въ послѣднее время „волоская“ совсѣмъ обветшала: парадное крыльцо наклонилось въ сторону, окна покосились и почернѣли, ворота, ведущія во дворъ, совсѣмъ оторвались и стоятъ около изгороди, и вся фигура зданія, какъ будто хочетъ расплакаться: такая забитая, загнанная, холодная, голодная.

Если будете входить въ „волоскую“ съ параднаго входа, то изъ маленькаго корридорчика дверь направо—въ квартиру писаря, а налево—въ сборную и канцелярію. Предупреждаю кстати: смотрите подъ ноги, ибо вотъ тутъ, около правой двери, полъаршинная яма—невзначай можете ввалиться. Говорятъ, что сторожу Вавилѣ давно приказано запломбировать эту яму

глиной, но онъ сваливаетъ эту работу на „печкура“, а „печкуръ“ утверждаетъ, что „только печи должень чинить“.

Отъ сборной канцелярія отдѣлена загородкой. Посреди канцеляріи столъ, съ котораго никогда не сходятъ входящія и исходящія, а также и другого рода дѣла и дѣлишки волостного обихода, завѣдываніе которыми возложено на писаря и его помощника.

За перегородку имѣютъ право являться только должностныя лица—старшина, писарь, старосты, судьи, магазинники... и, только въ случаяхъ чрезвычайнаго скопленія обывателей, допускаются и «штатскіе». Въ такихъ случаяхъ обыватели вводятся даже въ смежную съ канцелярією кладовую, гдѣ хранится сундукъ съ деньгами и устроенъ будуаръ вышеозначеннаго Вавилы. Въ этой же кладовой часто происходятъ тайныя совѣщанія лицъ нашей служебной іерархіи о дѣлахъ, не подлежащихъ вѣдѣнію обыкновенныхъ смертныхъ. Съ правой стороны сборной—кутузка—„холодная“, въ которой отбываютъ наказаніе „штрапованные“ и по праздникамъ и во время судовъ выпиваютъ барыши „волоскія“ власти.

Сегодня въ „волоской“ будетъ полный сходъ, а потому еще до захода солнца „выборные“ изъ дальнихъ деревень медленно двигались по направленію къ волости. Дорогой отдѣльныя группы уже вели между собою пренія по поводу предстоящихъ дебатовъ. При каждомъ возбужденномъ состояніи ораторы становились другъ противъ друга въ самыя вызывающія позы, размахивали палками, хватались за шапки, ударяли по бедрамъ. А болѣе флегматичные издавали при этомъ неопредѣленные носовые звуки, покачивали головами, доставали рога изъ-за пазухи и «заживали» табачку. У всѣхъ лица угрюмыя и сосредоченныя. Да, есть о чемъ призадуматься! Нужно произвести „раскладъ“ жалованья и ссегавигъ смѣ ту расходовъ на содержаніе всего

волостного инвентаря, живого и мертвого, нужно избрать новыхъ или утвердить старыхъ вольнонаемныхъ лицъ, служащихъ въ волости (писарь, старшина, фельдшеръ, сторожа—церковный, волостной, училищный).

На сумеркахъ скрипъ и постукиваніе ногами „противъ волоской“ все больше и больше стали усиливаться. Выборные одинъ за другимъ наполняютъ сборную. Бывшіе прежде должностными лицами—старшинами, старостами, судьями—заняли мѣста впереди, около загородки. Эти лица хорошо понимаютъ законы, могутъ хоть кого „скинуть“ и насадить“, а въ крайнемъ случаѣ, имъ не въ диковину „поднять всѣ волоскія книги, и найти гдѣ и откуль якая куды што“, другими словами—это центръ волостного схода. Центръ производитъ диспуты, устанавливаетъ достоинства и недостатки избираемыхъ лицъ, дѣлаетъ запросы и даетъ возраженія вышшимъ инстанціямъ волости (писарь и старшина), а также получаетъ и распредѣляетъ „барыши“⁷⁵). А что касается тѣхъ, которые помѣстились у стѣны на лавкахъ, около печки и отчасти „въ холодной“, которая никогда не затворяется, то всѣ эти выборные составляютъ, такъ сказать, крайнюю лѣву. Это, по большей части, народъ начинающій шумъ по поводу каждаго подходящаго обстоятельства, поднимающій „гуль“ и „гвайтъ“ и издающій протяжные звуки: о-о-о! у-у-у!

Сходъ въ сборѣ. За оградой столъ заваленъ бумагами. Писарь погруженъ въ подборъ нужныхъ статей расклада. Его помощникъ роется по шкафу и подаетъ требуемыя книги и бумаги. Старшина въ возбужденномъ состояніи поглаживаетъ бороду. Онъ предчувствуетъ предстоящую борьбу съ представителями деревень. А народъ выглядит сегодня невесело. Поднимаемая руки кверху, старшина старается усмирить „безъ толку и безъ путя“ раскричавшихся выборныхъ. Старосты занимаютъ мѣста около стола. Физиономіи ихъ

преисполнены подобострастія: они готовы итти и за, и противъ, лишь бы не противорѣчить требованіямъ старшины и писаря. Послѣ каждаго старшиноваго возгласа „потиху“, старосты начинаютъ урезонивать буяновъ и даже вторгаются въ средину и учиняють надъ ними нѣкотораго рода „взбучку“.

Началась переключка... Послѣ Сазона Сароки и Банадыся Зуботычины получается пауза: выборный Тадоръ Крупеня сейчасъ былъ и куда пропаль—неизвѣстно. „Вѣрно у жидоу“,—замѣчаетъ кто-то изъ заднихъ рядовъ.—„А гдѣ Кузуля?“—„И Кузуля тамъ... и Ришину Тумашову не ищи, паночекъ (писарь)... Ина зъ ими“.—Чтожъ они тамъ дѣлають?—«Што дѣлають? Вядома што!..» Оказалось, что эти выборные прежде всякаго „распорядку“ благодушествовали у Абрама за бутылкой водки и явились тогда, когда по дѣлу старшины кончилась подача голосовъ.

Послѣ переключки сходъ «заколыхался» и началъ напирать на загородку. Въ сборной, съ трудомъ вмѣщавшей около 80 человекъ, температура все болѣе и болѣе стала нагрѣваться. Мужички въ кожухахъ и армякахъ, закутанные платками, шарфами, съ шапками „облаухами“ въ рукахъ, начали утирать катившійся по лицу потъ. А такъ какъ куренье табаку не воспрещается, то и въ центрѣ и на окраинахъ можно было видѣть «въ зубахъ» выборныхъ огромныя пипки. Вотъ этотъ старичекъ, что у печки сидитъ, чуть не 10 разъ распаливаетъ «дунаевскіе корешки» въ глиняной пипкѣ. Пипка трещитъ и хрипитъ, а не дымится. Старикъ сердится и начинаетъ прочищать и выдувать „цибукъ“, За оградой также курятъ, но тамъ табакъ курятъ болѣе высшаго сорта—«Бакунъ», „Экстру“ II-го сорта, или даже „Шапшаль“, при чемъ близость къ правящимъ сферамъ даетъ имъ право закуривать непосредственно изъ стоящей на столѣ лампы. Вообще табако-

курение не имѣеть въ волости противниковъ, хоть бы пепель изъ трубокъ сыпался прямо на канцелярскій столъ или даже на бороду г. старшины. И, если бы кто изъ служащихъ рѣшился возстать противъ такого обычая, то, безъ сомнѣнiя, лишился бы «гарцевъ», а можетъ быть и совсѣмъ былъ бы низведенъ въ разрядъ «не у дѣль» стоящихъ. «Пипка», говорятъ, „никого не чепантъ“.

Старшина энергично требуетъ молчанiя. Пипки изъ зубовъ на нѣкоторое время вынимаются. Сходъ „на-вострилъ уши“.

Писарь. «Ну, начнемъ судить да рядить насчетъ нынѣшней смѣты. Жалованье старшинѣ 80 руб., да 6 четвертей хлѣба. Что вы на это скажете?».

Выборные на нѣкоторое время притаили дыханiе: это затишье передъ бурей. Кто-то прокричалъ въ центрѣ: „Гарцы долоу“ ⁷⁶). И цѣлая дюжина крѣпкихъ голо-совъ изъ крайней лѣвой принатужилась и гаркнула: «гарцы долоу!» А въ другихъ мѣстахъ слышалось: «по-ста-а-а-рому!» Получилась масса неопредѣленныхъ зву-ковъ. Отдѣльныхъ рѣчей не было. Звуки „о“ и „а“ бы-ли преобладающiе. Обмѣнъ мнѣнiй сталъ принимать бо-лѣе опредѣленную форму, когда выборные достаточно «надсадили и надрали горло». Мнѣнiя часто сводились къ личнымъ счетамъ и обострялись на вычисленiи род-ственной линiи къ старшинѣ.—„А ты за яго?“—слы-шится, напримѣръ, голосъ около печки. —„Ты уже ту-тошнiй!“ (волосной).—„Да и за што тамъ гарцы ски-дывать?“—„Ти много тыхъ гарцевъ!“—«Наживецца и безъ гарцы!»—„Годы плохи!“—„Нечего самимъ ѣсть!“— Между выборными находятся и такiе ярые защитни-ки своихъ режимовъ, что не прочь вызвать оппонен-товъ на поединокъ. Трахимъ, напр., въ рѣзкихъ выра-женiяхъ нападаетъ на Еску. Ёска за словомъ въ кар-манъ не лѣзетъ, и взаимная вражда не приводитъ къ

печальнымъ результатамъ, только благодаря вмѣшательству старость. Бывшій старшина возвышаетъ голосъ противъ Антона Сукоѣда. Сукоѣдъ энергично отстрѣливается, но на третьей фразѣ пасуетъ. Терезка (изъ либераловъ) пытается произнести цѣлую рѣчь на тему «какъ легко коло волоской нажицца». (Въ центрѣ знаки одобренія и ропоть за перегородкой). Старшина призываетъ Терезку къ порядку, а одинъ изъ старость врывается въ толпу, толкаетъ Терезку подъ «микитки», и тишина восстанавливается.

Старшина. Што-жъ я, напимѣрь, такое, што-бъ мнѣ гарцы скидывать... Вы жъ потолкуйте хорошенько!..

Центръ. Што-жъ тамъ толковать! Гарцы долоу и шабашъ! И въ заднихъ рядахъ пронеслось: оу! оу-у-у!..

Жара усиливается. Лица красныя. Табачный дымъ дѣлаетъ атмосферу невозможной для вдыханія.

Писарь.—Нужно спросить по голосамъ!

— На галосы, такъ на галосы!—соглашаются wyborные.

„На голоса кидать“ можно двояко: упрощеннымъ способомъ—согласнымъ остаться въ волоской, а несогласнымъ вытти на дворъ, или записывать каждаго поименно—согласенъ или несогласенъ. 1-й способъ считается невыгоднымъ въ томъ отношеніи, что болѣе сильныя удерживаютъ на дворѣ слабыхъ „за полы“. Рѣшено было приступить къ длинной процедурѣ поименнаго голосованія. Въ списокѣ двѣ категоріи—съ „гарцами“ и „гарцы долоу“.

При подачѣ голосовъ слышатся односложныя заявленія: „гарцы долоу“. Многіе же, какъ бы въ извиненіе своей жестокосердности, прибавляютъ: „Не съ чего давать!“—„сами мякину ядимъ“, „сами на бульби сядимъ“, или: „куды мѣрь, туды и я“!,—„што жъ я одинъ протиу мѣра“!,—„куды море, туды и береги“!.. По мѣрѣ того, какъ число противниковъ „гарцевъ“ увели-

чивается, старшина упадаетъ въ лицѣ. Можно ли оставаться спокойнымъ въ виду такой перспективы, какъ лишеніе 6-и четвертей хлѣба?! И онъ не можетъ удержать своего желчнаго настроенія и по временамъ восклицаетъ по адресу своего противника:— „Што жъ я у тябе тьяленка зъбу?“

Но вотъ перекличка кончена. Большинствомъ 78 противъ 18 старшина лишень „гарцевъ“. Инцидентъ исчерпанъ.

Теперь очередь за писаремъ. Дѣло для нашего джентльмена довольно щепетильное: нужно сохранить свое достоинство, поддержать свое реноме и въ то же время сказать пару теплыхъ словъ въ свою собственную защиту. По всѣмъ признакамъ сходъ и личности вершителя дѣлъ волости не уважить. Протесты выражаются сначала сдержанно, поодаль отъ ограды, но вскорѣ центръ начинаетъ „гудѣть“ не на шутку. Гуль дѣлается неопредѣленнымъ. Каждый боится выдать себя „головою“.

— Ну что-жъ, братцы, какъ же столковались?— спрашиваетъ писарь.

— Гарцы долоу!—энергично заявляетъ центръ.

Изъ преній же сторонъ можно замѣтить, что, де, обидно будетъ старшинѣ, если „гарцы“ писарю останутся.

— Скидывать, дыкъ усимъ скидывать,—заявляетъ черная борода, жестикулирующая и наклоняющаяся въ сторону главныхъ вожаковъ.

— Усимъ гарцы долоу!—поддерживаетъ черную бороду центръ.

Начали „кидать“ на голоса—по безопасному способу. Длинный списокъ протестантовъ заставляетъ писаря усиленно покручивать усы. Публика посмѣивается. Задніе ряды гудятъ: га-га-га! Въ результатѣ пи-

сарь, хотя тоже „не съѣлъ телянка“, остался безъ хлѣба ”).

Голоса особенно сдѣлались ожесточенными, когда былъ поднятъ вопросъ о содержаніи волостного фельдшера, который состоитъ въ штатѣ вольнонаемныхъ и вознагражденіе получаетъ деньгами и натурой. Степень ожесточенія противъ фельдшера находится въ зависимости отъ плохого мнѣнія обывателей насчетъ медицины вообще. „Кали поздоровѣу, дыкъ значить такъ Богъ дау“, говорятъ по поводу благополучнаго исхода болѣзни, а въ противномъ случаѣ виновнымъ всегда является фельдшерское искусство.

Еще до схода рѣшено было „коптить“ фельдшера. Это „копченіе“ заключалось въ томъ, что прежде всего было сдѣлано заявленіе сходу со стороны Кузули и Безрылаго. „Міръ“ выслушалъ длинный разсказъ о смерти Кузулина швагры. Такого-то числа, ночью привезъ Кузуля своего больного родственника въ пріемный покой и просилъ положить его въ квартирѣ фельдшера. А фельдшеръ отказался. „Я положю его у больницѣ“,—говорилъ міру Кузуля,—„а швагра тамъ корчіуся, корчіуся и померь... Мусить захолодауся“. Сходъ пришелъ въ неистовство. Бороды поднялись, глаза сверкали, руки жестикулировали. Выборные старались получше разсмотрѣть фельдшера, который, стоя у загородки, теперь началъ энергично возражать противъ нападеній невѣжественной толпы. Со всѣхъ сторонъ неслись угрозы самаго жестокаго характера. „Ишь ты пань якій!.. Ноччу? Дыкъ что-жъ, кали ноччу.. А, жонка твоя больная? Дыкъ что-жъ, коли больная! Ни паня! Жарты пани развелися на нашихъ хлѣбахъ“! При этомъ Микита изъ Бѣлохвостова подступилъ чуть ли не къ самой фізіономіи „коптимаго“. „Заворотъ кишокъ? Якій тамъ заворотъ! У кого ето коли заворотъ якій бываить?.. Разъѣуся ты на нашихъ харчахъ—

вотъ што-о!“—„Да якій ёнъ хвэршалъ, коли отъ за-
палення ⁷⁸⁾ ня вылячіу: и порошокъ давау и тое, и сее,
а все ничего!“.. „Намедни моя Рыпина,—замѣтилъ кто-
то для большей иллюстраціи,—начала корчиться жи-
вотомъ... И ёнъ же быу и чаго не дѣлау, а колибъ
Миколаиха не кинула горшокъ ⁷⁹⁾, то можить и помер-
ла бы!.. Опять Язэпъ—сколько порошокъ наѣуся и мазъ
разную піу, сколько доктороу объѣздіу, а колибъ Про-
копъ Довгій не дау нашаптанной воды, давно-бъ ёнъ
на тый свѣтъ пошоу!“.. А крайняя лѣвая, очевидно,
въ самомъ принципѣ склонна была отрицать значеніе
медицины для немощнаго человѣчества.

— Усё равно зъ ихъ (фельдшероу и доктороу)
пользы нѣтъ! Коли Богъ ня вылѣчить, докторъ не по-
можить! Чауу-жъ сами дохторы помирають!..

— Тиху вы, братцы, старался старшина унять
расходившіяся страсти: что-жъ тутъ у пусто кричатъ!
Говорите, сколько жалованья фельдшеру?

Голоса въ центрѣ: „нисколько“!

— Да какъ же безъ жалованья? недоумѣваетъ
писарь.

— Не на-а-а до! Не надо намъ сусимъ хвэлшера!
Су-у-у-у-симъ!

— А кто же будетъ на его мѣстѣ?

— Найдуцца! 100 человекъ найдецца на такое
мѣсто! О-о-о! Мѣсто теплое!

Нѣкоторые старались возражать, доказывая, что
такого человѣка жалко удалять, что онъ и день и ночь
не знаетъ покою, что „любопытно“ относился къ боль-
нымъ—и къ старому, и къ малому, что вина его зак-
лючается въ томъ развѣ только, что „не уживаить“
водки. Тѣмъ не менѣе защитники Миколаихиной меди-
цины и „легкой руки“ Прокоповой берутъ рѣшитель-
ный перевѣсъ, и фельдшеру безъ голосованія отъ мѣ-
ста отказано, о чемъ составленъ приговоръ. Многіе

ожидали, что фельдшеръ начнет просить, чтобы его оставили и согласится пооставить 2 ведра водки. Но тотъ только махнулъ рукой и ушелъ домой.

Въ заключеніе былъ вотированъ бюджетъ на содержаніе училища и учителя.

Настроеніе схода не улучшилось. Хотя учитель и не былъ осужденъ на „копченіе“ (онъ всего лишь 5 мѣсяцевъ на должности и не успѣлъ еще „намосолить глазъ“), тѣмъ не менѣе и онъ предчувствовалъ, что на его улицѣ праздника не будетъ. Нужно, однако, посмотрѣть, насколько можно подѣйствовать словами убѣжденія. „Неужели эти люди не могутъ понять, какъ важна для нихъ школа?“ думалъ онъ.—„Вы знаете,— началъ онъ, обращаясь къ сходу,—что наше училище тѣсно, а дѣтей, очевидно, вы хотите помѣстить побольше. Спальня въ училищѣ сыра, классъ темный, нѣтъ столовой, нѣтъ другого выхода, нѣтъ сарая, нѣтъ ретирадовъ... Все вы отказываетесь дѣлать по бѣдности. А бѣдны вы почему? Потому, главнымъ образомъ, что мало развита у васъ грамота, вы не понимаете, какъ улучшился бы вашъ“...

— Гэта ужо чули!.. Много хто такъ говорить! Да-а-ви-о ужо гэта чули!..—слышатся рѣзкія замѣчанія съ разныхъ концовъ.—Гэта у пусто, паничъ, кажишь!..

...— „Грамота развита у васъ мало... Дѣти ваши“...

— И грамотный гусей пасеть, и неграмотный гусей пасеть!—прерываетъ учителя рѣшительный голосъ изъ толпы.

— Што тамъ ученъе мужику! Усе ровно коло земли пойдить!.. Што тамъ грамота! Панамъ грамота, а зъ насъ пановъ ня будить!—поддерживалъ центръ высказанный взглядъ на грамоту.

Учитель. Да вѣдь дирекція предписала, расширить училище.

— Дирекція? А дирекціи хто писау?—Вучитель? Вучителю тѣсно стало?... Наши ребята ни паны: поживуть и въ тяснотѣ. А ратурады? На што кому ратурады!... Уси дома живемъ бизъ ратурадовъ... А кому нада ратурады, тый нихай и строить! Наши дяды и прадѣды вѣкъ сжили...

— Да вѣдь дѣти ваши каждый день заболѣвають—урезониваль мужиковъ учитель.

— Мало отъ чего болѣютъ ребята! Ребенокъ, што поросенокъ. Попищить—и выкачаицца!

Писарь. Еще вотъ просить учитель ассигновать денегъ на постройку изгороди около огорода—что вы на это скажете?

— Кто захочить, тотъ и обгородить!...—слышались голоса.—Кто будетъ пахать, тотъ и загородить!

— Да какая же польза учителю съ огорода?

— А ета ни наше дѣло!

— Для вашихъ же дѣтей и для вашей пользы я хочу завести опытный огородъ, хочу насадить деревьевъ, чтобы вы видѣли, какъ... нужно ухаживать за землей... Я забочусь...

— Поменьше заботься!—крикнули вдругъ въ центрѣ.—Поме-е-е-ньше!—кричала и лѣвая, и „холодная“, и даже задніе ряды.

Послѣ такого комплимента учитель былъ поставленъ въ безвыходное положеніе. Мечты его разсѣялись, какъ дымъ. Много, значить, нужно времени и усиленнаго труда, чтобы разрушить столь крѣпкую стѣну невѣжества...

Писарь. Теперь слушайте еще вотъ какую бумагу: Дирекція народныхъ училищъ пишетъ: „...Основано общество вспомошествованія народнымъ учителямъ... и

просить волостное правленіе сдѣлать на этотъ предметъ денежное пожертвованіе“... Содержаніе бумаги шло нѣсколько въ разрѣзъ съ тѣмъ, о чемъ во время схода говорилось, а потому выборные и не сразу отвѣтили. Форма обращенія показалась слишкомъ вѣжливой. Не желалось бы показаться такими ужъ безсердечными передъ „начальствомъ“, а назначить вспомошествованіе не хочется.

— Нихай споживаютъ на здоровье!—отвѣтилъ за всѣхъ Банадысь Крупеня. Центръ высказываетъ этой резолюціи живѣйшее одобреніе и выражаетъ признательность звуками: „а-а“!

— Не съ чего да-авать! Мякину ѣдимъ!—гаркнули около печки. Нѣкоторые же подходили къ столу и старались узнать, какъ, де, понимать бумагу—прикажь ли то, или такъ какой либо ляпортъ?

-- Да вѣдь васъ просятъ,—разъяснять писарь.

-- А коли просятъ, такъ отказываемся! Отка-а-а-зывается!

Этимъ отказомъ закончились пренія, и сходы устремился къ выходу, выпустивъ изъ дверей огромный столбъ пара. На дворѣ вспотѣвшихъ обдало свѣжимъ воздухомъ. Всѣ были довольны: наконецъ-то вырвались! Теперь можно и домой собираться. Тотчасъ образовались группы закуривавшихъ изъ одной спички сигарки и пипки. Весь „тлумъ“ вынесенъ былъ на улицу. Выборные отыскивали свои палки, прощались другъ съ другомъ, закутывали уши въ „облаухи“ и направлялись къ своимъ „сялибамъ“, продолжая вести диспуты и критикуя событія дня съ разныхъ точекъ зрѣнія. Палки попрежнему поднимались вверхъ и взрывъ негодованія выражался въ формѣ отборныхъ ругательствъ.

Темный покровъ уже давно скрылъ за горой выборныхъ, а тѣ, которымъ хотѣлось выпить, зашли къ Абрамкѣ и здѣсь поднимали новые вопросы и вели пренія о предметахъ, которые скорѣе подлежатъ вѣдѣнію г. Бахуса, чѣмъ заправилъ волости—писаря и его адептовъ.

ИЗЪ ЖИЗНИ ЛЕПЕЛЬСКИХЪ КРЕСТЬЯНЪ.

(Картины съ природы).

(Въ бывшую корчму входятъ мужикъ, не успѣвшій захватить водки въ монопольной лавкѣ).

Поищи ты мнѣ, Мовшечка, горѣлки!.. Ты говоришь--нѣтъ, а погляди-тка вонъ тамъ подъ тухвяками, у постели... Пошукай, пошукай!.. Во-во! Тягни-тка, тягни, голубочка! У васъ, у жидовъ, горѣлки усюдахъ наторкано. (Мовша пытается унести бутылку). Ну, ладно, ладно... Я только такъ... Мовшечка, дяденька, отпусти!.. Никому не скажу. Гэто братъ, такое дѣло: пей, да никому не кажи... Мы давно знаемъ, что ты торгуешь поトロху, а вотъ же ничего... И твой батька, хоть и драу... али добрый былъ ж... человекъ... Хайма уси знали! Ого-го (разматриваетъ поданную бутылку водки). Хорошая горѣлка винопольная! Гета не то што!.. Разъ, два, три! Во и вылетѣла пробка! Ла-а-дно!. Давай-ка, братъ, шкаликъ!.. И за шкаликъ заплачу... И за все заплачу. Ты не сумливайся... Што я крутель табѣ якій? Я братъ, никому ничего не скрути, никого не забіу, ни у кого ничего не крау. Маю четыре надѣлы. (Пьетъ). Три годы отбыу старшиной, а ты хто? (Пауза). Мордва ты! (Пьетъ и закусываетъ). Ирода ты несчастная!.. Твои бутылки?!... Мало што бутылки твои... А моя горѣлка... (Съ азартомъ). Ты не маишь права подъ тухвяками горѣлку держать. Горѣлка у винополи. Мы уси порядки, вѣдаимъ. Вотъ што... Во у тебе сколько бутылокъ, а все винопольны.. Да я... я тябе подъ аресту запру!.. (Стучить

кулакомъ). Я вась!.. (Пьетъ). Стой, не тронь горѣлки! Ицыкъ, не лѣзь, братъ... я горѣлку выпью и... и пойду... Подавай бутѣлку! (Вырываетъ бутылку). Я бунту не веду, я порядки держу! (Отстраняетъ Мовшу и сына его Ицку). Я порядокъ держу, потому, знацца, за свои гроши пью, а ты—ирода несчастная!.. Во-во полѣзь! (Выскакиваетъ изъ-за стола и, подплясывая, напѣваетъ):

А при боку пистолеть,
Огляну-у-ся козы нѣ-ѣ-ть.

Гэта, братъ, такое дѣло... (Садится около окна и задумывается). Мы, напимѣра, крестьянской вѣры, живемъ, знацца, на своемъ хлѣбѣ, а ты только и живешь крутней... Такъ только што обманешь. (Пауза). Мы, крестьянскіе, знацца, а вы не... нехристи. Пустяшный вы народъ! (Закуриваетъ трубку). На вродѣ шляхты. (Подходитъ къ столу и выпиваетъ безъ рюмки оставшуюся водку). Знаешь, што, Мовша? (Пауза). Будемъ мы съ тобой мирицца. Мало што поругались... Поругались троху, да не побились—правда? Ха-ха-ха! Чимъ я тебе біу—а? А ты мене чимъ біу? Ну вотъ видишь: ни ты мене, ни я тебе. Ну, ходи ближи! Мы-жъ усе-тки сусѣди... Нѣхто скажитъ ближающіи. Неси еще полбутылки. Голубокъ мой, Мовшечка! За дружбу... чимъ хочешь отплачу. Хошь деньгами, хошь бульбой, хошь такъ чимъ. Што тамъ ругауся? Одно твядить—ругауся. Я такъ по дружбѣ, а ты гэто у сиріезъ берешь. Я не отъ сердца, а такъ языкъ брешить... Ну неси-жъ, моя зезюлька!... Ты мене добра знаишь и батьку знау. Помнишь Прохора—Писталетоваго сына?... Ага-а... А ёнъ-жа съ твоимъ батькомъ... Двинься ближе... Ну во-во. Ну поищи-же горѣлки. (Стучитъ въ грудь). Дадужи боли не буду! (Шопотомъ). Я никому—ни-ни! Я не такіи челоувѣкъ!... Во-во. И спасибо. (Хлопаетъ бутылкой о другую руку и напѣваетъ):

А при боку пистоле-еть,
Оглянууся козы нѣтъ!

А хто мнѣ укажить не пѣять? Я за свое пью и за свое пѣю. (Пѣеть). Я, слава Богу, не лайдакъ якій. Я знаю куды якое што! У мене, нѣхто скажить, три надѣла земли, четыре сыны, одинъ подъ одинъ, двѣ дочки замужемъ. Жонкина родня знаема усюдыхъ... Три годы ходю я на сплавъ... Видю и людей, и разное гѣто, напрымѣра... А ты што? (Молчаніе). Што у тебе, Мовша, за вѣра? (Стучить по столу). Ну, кажи, якая у тебѣ вѣра? Такъ только кричишь у пусто у субботу. Што-жъ ты, напрымѣра, коли никипаръ ^{во}) вотъ бываить,—чаго ты колотисся ягъ осина... Ага, боися, знацца, штобъ никипаръ не схватиу—вотъ якая твоя вѣра! Ну отойди, не лѣзь!.. Не згонишь!.. Денегъ?— Подождешь... Денегъ нема теперь... Не, дудки, не спихнешь. (Жиды стараются выпихнуть изъ-за стола). Хайка, а ты што?... Ага, уси—и на одно...го. Ты што тоухаисся у бокъ?... Я табѣ свиннюкъ? (Вступаютъ въ драку). Я васъ! Ты думау я табѣ Си-до-о-ръ! (Отмахивается, выльзаетъ изъ-за стола, старается выпрямиться и, при-топывая въ тактъ ногой, напѣваетъ):

А при бо-о о-ку писто-ле-еть... писто-ле-еть!.. (Па-даетъ).

Ты ни чапайся, коли тебе не трогають... Што ты у груди драгаишь (силится встать)... Я-жъ табѣ ни якое што... Я пойду до члена... Ты ду-у-ма...ешь, ирода ты несчастная!.. Што ты кровь спускаишь... По новому кожуху ліешь... Што я табѣ дерево, што ботомъ у самую голову... Ирода ты... Халерія! Я твою Хайку съ жидинятами пере-э-э-ломлю! Кровь крестьянскую пьешь, быдла ты!.. (Силится встать. Пауза. Напѣваетъ):

А при бо-о-ку... а при боку...у!.. (Входитъ жена).
А? хто тутъ? жонка?... По якому праву?... А табѣ якое дѣло, што я лежу?... Ты хто такая? Ага...а!.. Ну

коли жонка, дыкъ и жонка. (Является свать Базыль и силится вытянуть пьянаго изъ-подъ стола). Не-е тро-о-жъ, не ты полагаю, не тебѣ и бра-а-ть.. Я лежу, а не ты... Ты мавчи, коли ни понимаишь... Мавчи, мавчи!... На твою телѣгу? Не пойду!... Мнѣ сичасъ стойковыхъ коней пришлють... Што ты голосишь баба-а? Думаишь не пришлють?... А хто старшиной быу—а?.. Хто быу—а?.. Ко-о-ожухъ облить?.. А табѣ якое дѣло, што об..блить!.. Гэта ирода несча-а-сная сбила голову... Зна-ацца, ина-а и от..ку...пить. (Сияясь подняться). Не пойду.. не пойду... Чуишь фдуть... Ага... Гэто за мной... (Напѣваетъ):

А при боку-у... боку-у-у-у!

Не пойду, Ива-ановичъ... не-е-э! Не хочу...у...у. (Базыль и баба тянуть пьянаго къ телѣгѣ). Ишь ты, братъ!... Не, не полѣзу... Шали-и-шь!.. (закладываетъ при помощи жены одну ногу въ телѣгу). Подожди, дай закурить. (Ищетъ кисеть). Ба-аба, гдѣ кисеть? (Беретъ трубку и втягиваетъ огонь). А вотъ ни полѣзу... А вотъ ни укажишь... хочу буду тутъ, хочу узлѣзу... Ни твое дѣ-ѣло!.. (Базыль и баба сияясь наклонить совершенно пьянаго въ телѣгу). Мавчи, жонка! А то я табѣ зубы выбью!.. Моя нога, напимѣра, тутъ, а табѣ якое дѣ-ло-о?! (Напѣваетъ):

А при бо-ку.. у-у!..

(Баба и Базыль общими усилями, при помощи случайно встрѣтившаго Зипайлы, вваливаютъ его въ телѣгу. Телѣга тронулась, баба плачетъ, мужъ ея напѣваетъ):

„А при боку...у-у-у!..“

У Т І Я Т Р И.

(Разказъ бѣлорусса).

Сижу я, братцы, у тымъ самымъ тятри, ажъ сейчасъ одинъ у скрипку—пись, другій подняу трубу—прогудѣу, третій повѣшау роговень—зарухау. Кажинный наладіу для порядку свой штрументъ. Слухаю я: низграбно, трубять, да ня тымъ трахтомъ. Скуголють, ажъ не лоуко слухать. Тый же, што сядить посередки, мѣтіу, мѣтіу, да якъ маханеть кнутовищемъ, а тыи, што съ боковъ, кажинный съ свойго штрумента якъ стибануть, якъ равкнуть, якъ сыпнуть! Во, братцы, кого послухать!.. Ого-го! Гета не шутки!.. Панасовы цимбалы?—Тѣфу! Ничего ты, Хведосъ, не стоишь послѣ того!.. И Сидоровы никуды варты! ⁸¹⁾. И Петрусева скрипка н близко не подходитъ! Боже упаси! Коли бѣ усѣ цимбалы собрать и самого Язепы, и Маркову дуду, и Змитроковыхъ мальцевъ у рядъ поставитъ, и Сидору кнутовище у руки —и то ни близко! Барани Бо-о-гъ! Потому ни трубы, ни басѣдли, ни поукадки.. Якіи трубы? Што дымъ идетъ?—Тѣфу! Ату тебе, Микита, ату, болото! Што ты видиу? Ничего ты не видиу! Ты видиу только болото, деревню, да свинней!.. Труба ета блюскуча, якъ самаваръ, съ первѣйшаго масяндзоваго матэрьялу. Одна ревьтъ, другая храпить. Ву-ву-ву!—во якъ.

Опять же дудки, на вродѣ жулеекъ, тыи больше верха, тиль-тиль-тиль, гдѣ писнить, гдѣ свиснить! Басѣдля-жъ здорово гудить, да и работы коло ее довольно. Жарты енъ чешить смыкомъ, ажъ лобъ треть. Здоровая махина, досать працы! Ну и такъ съ мелкоты у скрипки дробняку подеыпають довольно, валютъ въ одну руку и все по книжкамъ глядятъ. А тый кнутовищемъ знай махайтъ и туды, и сюды, прямо подъ носъ близяющимъ подступайтъ. Жарили, жарили, тады ста-

ли, а жулейки и скрипки давай сами по сабѣ разныя штуки выводить. Выводють, скуголють. И труба къ имъ по-малу пристала. Я-жъ думаю, вотъ табѣ и разъ! Све-ли на быки... Ажъ сичасъ тый самый кнutowищемъ якъ махнуу къ тому, што на концѣ сидить, а тый раз-махнууся балдавешкой, да якъ дасъ по поудежку, а поудежикъ—лопъ, лопъ, лопъ!.. Ажъ прямо у пятки колить. Подъ конецъ же, якъ разошлись, якъ сыпну-ли, скорѣй, скорѣй, енъ кнutowищемъ жаріу, жаріу и—баць! Стали усѣ и стоять...

Паны ти были? Да такъ што усе паны. Зъ на-шихъ, зъ мужиковъ, не видать. И я достукаюся за тое, што Симоновы копоты надѣу и у Трохима ботовъ до-стау. Ни усякаго и пустють. Гдѣ я сидѣу? У верху. А у низу—паны, на землѣ знацца, на стѣнахъ—паны. Якъ на стѣнахъ? А такъ, ежели, напрымѣръ, прибить къ стѣнамъ карзинки и у карзинки наторкать разныхъ пановъ, а у стѣнѣ зробить вокны, а у вокнахъ двери, а черезъ двери ходъ. Дыкъ вотъ ты, напр., сидишь у карзинки, а захотѣу вонъ, отперъ—и вали, куды хо-чешь... Табѣ смѣхъ, болото ты!.. Только у низу паны наибольши зъ мужчинъ, упереди зъ лысыхъ боли, та-ды зъ войсковыхъ, зъ урядниковъ, зъ приставовъ, а на стѣнахъ паны съ панятами и зъ жонками. Али надѣты уси,—воукъ ихъ зѣшь,—лоуко. Правда, тонковаты троху зъ боковъ, али ничего. Усе боли у чирвономъ, а руки голы, якъ вотъ, коли дежу мѣсютъ бабы и такъ коло шей ни въ застежку, на головѣ волосы помеломъ, а сами фуфыруцца, смяюцца, глазами во гѣдакъ, а тыи, сзаду што стоятъ,—у ихное вухо нѣшто шепчуть. Тамъ же на карзинкѣ ящики отъ табаки: изъ тыхъ ящиковъ пани потроху берутъ и помалу каштують у прикуску.

Тады што было? Тады якъ сыграли троху, кажи-ный пошоу отдахнуть и я драбануу. Усе боли коло

боку держу и усе вижу. Паны лупють у харчевню ⁸²⁾ и тычась за горѣлку. Правда стобають лоуко. Только не такъ, якъ у насъ: у насъ боли прямо зъ горла да у горло. А тамъ килишки, якъ журавель, и закуска, и рыжій человекъ коло ихъ бѣгаить. Я ета вынуу ци-букъ, хотѣлъ покурить... Ажъ нѣйкій курносый кажить мнѣ: „а ты што?“ „Я, кажу, зъ голодерки“. А ёнъ мнѣ кажить: „подальши, подальши!“ Я тады коло стѣны, да у двери, да не у тыи. Заблудіуся. Во кабъ тебе! Правда, рыжій подошоу, поглядѣу на мои документы, да мяне за руку, да за плечо, да на лѣстницу: „коли, кажить, ты зъ голодерки, такъ и сиди на голодерки“.— „Я, кажу, заблудіуся троху“. „Иди“, кажить, „покуль по шеѣ не получіу“. Али усетаки видно зъ благородныхъ: и говоритъ ласково, и ни штургаить. Я выши, выши, бокомъ и попау на свой трахтѣ, да на свои дуваны.

Гляжу на боки, уверхъ, унизъ. Ажъ разомъ тый самый кнутовищемъ—шарахъ! А тыи хто у трубы, хто у скрышки... Тады, братцы, и стѣна поднялася. Дадущи-жъ поднялася! Стѣна такая намалеванная, съ конями. Гляжу я. Божухна ты мой! Выскочило много усякаго люду, али не отъ тутошнихъ пановъ, и давай шіять. Распинаюцца, крычать, гойкають, бѣгають, скачуть ⁸³⁾ усе во гѣдакъ подскокомъ. Тады къ имъ выскочиу нѣхта бѣлый, у балахонѣ. Бѣгаить, скуголить и рукой во гѣдакъ показываить. Опять икая-то баба, ти то молодица къ имъ подскочила. Пищить, плачить, ажъ за сердца хватаить. И Богъ вѣдаить якое што тутъ зачиналася, ажъ у глазахъ замитусилося. Ничего не говорятъ, а плачуть, гойкають, за горло хватають, руки у верхъ подымають. Во такъ боли: го-го го-го ги-ги-и! Зайцовъ згоняють? Не-е! Гѣта ни балото! Я самъ сперша думау, што значить кого гонють, ажъ не-е. Яны такъ межа собой. Покрычать, пойдуть одинъ къ одно-

му, обнимуца, цалуюца и опять разоидуца. Тады бѣлый—што у балахонѣ—подошоу къ тому, што съ кнутовищемъ, и начау крычать, одинъ кричить, ажъ голосъ трясеца и руку къ ему тянить, кнутъ, мусить хочить схапить, а тый, знаить свое дѣло—жарить, а тый тонкій коло басѣдли работаить. Гляжу я:—стѣна валица, валица—и закрыла того, што у бѣломъ. А паны давай кричать, хлопають у ладоши, деруть горло, ажъ вочи вонъ. Наибольши съ голодерки жидовье, ступаютъ ногами даже. И тый, што у карзинкахъ лопали, али потроху... Усякій со всѣхъ силъ кричить: брысь, брысь, брысь! а другого ничего не разобралъ. Кричали, пакуль бѣлый черезъ калитку голову не просунуу. Просунуея и клавица. Во гѣдакъ. Енъ же пошоу къ сабѣ, а яны опять крычать; такъ крычать, особенно жидовье, што ажъ вочи на лобъ. У мене ажъ у вупахъ затрещало. Думаю сабѣ: пойду, прочухаюся на холодѣ. И пошоу, коло стѣны стороняся, да на лѣсницу, да по лѣсницѣ, да къ дверямъ, да къ другимъ (туть я опять лысыхъ увидау: мусить къ горѣлки пошли), да къ третьимъ, да за двери. Гляжу ажъ Симонъ и Трахимъ мене ждуть, шипки палють. „Хади“, кажутъ, домоу, „бо Мэндалъ запретъ фатеру. Завтра кажутъ, рано треба на машину“. „Во кабъ вы выхварѣли! Еще, кажу, приставленця будетъ!“ А яны: „мой боты, мой копоты, треба на машину“..

А што робить? якъ ни мои, знаца, боты, да ни мои копоты, да и отъ кумпанства не оставаца, дыкъ я и драбануу зъ ими на фатеру, а тады и домоу.

Дыкъ вотъ якое дѣло, а не то, што Панасовы цимбалы... Тѣфу!

ПАНСКОЕ ИГРИЩЕ.

— А што-жь,—кажить паничь,—пойдемъ у клубу... свѣту повидишь... Тольки бороды да волосъ отсѣки троху, да штаны черныи, пинжакъ, боты клиномъ, да капялюшь надѣнь. Ладно. Достау я одежди, подсѣкса ⁸⁴), причасауся со лба на подзатылокъ, у люстѣрыкъ поглядѣуся... Смѣхъ! Тый мужикъ, а харя другая, фасонъ панскій,—тая малпа, да не съ того номера.—Тольки,—кажить паничь,—шаги дѣлай поменьше... Во такъ: ни широко, ни съ размаху, а дробнякомъ, и руками не махай, и не подскакивай, и подъ боки не сади, и воронъ не стрѣлай... и на вярсту не сморкайся, и затылокъ не чеши, а паненкамъ дорогу давай во такъ... а платокъ почаще вынимай и по лбу три... Смѣхъ просто! Продѣлау я усе, якъ слѣдъ быть, по доски даже пройшоу,—не вяртыхаюся, ни киваюся. Ладно. Надѣу мнѣ паничь свой каптанъ, ⁸⁵), насунуу капялюшь, и мы пошли подъ руки...

Во и клуба. Шарахнулися у двери. Тычасъ челоувѣкъ, золотомъ шитый, подскочіу ко мнѣ, каптанъ сдѣеть и не вѣдаить, хто я... Знай пана!—хварѣй твоя голова!.. Я и вокомъ не моргнуу .. Пошли вверхъ по лѣсницѣ. Иду дробнякомъ. Выше-выше. Драбанули къ дверямъ. А тутъ и хата ⁸⁶). Поль гладкій,—хоть каузайся. Хата уся якъ горить! Свѣтло—у вочи стибайть! А пановъ, братцы, якъ у мѣху... Панъ паню хапайть во гѣдакъ, ногами во гѣдакъ. И-и! пошли—тропъ да лопъ. Жжи-и-и! У-у-у-хъ! Лопъ-лопъ-лопъ! Отбѣглися къ вокну—скокъ, обхватилися—скокъ, крутнулися, вочами во гѣдакъ, голову бокомъ... И знова

скокъ! Скокъ—схватилися! Лопъ-лопъ!... Шш... ззз!.. Лопъ-стукъ, брыкъ-верть! Я ета растарѣщю вочи, разинуу ротъ и размахнуушия чмыхнуу. А паничъ мене во гѣдакъ подь руку: „Миколай, кажить, Ивановичъ (ето, значить, я—Ивановичъ), отойдемъ троху“. Отошли, а енъ на платокъ показываить. Чмыхнуу я у платокъ, и опять къ панамъ.

Ажъ паны уже отработали; вытираюцца, отдуваюцца. Паненки махають индыччими хвостами ⁸⁷⁾, щурюцца, зубы скалють, задами вертюцца то туды, то сюды... Я ближе, ближе придвинууся, гляжу: э-э, у паненокъ куртки надѣты съ прорѣзами вверху. Куртка только для близиру ⁸⁸⁾ надѣта, чуть-чуть держицца за почепки на плечахъ и, порвися почепки, просто—тъфу!.. Руки голы вотъ отсюль, а отсюль рукавицы бѣлыи, усе роуно, якъ бабскій чулокъ... Ну и мода,—хварѣй ихъ голова! Коли-бы не паны гѣто были,—плюнуу бы и пошоу.. А на рукахъ у каждой пани по мѣшку висить,—поугарцовые кисеты... Смѣсся? Не прауда? Штобъ я сквозь землю провалюся!.. Кисеты... ‘Допрежъ ⁸⁹⁾ того кисеты мужики носили съ табакой, а таперика и бабы за табаку принимаюцца... Ладно. Стою, дивуюся, ноги держу прямо, а паничовой руки не выпускаю... Мужчины-жъ надѣлися у такіи пинжаки, што сзаду два хвосты—кивель-кивель... а напереду полы вырѣзаны. А къ паненкамъ сразгону ⁹⁰⁾ подлетають, вусы крутятъ, а на носахъ висить по два вочки, а у рукахъ сковороды ⁹¹⁾, ти то тарелки... Вертятъ паничи сковородами прямо подь носъ паненкамъ, а паненки индыччими хвостами отмахиваюцца...

Тады паничъ одинъ якъ разняу глотку, да якъ заравѣтъ мазуррра! и дернуу за веревку къ тымъ, што у потолку играютъ ⁹²⁾. Тыи во весь духъ дернули. А паничи, долго не думауши, схватили паненокъ и пошли-и-и подскокомъ, съ большимъ гукомъ, съ боль-

шимъ трескомъ Я приглядѣуся къ одному, думаю—самый лѣпшій, ажъ сзаду жарить еще лѣп ій, еще вострѣйшій... А тый паничъ дереть—командуить; „Мосей, гложи дамь!...“ И-ихъ, показелили вочи—лупють! Узялися за руки: «гриронъ сади Миронъ!»—А паничъ зипаить: ⁹³⁾ «абалзонъ—грибозвонъ! Подайся упередь!» И-ихъ, понадвинулися якъ стѣна!—„Рекульнасонъ!“—подалися назадъ.—А тый опять зипаить: «тулемунты мазурики!»—И-ихъ, заработали ногами:--чешуть, чешуть, чешуть, якъ брыкливая кобыла. Стали. Чмыхають. Отдуваюцца. Трутъ лбы. Я отвернууся, поднявъ руку къ носу, а паничъ мене цапъ во за гэто мѣсто. „Миколай Ивановичъ (это я, значить), пройдемъ вонъ туды“. Прошли туды, гдѣ квяты ⁹⁴⁾ разложены. Отсюль пошли къ будкамъ. Тутъ барыни монополию продають ⁹⁵⁾, только бутылки не того калибра... Паны просунуть туды головы, выпють по шкалику (а шкаликъ якъ журавель на одной ногѣ) и драла къ паненкамъ.

Гляжу я ета, братцы, дивуюся и двинууся съ паничкомъ къ порогу, гдѣ паненки стиснулися. Я подь ручку съ паничомъ сунууся, да широко ногу занесъ, а паничъ кажить: «Не спѣшите, Миколай Ивановичъ (эта я, значить) —смѣхъ просто!—«А ти можно, паничокъ, табаки достать?» (а пипку я сабѣ сховау у карманъ)—кажу я. А паничъ мнѣ рукой ротъ и закрыгу: «Смотри, Демьянь, не разводи языкомъ, узнають... видишь,—смѣецца паня... „Пойдемъ покедава наверхъ“—Драбанули еще выше... А тамъ будка усе ровно, якъ колнакъ, а у тымъ колнаку музыка съ трубами сидить... Жарить, ажъ душа у пятки, вочи на лобъ, и морозъ по спинѣ! Звернули у права, а тамъ такіи палати ⁹⁶⁾, тыномъ огорожены. Божухна мой! Поглядѣу я унизь, а тамъ паничи и паненки вертюцца-крутюцца, усе ровно якъ лѣсъ сорвауся съ мѣста и пошоу у плясь...

Ладно, спустилися унизъ. Пошли у другую хату. А тутъ столы, а на столахъ усячина: яблоки, орѣхи, ящички отъ табаки, и нѣшто круглое—красное: „А што, кажу паничу,—и тутъ монополія продаецца“? —А паничъ мнѣ ляпу опять рукой прижау: „Молчи, кажить, Демьянъ, хварѣй твоя голова!“. И мы малымъ шагомъ у другую хату. А тутъ стибаютъ красную монополью, а прочіи подвечеркиваютъ... Ну, и паненки не безъ того,—стибають!.. Шкалики вверхъ и—хватъ съ размаху!.. И наша баба такъ не выпить!.. А которыи отработали у той хати, гдѣ музыка, бѣгутъ у ету хату, да у другии двери.—И мы сюды, кажу, пойдёмъ“.—„Нѣ-ѣ,—кажить паничъ. Тутъ только паненки: яны тамъ чипурацца и подправляюцца...“

А ужо такъ было, што другии пѣтухи пїяли, а може и третіи. У насъ бы уже три посады змолотіу... А тутъ сидять, и ништо ни зиваить, и спатъ не кладецца, а нѣкоторые сѣли вечерить... Снѣдать? Нѣ-ѣ, братцы. тамъ тады вечеряють, коли у насъ снѣдають... А вы гэтаго не понимаете.. У пановъ усе уверхъ ногами идетъ:—на тое яны паны!.. Ладно. Драбанули мы и туды, гдѣ у карты рѣжуть. Тутъ я насчитау шесть—спереду лысыхъ, семь—сзаду—лысыхъ, пять приставовъ, семь сивыхъ бородъ, восемь, тоустыхъ, якъ бочки... Рѣжуть у карты на зеленомъ столу и пишуть отъ кого гроши получаютъ: банка давай сюды!..—Получай!—И золото сышють на столъ...

Тады мы у другую хату назадъ... А народъ бѣгаить, съ ногъ сбиваить... Я за панича держуся, да заглядѣуся на партретъ (партретъ во якій!), а панича и не стало. Я туды-сюды,—нѣтъ. И чую: музыка лопь-лопъ! Драбануу я со всѣхъ ногъ (забыу, братцы, дробнякомъ игти), да зачепіуся за одѣяла ⁹⁷⁾ (и хто ихъ тутъ наслау?!) и,—баць!—растянууся пластомъ, подбіу двухъ пановъ, двухъ урядникоу и прямо носомъ на

паненкинъ хвостъ (ну и хвостъ же, братцы, съ полсаж-
ня будить!)—„А-ахъ, хварѣй твоя голова“!—кажу. Устаю
помалу, а волосы на лобъ и съѣхали. Я, не узявши въ
розумъ, руку къ носу, сморканууся во весь гуль... А
паны сбоку: „мужикъ. мужикъ“!..—Тутъ откуль ни возъ-
мись паничъ цапъ мене за руки.—„Пойдемъ, кажить,
нанизъ, Миколай Ивановичъ“ (ета я, значить).—Надѣ-
лися, вышли вонъ, а паничъ животы рветъ, смѣнца...
„Побывау, говорить, на панскої ногѣ, да вотъ спортіу
дѣло... Посмотрѣли бы усе“.

А мнѣ и такъ, братцы, хапило... Повидѣу свѣту
на своемъ вѣку!

БОБЫЛКИНО ГОРЕ.

Бобылкина хатка. Печь черная, курная. Стѣны по мѣстамъ пошлели. Одно оконце справа, около двери. На земляномъ полу корыто. Въ углу чуть-чуть замѣтенъ образъ Богоматери. Столъ противъ окна.

Бобылка стягиваетъ кожарку съ печи. Вотъ надѣнуся, перепояшуся и пойду потроху. (*Одѣвается*). Сочень спекла,—довольно на два дня будить (*вытягиваетъ изъ печи сочень*). Во якій!.. Сочнемъ проживу!.. Ну, и лапти новыя надѣну, и суконки оберну,—не смерзну!.. А все-жъ правды на свѣти найду... Хоть тутъ правды мало, да на свѣти она не сгинула! Начальство разберетъ! Начальство на свѣти ёсь! Што я бобылка, то и забижать мене можно? (*Плачетъ*). Нѣ—ѣ. Я дойду правды!.. (*Задумывается и долго сидитъ за столомъ*). Ахъ, что-жъ я сижу? Надо собирацца. (*Обувается*). Во и тепленько будить.. Ну тепера торбочку сыскать. (*Стягиваетъ съ печи торбочку*). Та-акъ. Харчи сюды. А вотъ бумагу куды положить? (*Вытягиваетъ изъ-за образа сверткъ бумагъ*). Во сколькои! Тутъ бумаги не пустяшныи! Коли по этой не разберуть, по этой разберуть... Во и кофія ⁹⁸), во и прошеня.

А—ахъ, коли-бъ умѣла читать!.. Да гдѣ нашимъ бабскимъ розумомъ до грамоты дойти!.. Во якъ тутъ красиво написано,—якъ быть посѣяно. (*Разсматриваетъ бумаги*). Да и не даромъ берутъ деньги,—надо такъ выписать дробно!.. Заплатила грошики... (*Задумывается*). Што были три рубли етъ трехъ лѣтъ,—рушила... А

коли помирать придеца,—за што-о досокъ купить? Ахъ, наше життѣ бабское!.. Ну, што мы сами безъ мужчины добьемся!.. Да и мужчинамъ теперь плохо... Отъ того, што правды нѣтъ... Во сюды положу бумага. (*Прячетъ въ торбу*)... Нѣ—ѣ, лучше у запазуху. (*Прячетъ въ запазуху*). Ахъ, коли-бъ нейти!.. Узлѣзла бы на печку, заснула-бы... Ну, куды я по такому морозу пойду? (*Разводитъ руками*). А што робить?.. Коли за злыми людьми на свѣти жить не можно...

Построила сѣнцы... Семь рублевъ отдала... Да староста причепуся: на дорогѣ, говорить, поставила сѣнцы, и разоріу сѣнцы... и углы хатки нарушіу. (*Показываетъ на углы*). А што я ему зробила?.. Енъ бы хотѣу горѣлки, да якіи мои достатки? Дорога тутъ идетъ! (*передразниваетъ*),—кажить, а якъ разоріу сѣнцы, ништо по дороги и не ѣздить, и дорога сусимъ коло плоту идетъ,—во якіи люди! (*Плачетъ*)... Теперь люди людей зѣѣдаютъ... Скольки я напросилася старшину, отнесла послѣднюю курочку писарю: отдайте мои сѣнцы, кажу! А писарь: пиши жалобу! Тянися—вядися: три недѣли пройшло до суда...

Я на судъ,—а сѣнцы по бревнушку и растягиваютъ... (*Плачетъ*). А морозъ безъ сѣнцовъ у хатку лѣзеть... А Змитрокъ набрау свѣтокъ... показали: дорога идетъ, на дорогѣ сѣнцы. А гдѣ я свѣтокъ возьму? Кто безъ горѣлки посвѣтчить?..

Да я найду управу!! (*Жестикулируетъ*). Я найду начальство!! Я расскажу, откуль ето што выходитъ!.. Я покажу, сколько староста горѣлки распоіу писарю, и старшинѣ, и Трифону, и Микитѣ... Я, хотя бобылка, да правды докопаюся. Хоть три рубли рушила, за прошенія два рубли отдала, да за кофію писарю рубля отдала,—да наведу на ихъ начальство. (*Поспѣшно стягиваетъ съ печи грязный полотняный платокъ и обвязываетъ*

етъ голову)... Да, вотъ документы, штобъ не потерять.
(*Ощупываетъ запазуху*)...

Добьюся правды, а въ старцы ⁹⁹⁾ не пойду... Зми-
трокъ хочить пустить мяне по свѣту, штобъ, значить,
кусочкомъ хлѣбца побирацца, да я не пойду, оттого
што хатка ёсь... А лѣтомъ соберу на хлѣбець... Буду
опять жать, пойду полоть... А просить стыдно... Ни
батъка ни просіу, ни мамка. (*Плачетъ. Пауза*)... А ста-
роста выправляить у люди!..

Да, коли добрые люди не заступюцца... коли на-
чальство не приметъ прошенія, то хоть по свѣту иди.
Да, ёсь добрые люди, ёсь правда! Куды жъ ей подѣц-
ца!.. А коли люди не заступюцца, Богъ поможетъ! По-
томъ помолюся Богородицы. (*Молится, крестится и цѣ-
луетъ икону*). Ну теперь только палку поискать (*вытя-
гиваетъ изъ-за печи длинную палку*) и.. пойду по малу.
(*Уходитъ*).

СИДОРОВА РОДНЯ.

Вотъ, паничекъ, разбери ты намъ роднюю... Уся деревня толку не дошла. А Сидору подоспѣла статья женицца на Петроковой дочки.

Пиши: Сидоръ Янковъ, холострый ¹⁰⁰⁾, не питущій ¹⁰¹⁾... Теперика смѣкай. У Сидора батька померъ прошлый годъ, у колядовку... Пришли съ току, а тутъ подоспѣла пора на сходку итти-ть... Старшину новаго выбирали и писарю хлѣба надбавляли... Янка сейчасъ... Янку запишау?... Ладно. Пиши: у Янки батька Микита, а Сидору дѣдъ... Да Микиту и стоитъ записать... Первѣйшій человѣкъ!.. Царство ему небесное... Упокой его душу! Любіу и съ ружьемъ за зайцемъ побѣгать, ну и такъ достатки ¹⁰²⁾ имѣу ладныи... А на веселли—первѣйшій у кумпанстви!.. Вѣчный покой, нехай со святыми отпочиваитъ и насъ не забываетъ!.. Ну, а жонку его будешь писать? Не надо! И лучше коли изъ родни вонъ... Я тебѣ, паничекъ, по правдѣ скажу: благая ¹⁰³⁾ кабета! Пустяшная баба... Ее разъ Микита вожжами... Да вотъ тебѣ сейчасъ и уся родня...

Пиши: Сидоръ Янковъ желаетъ уступить у законный бракъ такимъ порядкомъ. У Микиты, Сидорова, значить, дѣда, батька Банадысь, а по прозвищу Каптуръ... Банадыся не пропусти,—Боже уаси!.. Ёнъ колись-то быу у моего батьки за свата... Много не казать? Да якъ же распишешь родню, коли тебѣ усега не растолковать?!

Пиши: у Банадыся сынъ Терешка, братъ Микитоу, отъ другой жонки (ёнъ при старомъ писарѣ на стар-

пиновой дочки жениуся... Еще писарь быу на веселли... Ну и налопауся—чуть водой отлили!). Терешкинаго брата не надо?—Ладно. Тебѣ видно, кого надо, кого не надо. А Терешка жениуся на Матренѣ... А батьку ея звали Федосомъ. А у Федоса было семь сыноу: Климка, што кузнецомъ у пана быу, Семка, што у лазни.. Не надо усихъ? Ну вотъ только Петрока припиши: тутъ безъ Петрока дѣло не обойдещца. Петрокъ значить сынъ Федосовъ, пришоу со службы, съ солдатуу... И принесъ грошей троху. И вотъ зачалося у ихъ съ батькой, значить, съ Федосомъ. Батька кажить: женися ты на Авдокѣи Левоновой, а Петрокъ сподобау дѣвку у другой волоской... А Сидоръ? Да вотъ сейчасъ и Сидорова родня отозвещца... Ты только не тлуми ¹⁰⁴).

Етый самый солдатъ Петрокъ, значить, у замойской волоской ожениуся на Прузынѣ, на Ивановой дочкѣ... А моя еще жонка посаженной маткой была, а пошь еще Кондратъ вѣнецъ давау у той церкви, што сгорѣла, якъ старостова сына хоронили... Да ты только пиши... Я тебѣ во вѣкъ не собью... Ты самъ не сбивайся... Тутъ дѣло простое, а вотъ ты не распишешъ добро... Мы люди темные, намъ не штука сбицца, а ты учіуся... Прузынинаго батьку записау? Не надо? А Иванъ Федосу—хто? зять! А Федосъ Банадысю—хто?—братъ? А у Банадася внукъ—хто?—Янка А Сидоръ Янку—сынъ... Вотъ теперь и лопаи вочами!..

Вотъ тебѣ Ивана и некуды выкинуть... Иванъ тутъ крѣпко держицца. А ты начни-тка кидать усихъ, ну и ничего не выйдить, когда родня за родню чипаицца, якъ жидъ за жида, а ты свись одного, свись другого, а самъ съ чѣмъ останесся? Ну бабъ еще можно выкидывать, а безъ мущины не очень легко обойтицца. Пиши уже усихъ, а тады, коли хочешъ, выкидывай...

У Петрока значить двѣ дочки: Прузына и Марья—слѣпая... Четвертый годъ сидить... Возили у городъ,

чего-чего ни дѣлали—ослѣпла... А нашъ дохтуръ давау кропель, да кропли тыи—простая вода. Извѣсно, нашему брату ничего добраго не дадутъ... Ну вотъ припиши теперъ такъ: Петроковыхъ двѣ дочки—одна Прузына, значить, сосватана за Сидора... Вотъ тебѣ и увесь сказъ... А ты думау, до вечера буду казать?.. Ну вотъ еще передъ Пилиповыми заговѣнами ¹⁰⁵⁾ дѣло завелося... Хотѣли тады еще веселье сгулять, да грошей не хапило... Продау Сидоровъ батька корову—за 16 р., свиню—за 15 р., да засудіуся съ братомъ, Прохоромъ; пришлось старшину и писаря поить, ну и масла съ пудъ купіу на гостинець писарю... Ну вотъ теперика опять развели дѣло, опять корову продали, и тутъ родня замѣшалася... Не разберешь? Во сколько баранковъ написау? Восьмая ступень? Пустая родня? У троухъ родней родня?.. Нѣ-нѣ, тутъ ты маху дау... Обсѣкся. Ты считай родню за родней, а етымъ писаннемъ дѣло не поправишь, коли родню станешь выкидывать, и ничего вѣкъ не разберешь...

Пойду я лучше къ дьячку, ѣнъ лѣпѣй ¹⁰⁶⁾ знать... Енъ усихъ стариковъ помнить и безъ бумаги сосчитать, а ты еще троху не доучіуся...

КАНИТЕЛЬ.

Я, паничокъ, уже 25 годковъ сужуся-важдаюся, ищю правды по свѣту... Боже мой! Здоровье мое пропало, ножки мои не ходють, третій годъ, якъ ослѣпла... по нищихъ стыжуся ходить... Вотъ вижу стежечку чуть-чуть, вижу, што человѣкъ идетъ, а якій человекъ—не узнаю... За што сужуся?—За земельку, мой дорогій паничокъ!..

Вой тебѣ мой сказъ на счетъ мойго суда. Жію мой покойникъ—дѣдъ на надѣлку ¹⁰⁷⁾, и вотъ заманиу яго Панасъ, мой обратѣтный братенекъ, у волоскую ¹⁰⁸⁾ и на себѣ землю записау... Переписау, значить... на Панаса: што вотъ ты во вѣки, Панасъ, на земли сиди... А братеникъ мой, Панасъ, совсѣмъ съ другой волоской,—съ замоськой... И осталась я, съ двумя сынами и тремя дочками безъ земельки. Плачу. Одна у хатки, якъ мой дѣдъ померъ. И годовалися мои сынки безъ земли... и выросли потрошку... и начали мы за земельку тягацца, и вотъ тягаемся по свѣту... У Панаса есть достатки: двѣ коровки, овечки, тое-сее, а мы—бѣдняки, намъ некуда кинуцца, съ пустыми руками плохо судицца... Ну, придемъ у волоскую, поплачемъ, поклоняемся... Да што плачемъ возьмешь?! И судьи, и писарь и во вниманіе не берутъ: иди, баба, домоу, тебѣ нѣтъ земли!.. Такъ жалобы лѣтъ 7—8 писали, а волость ихъ касовала ¹⁰⁹⁾...

Напыталися мы съ сыномъ, зъ Миколой, что въ уѣздѣ есь расправа и на писаря, и на судей... Собрали мы, паничокъ, три рубли, поплакали, помолилися

Богу, и пошли человекѣка искать, штобъ протеръ намъ вочки ¹¹⁰⁾, якъ правды въ уѣздѣ поискать. Написау Янкель прошенне, и мы пошли помалу въ уѣздъ. Подали. Уѣздъ узяу на разбиратіе ¹¹¹⁾. А тутъ наѣхау новый писарь—чорный. А у того писаря знакомый сиклитарь. Панасъ и завеу зъ имъ знакомство и начау тигать масла, яиць, поросятъ. А мой Миколай хотѣу подайти, да не отважюся. Мы люди бѣдныи: собрали трошку гостинца, да не добилися и не отважилися. Куды-жъ! За богатыми и не достукацца! Во и потянулося наше дѣло. Мы въ уѣздъ, а сиклитарю писарь чиркъ: такъ и такъ, бабино дѣло спущай! Сиклитарь и пишеть у волоскую: бабиной земли нѣтъ!.. Мы и плачемъ. А Панасъ ужо годунить подсвинка и несеть писарю.—Сходи ты, Миколка,—кажу я сынку: може подступисся... Положу я у корзинку десятокъ яичекъ...—Подойди хоть къ писарихи. Пойдетъ Микола, отдасть денекъ и не посмѣеть подойти. Покуль-ни-покуль увидитъ писариху и отдасть корзиночку. А писариха... Я скажу пану... Не бось, скажу...

А дѣло тянися-вядися, и усе у Панасову руку. Пойдемъ мы опять къ Янкелю: такъ и такъ, кажемъ, пиши еще въ уѣздъ. Напишетъ—подадимъ. А писарь чорный опять: чиркъ сиклитарю, а сиклитарь чиркъ у волоскую: бабиной земли нѣтъ, баба съ земли долоу... Боже мой, Боже! Такъ и тигалися лѣтъ десять. Жметъ писарь у Панасову руку, а мы и живемъ безъ земли...

И рассказали добрые люди, што у губерни правды добьемся. И написали прошенне. Правда, губерня не больше года думала и чиркнула въ уѣздъ: поломайте Панасовы правы—Панасу земли нѣтъ, Панасъ съ другой волоской! Объявили намъ тую бумагу. Слава Боженьку! думаемъ: усе перейдетъ дѣло къ намъ!—А-жъ писарь съ Панасомъ толкуй-толкуй и скрутили мозгами такъ: што, значить, бабы Симохи Кондратовой

у ревизіи нѣтъ. и губернія, значить, ошиблася, и свиснули тую бумагу въ уѣздъ, а уѣздъ у губерню, губерня опять пишеть: бабиной земли нѣтъ! Заплакали мы съ Миколой... Што тутъ робить? И во тады, паничокъ, узяли 12 кофій съ волоской и опять жарпли въ губерню. А губерня опять въ ѣздъ, а уѣздъ на разобратіе у волоскій судъ. Тады узяу мой Микола уси тыи 12 кофій и подошоу къ члену: такъ и такъ. ваше родіе, сдѣлайте Боскую милость, возьмите кофіи на разобратіе! Правда, членъ узяу. Ждали мы, ждали,—не чувать ничего. Пошоу Микола въ уѣздъ. А тамъ и членъ. Такъ и такъ, кажить, ваше родіе, на счетъ земли.— Разберу, кажить, напишуть, кажить, изъ волоской!.. Тебѣ надѣлють отъ всей деревни по кусочку, а у Панаса земли нельзя отнять.

Во тады, паничокъ, мы и приговоръ стали просить составить. Бейся-бейся, уговорили деревенцевъ, чтобъ, значить, на мене и на Миколу перевести. И деревенцы согласились. Панасово дѣло пропало. А Панасъ теперика крутить, мутить. И хочить якъ-ни-якъ мой приговоръ скасовать и насъ безъ земли оставить... А мы вождаемся ужо 25-й годокъ.

Ножки я потеряла, вочки потеряла, состарилася сусимъ, ни ѣски, ни питьки не могу, а земельки усе нѣтъ... Потому съ бѣднотой трудно достукацца!!

БИЛЬЯРДЪ ВЪ ДЕРЕВНѢ.

Наглядѣуся я, братцы, на гульню... ¹¹²⁾ Вогульня! Гэта гульня не тое, што съ кочергой у перетяжки ¹¹³⁾. Ты, знацца, къ себѣ тягнешь, а я къ себѣ тягну, а больши ничего... Гэта не гульня-а!

Коли я видіу? А вотъ, якъ у губерню на счетъ Авласа ходіу. Якъ ина завецца?... Ай, трудно успомнить... Вотъ на языкѣ ворочаицца... Били... били... Хварѣй ея голова—не вспомню. Ну, ладно. Иду ета я по улицѣ... Гдѣ постою, гдѣ погляжу. За одинъ вуголь зашеу, за другій, къ бѣлой каменіцѣ повернуу и стою. Тады—зирь коло боку, ажъ черезъ вогны видны мальцы настояціи, съ благородныхъ пановъ. И у каждаго кій у рукахъ. Я притуліуся ¹¹⁴⁾, а голову вверхъ просунуу и усе вижу. Посередъ хаты большій зеленый столъ на ногахъ, вотъ якъ, примѣромъ палати. На столѣ яблоки блискучи, ти то, можа, такъ съ чего-нибудь зроблены. Мальцы кіями по тыхъ яблокахъ то оттуль, то отсюль, а нѣкоторые налегають пузомъ, во гѣдакъ, а другіи ноги—во гѣдакъ, бокомъ на столъ... И мукой пальцы обсыпають, штобъ лѣпи кій ходіу... Ну и жарить по яблоку, а яблокъ летить—летить, якъ маланья, да у берегъ—лопъ!! Отекочить, а ёнъ опять наляжить, ноги до стѣны оттопырить, тады мѣтитъ-мѣтитъ и—ляпъ, а яблокъ жигъ у вуголь! А мальцы, што кругомъ ходють, носы повѣсивши го-го-го!!

И лоука-жъ біу тый, што съ чорными вусами... Тады я отъ вокна, да у двери, да черезъ другіи, у клямку согнууся, гляжу и слушаю... Ажъ нѣхто якъ

ишоу прямо двериной мнѣ у лобъ, а самъ и выскачюу на дворъ... Я-жъ отодвинууся и стою... двери троху отхинуу и гляжу... А мальцы бѣгають, галдятъ, а тыи съ боку нѣшто съ бутылокъ пьють...

Икая ета гульня? Самая настоящая! Потому съ благородныхъ играють, не то, што нашъ братъ, альбо писарь, ти урядникъ... Не вѣдомо, хто выиграить? Ну вотъ я вамъ, братцы, покажу. Ты, Трахимъ, стань у вуголь стола... Такъ... Семка!—сюды; ты, Ёска—туть, ты, Савка,—туть. Досать ^и), не надо боли. Отойди, Василь! Пошли вы, ребята, на печку!.. Ну, тапера берите полы у руки... Та-акъ. Ладно. Неси-тка, Прузынка, чепелу! Постойте, не тисните!.. Василь! неси вонъ, тую бульбу, што коло печи. Ну, сыпь на столъ. Во-во... Не налегайте, братцы! Пождете, уси увидите... Савка! на углѣ стой!.. Ну, глядите: у мене чепела. Тапера я ноги во якъ, а пузо сюды... Тапера чепелу на етый палець и—жигъ!.. Во кабъ ты сдохла! заскабю щепку!.. Тамъ кѣи гладкѣи, не то, што ета еловая халерѣя!.. Нѣ-нѣ...

Гэта ничего, што бульба разлетѣлася... Смотрите, братцы, якъ дальши будить... Во я гѣту бульбину кладу на столъ... И знова пузомъ кладуся... Не трожь, Филипъ, за ноги!.. Ну, во... Тапера мѣчу чепелой, знацца, уляпнуть ету бульбину да по той бульбинѣ у вуголь, въ Ескѣ... Держи полу, Еска!.. Жи-и-гъ!.. У полу? Во, знацца, я выйграу... Дай сюды!.. Тапера етой бульбиной у ету бульбину, къ Савкѣ, а ноги на лаву закладываю... Отойдите, а то чепелой по носу попадетъ!.. Жи-и-гъ! Во-о!.. Ай, у окно отскочила... Ти побилося окно? Ну, ладно... Лучиной заткнемъ!.. Давай, Савка, бульбину... Тапера къ кому бить? Къ Семкѣ?... Сунься, Семка, бли-и-же! Тапера ноги задираю во сюды, на окно. Ну-у... Ра-а-зъ!.. А-ай! Держи-ты, чортъ лысый!.. Держи отсюль!.. Еска, придержи съ гэтаго боку... Во и полетѣло... А-ай!.. Прямо бокомъ объ корыто.. Жарты

столь не удержать! Стольки мушницъ!.. Што у васъ вочей нѣтъ?! А усе Пилипъ за ногу хапаятъ... Якіи тебѣ жарты?... ¹⁶⁾ Я рукой сюды, чепелой сюды, а столь похи нууся, а Пилипъ за ногу... Ну-у... А стольница по головѣ... а я бокомъ на корыто... Во кабъ вы выхварѣли!!

... Ну, ладно тиху ты, жонка!.. Ишь раскричался, кочерыжка кривоносая!.. Якъ тебѣ не было, и крику не было... Не видишь, што мы гуляли... Икая гульня? А табѣ што?.. Эта мушницкая игра... зъ благородныхъ... А твоя дурная голова ничего не знаетъ... только-жъ чепелу да бульбу... Ну, рассыпали и поберемъ... Хварѣй твоя голова!.. И вокно лучинкой заткнемъ! На, жари свою чепелу!.. Не бось, Ёска, ета ина такъ ругаица и помахайть троху вилками... Я потомъ, братцы, якъ-нибудь еще покажу... Аг-а! у Никшора столь большій... На имъ покажу, якъ до конца играютъ, а то баба голову теперъ начнетъ дурить до пѣтухоу... Ни понимать благородства!

ЯНКИНА ЖАЛОБА.

(Драматическій этюдъ изъ жизни Лепельскихъ крестьянъ).

Д ѣ й с т в і е 1.

Канцелярія волостного правленія. За столомъ предсѣдательствуетъ писарь, по правой сторонѣ отъ него, на деревянной скамьѣ—судья, по лѣвой—на ломаномъ стулѣ—старшина, за старшиной два старосты. Публика стоитъ за рѣшеткой, отдѣляющей судейскій столъ отъ всей канцеляріи. Отъ стола влѣво,—бокоушка, гдѣ помѣщается денежная кладовая, и гдѣ происходятъ частныя совѣщанія волостного начальства. Бокоушка отдѣляется отъ „темной“, гдѣ отбываютъ наказаніе штрафованные и заключенные по распоряженію старшины или писаря.

1-й судья. Ты есть, братцы, у кого огня—закурить?

2-й судья. А вонъ у Левона пипка не погасла.

3-й судья. Ты много судовъ сегодня, братцы?

1-й судья (*закуривая у Левона*). Не вѣдаю. Съ тридцатню, мусить, будить.. Ты тамъ много, паночекъ, осталось?

Писарь (*перелистывая книгу волостныхъ судовъ и пуская клубы табачнаго дыма*). Да немного уже—судовъ 25, не больше.

1-й судья. Ты, панокъ, будешь коровку куплять къ лѣту?

Писарь. А что? Можетъ быть у тебя есть продажная?

1-й судья. Да я для пана...

Сторожь (*подходя къ писарю*). Паня сказала, штобы панъ суды не тягнуу, потому скоро панъ Колдуновскій пріѣдтить.

Писарь. Сейчасъ. Скажи, чтобы безъ меня не начинали играть. (*Къ публикѣ*). Ну, теперь жалоба Ивана Тимоѣева. Ты жалуешься, что братъ твой Пахомъ тебя и дѣтей поколотилъ, самовольно занялъ твою хату, отнялъ хлѣбъ, отогналъ земли половину надѣла, и что тебѣ житья отъ него нѣтъ. Расскажи вотъ свою жалобу судьямъ.

Иванъ Тимоѣевъ (*кланяясь*). Вотъ, г.г. судьи и г. баринъ и г. старшина! Уся деревня видѣла, якъ мой братъ Пахомъ отдѣліуся еще при покойникѣ-батькѣ и пошоу на аренду. Пять лѣтъ жиу на арендѣ... Завеу скотинки... А я живу себѣ отдѣльно ничегусеньки... Хатку ноставіу, дѣтокъ годую... А дѣтки мои слабыи... Жонку каждый годъ по знахарямъ вожу—совсѣмъ звилася, сжилася баба ни во што...

Старшина (*къ 2-му судьи*). Твоя Дарка купила подтелка у Змитрочиخي?

2-й судья. Нѣ-ѣ. Куды-и! Змитрочиха даражицца... И приступу нѣтъ.

Писарь. Купи у меня, судья, телушку... Вотъ телушка! Гляди-ка, какъ важно ходить по двору. (*Всѣ встаютъ и наклоняютъ головы къ окну. Слышится „о-о-о!“*).

Иванъ Тимоѣевъ. Кх... кх... Дѣтки мои слабыи... а старшая сувсимъ слѣпая... И Богъ знаить, ти будить коли видить... Я самъ слабъ на ноги. Вы сами, паночки, видите, какое есть мое подыханье на свѣти... А братъ мой Пахомъ...

Старшина (*передразнивая*). Што тамъ тебѣ усе братъ, да братъ. Кажицца ёнъ и человекъ, якъ человекъ, а ты только дуришь ¹¹⁷) напрасно.

Иванъ Тимоѳеевъ. Можетъ ёнъ старшинѣ и хорошѣ, а мнѣ такъ сусимъ житья нѣтъ, потому у яго сила... И своихъ дѣтокъ у мене полная хатка... Семерка дѣтокъ... Малъ мала меньше. Седьмой годикъ сидитъ слѣпая—ни съ мѣста. Самъ я працюю до кроваваго поту... Мои во гѣты руки за все отвѣчаютъ... А братъ шесть годовъ жиу на фольваркахъ. Хотѣу у маѣнтки зажитъ. Нашъ батька—небощикъ, подѣлиу насъ поровну: мнѣ на пять душъ три третинки земельки, а ему на двѣ души—одна третинка. И ему было безъ обиды, и мнѣ было безъ обиды, потому батька нашъ, якъ и вывѣдаете, по-божьему жиу, людей не обижау.. Ёнъ же самъ тады не хотѣу жить умѣстѣ. Пойду, кажить, на аренду, а теперь...

Старшина. А вонъ, кажись, и панъ Колдуновскій поѣхау...

(Писарь наклоняется въ окно и киваетъ головой Колдуновскому).

Иванъ Тимоѳеевъ. Теперь, паночки, што ёнъ со мной зробиу!... Ёнъ мене съ хозяйства ссадиу... Ссадиу до тла... Зарѣзау...

Пахомъ Тимоѳеевъ *(изъ толпы).* Чимъ я тебѣ ссадиу?

Иванъ Тимоѳеевъ. Чимъ ссадиу? Усिमъ видно, чимъ ссадиу. Я къ старшинѣ разовъ десять ходиу на жалобу...

Старшина. Коли ты ко мнѣ ходиу?

Писарь *(къ старшинѣ).* Подожди. *(Къ Ивану Тимоѳееву).* Чего ты тутъ чмуришь безъ толку. Ты жалуешься, что братъ тебя побилъ, дѣтей твоихъ выгоняетъ изъ хаты, бьетъ горшки, а ты его развѣ не бьешь? Пахомъ Тимоѳеевъ! Билъ онъ тебя?

Пахомъ Тимоѳеевъ *(протискиваясь изъ толпы).* Г.г. судьи, г. баринъ и г. старшина! Што бъ мнѣ скрозъ землю провалчица, коли я его биу!.. Нехай ему тое у груди!.. што ёнъ на мене кажить... Я только замахнувся, а ёнъ мене во по гѣтому ѣсту—*(показываетъ на*

спину) якъ ляпнуу... якъ ляпнуу... а я—брыкъ, паночки, объ землю, да черепомъ объ корыто... Прямо объ корыто...

Иванъ Тимоѳеевъ (*въ сильномъ волненіи*). Паночки! Во женка моя—сусимъ хвораая,—а ёнъ и ее,—не только что мене якъ хватить... и дѣтенка...

Жена Ивана Тимоѳеева (*протискиваясь изъ толпы и утирая рукавомъ рубахи слезы*). Я, паночки, подошла къ дѣтенку, што у люльки ляжить, а Пахомъ мене у груди, я устала, поднялася, а ёнъ мене кулакомъ по носу, ну я и залилася кровью... А дѣтенокъ перепугауся и теперь совсѣмъ якъ не живой... (*Плачетъ*).

Писарь. Молчи, молчи, тебя не спрашиваютъ!

Иванъ Тимоѳеевъ. Паночки! Вогъ еще Пилимониha есть, што видѣла, якъ ёнъ мнѣ голову расчепіу... Я-жъ ее у свѣтки писау... Ина посвѣтчить...

Писарь (*перелистывая книгу*). Пилимониha, Марья! Что ты знаешь по этому дѣлу?

Пилимониha (*жестикულიруя*). Паночки мои! Я—баба сусимъ простая... Я по-просту скажу. Якъ я только устала и споднички не успѣла накинуть—чую кричать... Крикъ—зыкъ, якъ якое што... Я черезъ порогъ да на дворъ, да коло хлѣвовъ во къ етому самому Янкѣ... А тамъ, братцы.. во етый самый Пахомъ во гэтаго самага Янку лупить безменомъ по головѣ, а жонку его отштурхиваетъ... Куды Янку супротивъ Пахома!..

3-й судья. Во трещить баба!

1-й судья. Трещить, якъ трацетка...

Пилимониha. Тады я, паночки, якъ закричу: ай, братцы, человекъ человекъ до смерти бьетъ!! Тады Симонъ выскачю...

Писарь. Ну, ладно... Подожди. (*Пишетъ*). (*Пауза*).

Пилимониha. Тады я, паночки...

Писарь (*пишетъ*). Молчи.

Иванъ Тимоѳеевъ. Да якъ я его буду бить, паночки! Вы поглядите, якій я есть человекъ на свѣтѣ! Мои ноги и руки поослабѣли... (*всклиываетъ*). Якъ бы я...

Писарь. Молчи. Все разберутъ судьи. Видно все будетъ. Плачемъ не поможешь...

Пилимониha (*завязывая хустку*). Дай Богъ, кабы я къ своимъ дѣткамъ...

Писарь. Молчи! (*Пишетъ*). Пахомъ Тимоѳеевъ! Нѣтъ ли у тебя свѣтокъ?

Пахомъ (*подумавъ*). А вотъ—Миронъ, паночекъ! Мирона допроси.

Писарь (*подмигивая Мирону*). Ну, что ты знаешь, Миронъ?

Миронъ. Иду я, братцы, по селу... и чую (*чешетъ затылокъ*)...

3-й судья. Али Янково дѣло затянулося...

1-й судья. А затянулося, ажъ вочи злипающа... Ну, кажи, кажи, Миронъ... што тамъ на селѣ...

Миронъ. И чую, паночки, кричать у Янки. Я подъ окно. Гляжу, а тамъ бунтація! Садють одинъ другого подъ боки и подъ мяжитки... А тады и повалилися... Повалилися, лежать...

Голось изъ публики. А ти бы жа ты тады дома, якъ у ихъ драка была?

Писарь (*строго*). Молчи, дуракъ, когда тебя не спрашиваютъ! Посмотри, староста, кто тамъ разговариваетъ... (*староста скрывается въ толпѣ*).

(*Двое изъ публики выходятъ изъ канцелярїи со словами: „видно и въ четвертый разъ Янкина жалоба лопнитъ“*).

Миронъ. А тады Янка Пахома безменомъ по боку... по боку... по спинѣ...

Голось изъ публики (*насмѣшливо*). Ишь-ты!

Иванъ Тимоѳеевъ. Кто жъ скажить, братцы, коли я кого побіу!?. Коли ты его видиу, Миронъ?.. Дай Богъ мнѣ во на етомъ мѣстѣ провалицца, коли я хоть бы кого зачепіу...

Писарь (*пишетъ*). Молчи! ты ужъ все разказаль. Надоѣль, какъ горькая рѣдка.

Иванъ Тимоѳеевъ. Якъ усе? Моя еще жалоба не разбиралася... Нихай судьи... свѣтокъ допросють...

Старшина (*стучитъ по столу*). Тебѣ сказано молчать! Не чуу, што панъ казау?

Сторожъ (*подходя къ столу*). Паночекъ! Паня казала, штобъ панъ кидау суды: панъ Колдуновскій пріѣхау,—дожидайтъ,—у карты играть...

(*Писарь закрываетъ книгу и поспѣшно уходитъ, старшина скрывается въ боковушкѣ*).

Д ѣ й с т в і е 2.

Иванъ Тимоѳеевъ (*къ судьямъ, которые закуриваютъ другъ у друга трубки*). Икая ета правда на свѣти, г.г. судьи!? Коли за мене ни панъ писарь, ни панъ старшина не тягнуть, то и помирать надо? Вы жъ вѣдаете, братцы, што я уже пять лѣтъ живу одинъ,—бюся одинъ... Братъ же мой самоуправно отдѣлюся и теперь копаеть мене съ хозяйства... И мене забиваить...

2-й судья. По настоящему, ежели такъ якъ по-божьему,—Пахому треба было бѣ всыпать... потому не обижай, ежели сильнѣй... по совѣсти, братцы...

1-й судья. Што ты, Левоновичъ, кажешь? Ежели бѣ ёнь настоящій быу бы человекъ, и безъ драки, безъ гомону ¹¹⁸⁾ помирюся бѣ... и къ суду не ходіу бы...

3-й судья. Етаго дѣла безъ пана не разберешь, потому тутъ панъ изъ губерніи бумаги получау... Панъ придетъ, тады виднѣй будить... Мы на бумаги не дукованы ¹¹⁹⁾.

Иванъ Тимоѳеевъ. Али што тамъ—панъ!.. Панъ да панъ... Панъ со старшиной за его. Уся деревня ета знаить... Чего ко мнѣ братъ причурауся? Да коли бы причурауся и свое хозяйство принесъ, а то пришоу съ пустыми руками, заняу нары, дѣтокъ моихъ вонъ го-

нить, мене бьетъ, жонку бьетъ, горшки бьетъ, а подать снѣданье, альбо вечеру—енъ же первый коло стола съ дѣтьми... Другій годъ такое житье! Рату-уну-чки нѣ-ѣтъ! Братцы мои! Спасите отъ смерти-и-и! (*Плачетъ*).

1-й судья. Да што тамъ толковать. Разберецца, якъ панъ придетъ!.. Панъ на его дукованъ.

Иванъ Тимошеевъ. Да што жъ, коли панъ придетъ? Развѣ мнѣ при пану легче?.. Легоновичъ, ты жъ усе таки видишь, якое куды што идетъ... И якое мое житье... Картошку Пахомъ вырау... Тады мало ему етаго... пошоу у амбаръ и выгребъ муку и снесъ къ Берки, а сабѣ ключъ узаяу... Я—къ старшинѣ съ жалобой: вы сабѣ, кажить, деритесь, коли дѣлица зъ нимъ не хочешь... Тады я... осенью подау жалобу... Судъ потягнуу за яго, за Пахома, значить. Я узаяу кофію ¹²⁰)—да въ присутства. Присутство списалоса съ волоской, и баць! присудила тое самое—разобратъ волоскимъ судомъ... Тады я попросіу жида и махнувъ прошення у губерню... Губерня думала съ полгода и присылаеть по моей жалобѣ бумагу, што, значить, отмѣвнить што якое было раньше... и Пахому, значить, треттина, а мнѣ двѣ треттинки на 8 душъ по моимъ силамъ... Али хоть и губерня написала, и подписалася, а ёнъ мене усетки сживаить, потому у его больше силы-ы-ы... (*Плачетъ*). Староста придетъ, будто выгонить его, а самъ только шепчеца, што, значить, енчи его, енчи его, мене значить, тады енъ и треттину отдасть... Ты его, кажить, тисни, якъ нихто не видить!..

2-й судья. По-моему, значить, треба было бы Пахома ти стибануть, ти подъ аресту... Потому противъ закона и непослухмянство...

1-й судья (*звал*). Ну, Легоновичъ, ты бы усихъ ти подъ аресту, ти у работу, ти обсѣчь... а надо дѣло смотрѣть по правдѣ, по книгахъ, по дукаціи. Дукація—перво-на-перво...

3-й судья (*закуривая*). Пойдемъ, братцы, покедова отдохнемъ... Потому безъ пана толку нѣтъ...

1-й судья. Пойдемъ. Одначе, и старшина тамъ.

(*Уходятъ въ бокоушку и чрезъ нѣкоторое время оттуда слышится голосъ старшины: „ней на мой отвѣтъ“! Публика разговариваетъ въ полголоса. Иванъ стоитъ около рѣшетки съ опущенной головой и часто вздыхаетъ*).

1-й мужикъ изъ толпы. Покамѣсть перепьють—отдуха отъ трудовъ, отъ турбаціи...

2-й мужикъ. Хороша отдуха,—дай Боже, перепить у кумпанствѣ... на чужой коштъ.

3-й мужикъ. Сходи-тка, Змитрокъ, погляди—ти пиво, ти горѣлку...

Змитрокъ (*подходитъ и долго смотритъ въ щель двери, потомъ тянетъ воздухъ носомъ*). Горѣлку, кажись...

Писарь (*вбѣгая въ канцелярію и быстро направляясь къ своему мѣсту*). Ты чего здѣсь, Змитрокъ? Что-о? Что тебѣ нужно? (*отталкиваетъ его за рѣшетку*). Ступай къ чертямъ, дуракъ!.. Гдѣ судьи?

(*Голосъ изъ-за дверей бокоушки*). Мы тутъ, паночекъ!

Писарь. Ну довольно вамъ тамъ тары-бары разводить... Ступайте на мѣсто!

(*Судьи выходятъ изъ бокоушки одинъ за другимъ, улыбаясь и весело поглядывая на публику*).

1-й судья. Ну што, панокъ, будетъ на счетъ Янковаго дѣла?

Иванъ Тимошеевъ. Г. баринъ и г.г. судди! Неужо жъ я и въ четвертый разъ останусь безъ усякаго усяго... Што братъ мене богатѣй и до людей больше доступу маить, а мое дѣло бѣдное и все куды ни пойдешь.

Писарь. Молчи! Надоѣли давно уже твои басни. Безъ тебя знаютъ, что сдѣлать. На то законъ есть. Ты вотъ только и привыкъ жаловаться. У тебя другой работы нѣтъ! Прочіе люди идутъ каждый къ своему дѣлу, а ты въ волость. Просто житья отъ тебя нѣтъ...

Иванъ Тимоѳеевъ (*кланяясь*). Паночекъ! Да вотъ же на людяхъ сдѣлано мнѣ такое... все... Вся деревня видѣла... Пахомъ пріѣхау вчера и взораль тую самую мою нивку, гдѣ я въ субботу горохъ посѣяу... Развѣ это не разбойство?

Пахомъ. Я орау? Коли?

Иванъ Тимоѳеевъ. Вчера. Вотъ и Панкратъ, и Демка, и Михалка, и Банадысь видѣли...

2-й судья. Што жъ ты дѣлаешь, Пахомъ? Развѣ можно на той самой нивѣ другій разъ сѣять?

Пахомъ. Да мало што ёнъ кажить... Вотъ Григоръ видѣу, хто орау... тую нивку, ти я, ти ёнъ...

Григоръ. Што я видіу? Я видіу, што Янка самъ на той нивкѣ вчера орау...

Пахомъ. Во што!

Иванъ Тимоѳеевъ (*съ азартомъ*). Што-жъ ты кажешь, Григоръ? А ти вѣдаешь ты, гдѣ наше яровое поле?

Григоръ (*молчитъ*). Подъ рѣку ваша ярина..

Иванъ Тимоѳеевъ (*растягиваетъ воротъ армяка и жестикулируетъ*). Вотъ, гг. судди, наша ярина идетъ подъ кладбище и Янка за его (*показываетъ на Пахома*) тянуть... Уси за яго тянуть...

Писаръ (*пишетъ*). Молчи!

Старшина. Якъ мнѣ, Яночка, здается, ты самъ больше усюдахъ виновать.. Замѣсто того, штобъ табѣ жить, якъ людцы... мирно, тихо, по-божьему, по хрестьянскому исполненію, ты идешь насупротивъ, на брата, цѣлый день вантажешься ¹²¹). И самъ не живешь, и людямъ житья отъ тебѣ нѣтъ... Штобъ отдать брату третинку, подѣлицца, якъ людцы дѣлюцца, а ты его енчишь... И усѣхъ за носъ тягаешь... И пану докука, и мнѣ докука... Зѣ волоской домой, зѣ дому у волоскую... Якъ разъ у батьку уродіуса... Тожъ первый бунтавщикъ быу... Съ Банадысеваго роду...

Писариха (*открывая дверь въ канцелярію*). Старшина! иди-тка помоги сторожу загнать телушку.

(Старшина быстро выбывает и чрез некоторое время возвращается со словами: „Во телушка! Дай Бо-ожа! Первѣйшая скотина!“).

(Писарь переговаривается въ полумолва съ судьями. 2-й судья часто махаетъ руками и вскрикиваетъ: „ни по закону!“).

Писарь (дописывая постановление). Иванъ Тимоѣевъ! Мириться съ братомъ Пахомомъ не желаешь?

Иванъ Тимоѣевъ. Паночки! Да я и радъ бы помирицца?! Да на чемъ же мнѣ мирицца?.. Нихай же братъ отдасть мою хатку... Нихай пустить моихъ дѣтокъ на печку погрѣцца.. Нихай...

Писарь. Молчи (читаетъ постановление суда). „Выслушавъ показаніе Мирона Игнатова, который показалъ, что Иванъ Тимоѣевъ часто избиваетъ своего брата Пахома..., который по законному положенію долженъ владѣть законной половиной части земли надѣльной, слѣдующей ему послѣ смерти ихъ отца Тимоѣя Панкратова, и не принимая во вниманіе показаніе оной Матрены Филимоновой, которая, очевидно, по забраннымъ справкамъ состоитъ въ родствѣ съ вышеозначеннымъ Иваномъ Тимоѣевымъ, а также усматривая изъ словъ Григорія Терентьева, что онъ намѣренно нарушаетъ владѣнія и межи вышепоименованнаго брата его Пахома Тимоѣева, который, очевидно, и не выѣзжалъ въ тотъ день на пахоту, а былъ дома, а также принимая во вниманіе безпокойный образъ жизни вышесказаннаго истца Ивана Тимоѣева и его дерзкое поведеніе по отношенію къ своему родному брату, несмотря на увѣщаніе мѣстнаго старшины. Подкухтика и старосты, который не однажды являлся къ оному въ домъ, а также и постоянное требованіе его суда и безпокойство волостного правленія, которое ради его и его дѣлъ припуждено бываетъ оставлять важнѣйшія дѣла волости, а также усматривая изъ его образа жизни большую недоимку за землей по причинѣ постоянныхъ судовъ и

дракъ съ братомъ и объднѣнія его послѣ того, волостной судъ постановилъ: кр. Ивана Тимоѣева опять согнать въ одну семью съ братомъ его Пахомомъ и для раздѣла ихъ имущества и прочихъ нуждъ семейныхъ выбытъ на мѣсто самага дѣла старостѣ сидоровскаго общества, а за безпокойное его сожителство съ братомъ и частое нарушеніе спокойствія волости заключить его подъ арестъ при волости на одни сутки“.

Иванъ Тимоѣевъ (*въ сильномъ волненіи выступая впередъ*). Якій же этотъ судъ? Мало, што братъ писарю поднесеть, альбо старшинѣ поставить...

Писарь (*кричитъ*). Молчи, дуракъ!.. Теперь разбирается будетъ дѣло Викентія...

Иванъ Тимоѣевъ. Братцы мои! Ета чистый разбой!.. Мнѣ дайте кофію... Я жалобу до губерніи!.. Мнѣ губернія дасть порядокъ!.. Губернія не посмотритъ вамъ у зубы...

Писарь. Молчи!.. Теперь выходи Викентій Васильевъ!..

Иванъ Тимоѣевъ. Што братъ занесъ писарю теленка и масла...

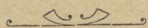
Писарь. Сторожь! Веди этого дурака въ темную! Ишь, скотина!

Иванъ Тимоѣевъ (*жестикулируя и отстраняясь отъ сторожа*). За што мене въ темную? Чимъ я кого обидіу? У мене свѣтки есть, што братъ мене забіу!.. што я копейки за душой не маю, чтобы вамъ вочи залить... Бѣльмы старшиновы... и старостовы...

Старшина. Берн его съ другой стороны (*хватаетъ его за плечи, Иванъ Тимоѣевъ падаетъ*).

Иванъ Тимоѣевъ (*осипшимъ голосомъ*). Я не знаю... развѣ... што ты цѣлыя ночи... пьешь кровь хрестьянскую... што братъ для писаря и корову, и коня продау...

Писарь (*помогая тащить*). Тащите его мерза—авца!
(*Занавѣсъ*).

ПИЛИПОВО ВЕСЕЛЬЕ.

I.

Пилипъ, подобно своимъ сродникамъ, до семи лѣтъ бѣгалъ по деревнѣ въ длинной, грязной рубашкѣ, и родители совсѣмъ забыли бы о его существованіи, если бы оцъ не просилъ „ѣсть-ки“ и если бы не нуждались въ его, Пилипа, услугахъ нянчить и колыхать меньшаго братишку, который на третьемъ году померъ „съ суроцу“.

Три главныхъ момента особенно памяты Пилипу изъ дальнѣйшей его жизни. Вотъ пошлы ему въ первый разъ полотняные штаны съ «матузами», и тогда же погналъ онъ, вмѣстѣ съ сосѣдними мальчишками, пасти свиней на попаръ. Ахъ, какой длинный тогда даль ему кнутъ батька! Теперь кнуты такіе повывелись.

За „свинопаствомъ“ Пилипъ подружился, между прочимъ, съ Юркой, который и даль ему первые уроки, какъ лапти плести, какъ «у трубу» трубить, какъ пчелиный медъ на пожнѣ отыскивать, какъ разорять гнѣзда воронья. Помнить также Пилипъ, какъ первый разъ мать выправляла его съ коровниками. Это было на Юрьинъ день. Мать, погладивъ Пилипа по головкѣ, дала ему сыръ и пару яицъ и сказала:

— „Смотри-жь, Пилипка, теперь ты коровокъ глядѣть будешь... Слухай згоннаго ¹²²⁾ пастуха... Ень же тебѣ за батьку будетъ, а ты за скотомъ научишься глядѣть, будешь добрымъ хозяиномъ“.

Какъ время послѣ этого быстро улетѣло. Вотъ онъ уже и съ свинопасами, и съ коровниками распрощался и къ мужчинской работѣ сталъ понемногу подучаться. Соху, борону, косу—все перепробовалъ на своей узенькой полосѣ и вышелъ изъ пастуха настоящей паробокъ! Мать не разъ радовалась, что вотъ, дескать, „выгодвала большака“, да недолго пришлось ей утѣшаться: передъ Покровомъ (два года тому назадъ) она зачахла „на сухоты“. Всѣ деревенскіе знахари перепробовали,—пріѣзжалъ даже взему свѣту вѣдомый Самоська Дудка,—и ничего не помогли. И чаровники, и бабы единогласно рѣшили, что никто не убѣжитъ отъ того, „што кому на роду написано“.

А когда умерла мать, отецъ сталъ твердить, что „безъ бабы у хати плохо“. Безъ бабы и хозяйство не идетъ путемъ. Хозяину,—извѣстное дѣло,—своя работа, а баба ворочайся около печи со своими кочергами. Опять и въ огородѣ: что до бабъ касательно, то мужчинѣ не подѣ стать. И на свою голову всего не возмешь. Разви буракъ, морковь, капуста безъ бабы выростуть? Бабы и кузурыкъ¹²³⁾ повыгонять, и польютъ и переполятъ, а коли живешь „холойстрымъ“¹²⁴⁾ или не имѣешь довольно бабскихъ рукъ, ну и ѣшь прѣсное или давись клецками, колотухой, бульбой.. Свиненка, поросенка, коровенку безъ бабскаго глазу не отгодуешь... А настанетъ припаръ, тогда хватайся за чужихъ бабъ, «якъ за рожонъ».

— Теперь наша Агапка, разсуждалъ Федоръ (такъ зовутъ отца Пилипа), относительно небольшой пятнадцатилѣтней своей дочери, работница съ малымъ расходомъ. Дать свиньямъ, хату подмести, ти воды наносить, а такъ прочее што—куды-ы! Икая ни ёсь, а все своя баба, да и Пилипъ больше будетъ коло дому. Теперь, якъ «холойстрый», такъ ему только и на умъ—

на село пойти, да зубы точить у пусто. А на игрище заберецца—и не вытащить».

— Што ты, Пилипка, думаешь, обратился Федоръ въ одинъ прекрасный вечеръ къ своему сыну, который въ это время спокойно вилъ веревку около стѣны.

Пилипъ промолчалъ. Онъ уже чувствовалъ, что батька „про бабъ гуторку“ начинается, а бабскіе разговоры давно уже надоѣли ему хуже рѣдки. И веревка продолжала шуршать: Пилипъ то приближался къ стѣнѣ, то отходилъ къ столу, при чемъ на потолокъ и около печки выдѣлывала такія же быстрыя движенія и его тѣнь.

Федоръ щепалъ лучину и складывалъ ее около корыта. За корытомъ стояли „жерны“. Черныя, закоптѣлыя стѣны были увѣшаны разнаго рода мѣшочками, рѣшетами, а около печки сбилась въ кучу огромная стая прусовъ. Воздухъ переполненъ испареніями отъ „анучекъ“, развѣшанныхъ надъ духомъ (около печки) и запахомъ горѣлой „картошки“.

— Ну што-жь ты ничего не гукаишь?—прервалъ молчаніе отецъ.

— Ну, а што будетъ?—буркнулъ съ досадою Пилипъ, не глядя на отца.

— Якъ што? Треба жонку шукать! Надо-жь тебѣ коли-ни-коли на хозяйство самому сѣсть. Ты видишь, якое мое подыханне. Мой вѣкъ,—казау той человѣкъ,—день. Хожу, хожу—и завалюся. Зимой бьемся якъ-ни-якъ, а лѣтомъ икаво?

— Шукать, ты кажешь?.. А якъ ее шукать?

— Да вотъ, далеко не ходивши, примѣромъ, Трохимову Ганулю... Што? Чѣмъ не жонка-а? Кажись худой гуторки объ ней не чувать—говорилъ Федоръ, пристально посмотривъ на сына! гэта не Якимовой чета...

— А хто ее тамъ вѣдаить!—замѣтилъ равнодушно Пилипъ, махнувъ рукой. Я ее не видю, а коли и видю, то не въ притямку ¹²⁵).

На этомъ „бабій разговоръ“ и оборвался. Пилипъ посчиталъ инцидентъ на нѣкоторое время исчерпаннымъ, по крайней мѣрѣ, хоть до лѣта, или до весны. „Какъ мнѣ, думалъ онъ, жениться, коли только года четыре какъ бросилъ коровъ гонять! Давно ли къ „паробкамъ“ присталъ, за сохой ходить научился... Женись, а потомъ вѣкъ возись съ жонкой, „ягъ съ рожномъ“. И Пилипъ съ досадой сталъ крутить корешки въ цыгарку, усѣвшись на нарахъ въ ожиданіи ужина.

Отецъ между тѣмъ погрузился въ свои хозяйскіе расчеты. „Теперь дай только ему спуску, такъ до Филипповокъ ¹²⁶⁾ и пройдетъ время, а лѣтомъ опять безъ бабы... А-ахъ! Покойница теперь жонка!.. Царство ей небесное!.. До всего доглядъ былъ ладный... И скотина, и „сбожжа“ ¹²⁷⁾, и хатка, а теперь все разинувши ротъ стоитъ... А лѣта мои куды не молодья!“

И Ѳедоръ долго еще тербилъ голову, пожимался, кряхтѣлъ, наконецъ, собралъ лучину въ куль и вышелъ въ сѣни.

Агапка между тѣмъ перенесла зажженную лучину къ печкѣ, вытянула печеный картофель, налила раугени ¹²⁸⁾ и принесла два ячменныхъ сочня.

— Ты дужа не пужайся, — опять началъ на прежнюю тему отецъ, усаживаясь за трапезу. Зараньше женишься, не такъ скоро постарѣешь... Посмотришь, примѣромъ, Ганузно: У понаравъ придецца — оженимъ тебя, якъ слѣдъ быть. Раньше встанешь, больше зробишь, а раньше женишься — дѣтей подгодуешь. Вотъ што!

Пилипъ не возражалъ. И, когда встали изъ-за стола, отецъ полѣзъ на печь. Пилипъ послѣдовалъ его примѣру и растянулся на нарахъ. Одна Агапка еще стряпала около посуды и клала дрова въ печь. Наконецъ, и она улеглась, потушивъ лучину въ печной ямкѣ.

Утромъ, еще не успѣло солнце выглянуть изъ-за „панскаго ельника“, Пилипъ уже одѣлся и собрался было поѣхать за дровами. Погода стояла грязная. Мелкій дождь лилъ какъ „черезъ сито“. Холодный осенній вѣтеръ хлесталъ въ лицо, залѣзалъ за воротъ армяка. Двѣ березки за Ѳедоровымъ токомъ плавно раскачивались по сторонамъ до самой крыши, поднимались, призадумывались и снова продолжали наклоняться, шумѣть и перешептываться другъ съ дружкой.

Пилипъ вышелъ на дворъ, поморщился при видѣ такой „слякоти“, отворогилъ воротъ армяка и вдругъ увидѣлъ около пуни отца, который держалъ расписную дугу. Расписная дуга, какъ видно, принесена отъ Симона. Симонъ еще запрошлый годъ купилъ въ городѣ и съ тѣхъ поръ всѣ жители Кривулина одолжаютъ ее для экстраординарныхъ поѣздокъ. Нѣтъ больше сомнѣнiя, что батька рѣшилъ таки на счетъ свадьбы не терять времени. Вонъ, смотрите, онъ уже тащитъ телѣгу, подмазываетъ колеса, прилаживаетъ портокъ съ сѣномъ для сидѣнья. Пилипъ протеръ глаза и не двинулся съ мѣста.

— „Во и толкуй теперъ съ нимъ, разсуждалъ онъ.. Развѣ на село пойти?“

— Ты куда?— крикнулъ Ѳедоръ, замѣтивъ, что тотъ поворотилъ около плетня къ Ѳедосовой хтаѣ. И руки опустіу! Што тебѣ такъ страшно? Не отъ тебя ета устала, не отъ тебя и поляжить! Поѣдемъ, поглядимъ... Дѣло такое: не любо не к упимъ... такъ завсегда на людяхъ бываить...

— Да, якъ же я, тата, поѣду, коли ботовъ нѣтъ?

— Што тамъ боты? Абы здорovie... Иди, сними лапти, да позычь ботовъ у Юрки, покуль тебѣ пошіемъ. И я такъ женіуся. У небощика, у Якима, позычау, якъ ѣхау къ небощицѣ у сваты. А дай Богъ и тебѣ сгулять съ такимъ гукомъ веселле, якъ мы гуляли!

Пилипъ, повидимому, хотѣлъ отстаивать свою свободу, но какъ противиться упрямому батькѣ? Все равно онъ цѣлую зиму будетъ „опрыкрацца“: не дастъ житья за „бабимъ разговоромъ“. И, постоявъ съ минуту въ раздумьи, онъ почесалъ затылокъ и кончилъ, тѣмъ, что перелѣзъ чрезъ плетень и направился къ Юркиной хатѣ.

Юрка, быстроглазый, курносый, съ веснушками на лицѣ, парень, однимъ годомъ старше Пилипа и, какъ помнятъ читатели, вошелъ въ дружбу съ послѣднимъ еще въ періодъ ихъ пистушеской жизни. Юрка сидитъ съ братомъ на „батьковщинѣ“,—на двухъ надѣлахъ съ треттиной и слыветъ весельчакомъ не только въ Кривулинѣ, но даже и въ Подберезникахъ, и въ Беззубовщинѣ. Кто не видалъ его на всѣхъ „тутошнихъ кирмашахъ“, или на игрищахъ въ Безрыловѣ? Онъ и танцоръ, и балагуръ. А какія легкія колѣна выкидываетъ Юрка въ „кадрыляхъ“ и „линтаяхъ“! Я не буду описывать того восторга, который овладѣваетъ публикой на кирмашахъ послѣ того, какъ Юрка „отемалитъ трепака“ и подсыплетъ въ концѣ „дробняку“. Всѣ эти подробности были бы для васъ утомительны, тѣмъ болѣе, что вы сами видѣли это, когда проѣзжали около рѣки чрезъ Кривулино на ильинскій кирмашъ.

Юрка сочувственно отнесся къ намѣренію Пилипова отца женить сына на Ганкѣ.

— А мнѣ, по правдѣ сказать, говорилъ онъ смѣясь и снимая смазные съ длинными голенищами сапоги, хоть ты на Ганкѣ, хоть ты на Прузынѣ женишься, абы мене за братеньку узяу!.. А не возьмешь, усю свадьбу спорчу... ты думаешь, я не чаровникъ?... Ха-ха-ха! Со мной жарты плохи!

— Давно ты мазау боты?—равнодушно прервалъ его Пилипъ, стараясь встануть на свою ногу Юркины боты... Ну, я еще помажу. Деготь есть,—не пожалѣю... Ты не бось,—не пропадутъ твои боты! Слава Богу,

скоро свои будутъ... не буду кланяться.. Али знатныи голенищы... Только на игрища ходить. . Да, видно мой игрища коломъ пошли!

— Теперь свищи, братецъ! Погуляла кобылка, да и въ хомуть пора!

— И ты ни до вѣку гарцовать будешь съ дѣвкамн! Будешь ты по дѣвкамъ клецки справлять,—сказалъ Пилипъ, поднимаясь съ полу.

— Дай въ часъ добрый!—кричалъ Юрка, когда уходившій пріятель новоротилъ съ тока къ плетню.

Пилипъ засталъ отца, дѣлавшимъ послѣднія приготовления къ отъѣзду. Онъ запрегъ уже маленькаго пѣгаго копшучка, уложилъ норотокъ съ сѣномъ и старался уткнуть въ сидѣнье боченокъ съ водкой. Пѣгій копшучокъ торжественно помахивалъ завязаннымъ хвостомъ и поминутно настороживалъ уши, слыша непривычное позвякиванье колокольчика. Копшучокъ проводящій свою сѣрую, скучную однообразную жизнь въ грязномъ ветхомъ хлѣву, не могъ также понять, почему его хозяинъ почистилъ ему рукой грязные бока, нѣсколько разъ трепалъ гриву, чистилъ и гладилъ шею и долго возился съ хвостомъ, вообще хозяинъ особенно былъ ласковъ съ нимъ: подсыпалъ овса въ ночевки, далъ сѣна изъ другого угла и поить сводилъ къ ручью, а не въ лужину, къ току.

Пилипъ волей-неволей продолжалъ готовиться къ поѣздкѣ на „выглядины“. Онъ налилъ въ черепокъ дегтю и вымазалъ юркины боты отъ подметокъ до „вершковъ“, а затѣмъ принялся за туалетъ. Въ нижнемъ платьѣ не требовалось никакой перемѣны, такъ какъ на „выглядинахъ“ все равно вѣдь придется сидѣть, не раздѣваясь до вечера, а если Богъ „наладитъ дѣло“, то и всю ночь. Верхняя же одежда, состоящая изъ бѣлаго кожуха и сиваго армяка, не требовали подчистки. Оставалось, значить, причесать голову и поглядѣться

въ люстэрыкъ. Пилипъ долго искалъ гребня и въ „печуркѣ“, и въ столикѣ, и въ „кублѣ“, и на подоконникѣ, и подь „божницей“, но гребень, какъ „скрозь донна“ провалился, а »масындзовикъ« привязанъ къ батькиному поясу, а батька уже одѣлся. Пилипъ и ограничился тѣмъ, что перепоясался сыромятнымъ ремнемъ и пригладилъ волоса всѣми пятью пальцами.

— Ну, иди, садись!—кричалъ со двора отецъ. Што ты тамъ прибираешься, якъ дѣука. Конь захаладау.

Вышелъ Пилипъ, съежился, ввалился «кулемъ» на телѣгу, и отецъ стегнулъ копшучка по боку и по ногамъ. Пѣгій конишка принялъ эту интродукцію, какъ нѣкую дань за всѣ грѣхи свои, вольные и невольные, по отношенію къ хозяину, лягнулъ задними ногами, фыркнулъ, мотнулъ головой и понесся во всю свою копшучью прыть.

Чѣмъ дальше ѣхали, тѣмъ болѣе мрачнымъ становился Пилипъ. Онъ отъ нечего дѣлать палилъ „корешки“ и на всѣ заманчивыя перспективы, въ которыя скороговоркой посвящалъ его отецъ, оплевывался, издавалъ неопредѣленное мычаніе или побрякивалъ.

— Возьмешь ты жонку, говорилъ Ѳедоръ, подстывая своего коня.. Ну хоть Ганку, примѣромъ... Но-о! Воукъ тебя задави-и-и! Не видишь, куды ѣдемъ!.. И будешь ты вѣкъ вѣковать съ Ганкой, примѣромъ.—Ну и што тебѣ надо еще? Будутъ скрипка и цимбалы играть—ну якого тебѣ рожна еще? Конь у насъ есть, безъ коровы на зиму не останешься.. Трохимъ хоть бѣлую, а все-таки дасть у „пасагъ“¹²⁹⁾, за Ганку—ну што те вѣ еще? Тепера мы бѣдноваты.. Жито самъ знаешь не уродило... И до великаго поста половки¹³⁰⁾ ти хватить. А все-жъ къ свадьбѣ оттюль-отсюль выколыпимъ... Овечки двѣ продадимъ, пеньку, овса... И все будетъ, якъ у людей... Горѣлки везу на поглядины два гарца, а на томъ-же не конецъ! И чего ты чмыхаешь, якъ ша-

шокъ ^{ш)}... Якіи табѣ чмыхи? Возьми ты въ дурную голову свою, что ни тобой ета завелося, и ни тобой выведецца... Потому за моей головой и покончи съ етымъ дѣломъ. Такимъ и я быу, а вотъ тапера отгодовау тебѣ и—дасть Богъ женю на Ганкѣ...

Но настроеніе Пилипа не улучшалось. „Ахъ ета свадьба, думалъ онъ. Какъ скоро батька хочеть все сдѣлать... Не успѣлъ я молодымъ побыть... Ни ты людей, ни люди тебя... Такъ только одна гиль. Батька годы считалъ малые, да малые... Все ребенокъ, да ребенокъ, а тутъ и къ жеребку подтянули... Съ призыву долой, а батька за свадьбу“...

— Я, тата, думаю, чтобъ, значить, свадьбу до лѣта оттянуть,—робко сказала онъ упавшимъ голосомъ.

— Кого ты говоришь? Оттянуть, а для кого оттянуть? На мою голову оттянуть?—а? Што ведешь пустое, коли уже къ Трохимовой хатѣ скоро подъѣдемъ... Ъхали, ъхали, а тутъ нако-сь.

Дѣйствительно, до Козлиныхъ Хвостовъ оставалось не больше версты.

Холодъ подулъ отъ лѣсу, и путники едва сидѣли въ ихъ маленькой телѣжкѣ.

Осеннее солнце все время прячется за тучами. Не ласково солнце до людцевъ. Тепла мало даетъ и глядитъ невесело. Да „людцы“ на солнце и не обижаются. Слава Богу! Сѣнце,—какое послалъ Господь,—собрали въ пуньки, хлѣбушко—въ токи, горохъ—въ друки. Посвѣтитъ солнышко около лѣсу—и спрячется: „довольно, дескать: вашъ припаръ прошелъ; отдохайте, добрые люди, силы припасайте до лѣта«. Заволоклось солнышко тучами, а тучи изъ-за горы валяютъ черныя, сѣрыя. Бѣгутъ тучи, какъ волна на озерѣ, бѣгутъ безъ усталы, безъ „пардону“. А поля пожелтѣли, побѣлѣли. Вонъ тѣ самыя полосы панской земли, куда Пилип ходилъ на заработки. Гдѣ же тѣ колосья, что шептались другъ съ другомъ? гдѣ та зеленая травка

что такъ ярко пестрѣла вонь,—на этомъ лужку? Все изъ „красныхъ деньковъ“ вышло, для всѣхъ скука надвинулась. И Филиппъ, глядя на увядшую природу и, вспоминая «вольготные деньки» далекаго дѣтства, еще больше натянулъ армякъ на уши, сторбился и погрузился въ тяжелую думу.

Спустились къ лѣсу, въ которомъ березки и ольха уже совсѣмъ осыпали листья. Деревья понурили головы и съ грустью готовятся къ морознымъ днямъ, къ выогамъ-метелямъ, когда придется одѣть бѣлый саванъ и предаться летаргіи до слѣдующей весны. А можетъ быть съѣдется сюда ватага „панскихъ“ работниковъ съ топорами, пилами и начнутъ они безъ жалости срубать присмирѣвшій, помертвѣвшій лѣсъ. Затрещать тогда березки, зашумятъ въ послѣдній разъ и грохнутся со всего размаху о землю. Порѣжутъ ихъ на „ковалки“ привезутъ домой и сожгутъ въ печахъ, въ осетяхъ. Грустно мерзнуть березкамъ на стюжѣ!..

Вотъ и козлинскія полосы, вотъ и „спорная“ земля Панаса, о которой въ 5-й разъ уже ходятъ бумаги то въ «губерню», то въ уѣздъ, то въ „волоскую“, то опять въ „губерню“.

Федоръ остановилъ пѣгаго, перевязалъ ему въ нѣсколько узловъ хвостъ, затѣмъ вскочилъ на „норотокъ“ и телѣга быстрой рысцей выѣхала въ Кривулино. Звонокъ, такъ рѣдко раздающійся въ деревнѣ, произвелъ чрезвычайно большую тревогу. Обитатели небольшихъ хатокъ высовывали головы въ окна или спѣшили выбѣжать за ворота. Любопытства особенно много проявляли ребята, которые во всю прыть бѣжали за телѣгой, утопая въ грязи, спотыкаясь, падая, поднимая «визготню».

Семья Трофима, бывшая на дворѣ и „теревившая“ капусту, поспѣшно скрылась въ своей курной хаткѣ, оставивъ на изгороди хожухи, платки, рукавицы, а въ ясляхъ ¹⁸²⁾ насаженные для сѣченія капусты косы. Всѣмъ

стало ясно, что къ Ганкѣ сваты нагрязнули. Подъѣхали сваты прямо подъ окна, а у хозяйки—сестры Трофима, старой дѣвы, завѣдывающей всѣми дѣлами внутренняго и внѣшняго хозяйства—все „вверхъ дномъ“ на нарахъ и около стола; хата не метена, два корыта опрокинуты около печи, два подсвинка ѣдятъ хряще около сѣнныхъ дверей, двѣ скамейки ребята, гуляючи, перевернули. Вотъ наказаніе „боское“! Хозяйка „на скорую руку“, кое-какъ „то е туды“, „то е сюды“ разставила, спрятала племянницу въ „истопку“ и принялась хату мести.

Ребята вскочили на нары, хлопали въ ладоши и во весь голосъ кричали: „ай, теточка, сваты, сваты-ы!“

— Якіи вамъ сваты, чертеняты? Зипайте, ничего не вѣдавши!—закричала на нихъ Аксинья, и опять взялась за „голень“¹³³). Но не успѣла она «скребануть» раза три-четыре, какъ отворилась дверь и ввалился Ѳедоръ. У него при боку торчалъ „бизуны“, въ рукахъ—ватная шапка и рукавицы. Заперши дверь, онъ чихнулъ, утеръ усы, кашлянулъ и сказалъ:

— Здравства вамъ!

— Здравства, добрый человѣкъ!—тихо отозвалась хозяйка, не отрываясь отъ работы и стараясь показать видъ, что никакихъ признаковъ святотства въ Ѳедорѣ не замѣчаетъ.

Но вотъ отворилась опять дверь и вошелъ Пилиць, который тихо себѣ подъ носъ пробурчалъ: «здорово вамъ!»—и медленно, не выпуская изъ руки шапки, отошелъ къ лавкѣ около жеренъ. Онъ сразу почувствовалъ себя не въ своей тарелкѣ. Глаза его безпокойно забѣгали по всѣмъ угламъ хаты, какъ бы ища защиты отъ непріятели. Онъ то поварачивался къ нарамъ, то къ печи, то къ окну.

Ѳедоръ, между тѣмъ, подошелъ къ столу; положилъ шапку и рукавицы, развернулъ полы бѣлаго кожуха, досталъ пипку и кисеть съ табакомъ и, чтобы

прервать неловкое молчаніе, сказалъ хозяйкѣ:

— А гдѣ-бы тутъ, хозяйчка, тепла попасть? Съ дороги запалить бы троху...

— А вотъ я поищу въ ямкѣ уголька. Нагнись-тка ближе. Во-во! Хватай теперь,—ласково говорила хозяйка, вынимая лучинкой уголекъ изъ ямки на припечекъ.

Федоръ ловко схватилъ уголь двумя пальцами, перебросилъ его на другую ладонь, затѣмъ, спустивъ въ пипку, притиснулъ сверху ногтемъ и, громко прищмыкая, сталъ раскуривать.

— Мм... Одначи, мусить теплая хозяйка, коли вугли еще не погасли,—произнесъ онъ, ухмыляясь.

Аксинья усмѣхнулась, но не нашла подходящаго комплимента „свату“ и, какъ-будто нечаянно взглянула на Пилипа, подумала: «али-якій ёнъ молодой... лицо, якъ у Банадыся, а боты, видно, новые, хотъ и носъ троху набокъ глядять».

Наступило опять молчаніе. Федорова пипка трещала. Ребята на палатахъ перешептывались, изъ сѣней били лычами въ дверь подвинки, за печью кричалъ «цвиркунъ», изъ подъ печи выбѣжавшія хохлатки подняли „во весь голосъ“ кудаханье.

Федоръ между тѣмъ искалъ подходящей «гуторки», чтобы отвлечь хозяйку отъ хлопотъ, въ которымъ она прибѣгала очевидно, неохотно. Онъ во всю мочь затягивался, отплеывался и пускалъ зеленую струю дыма подъ потолокъ.

Ребята, между тѣмъ, все вниманіе напрягавшіе, чтобы не упустить ни одного момента изъ всей процедуры „выглядинъ“, еще ниже свѣсили головы съ палатей и разсматривали то жениха, то свата. „Сватъ курить, а ёнъ такъ сидитъ“, слышалось замѣчаніе ребятъ по адресу гостей. Въ эти неловкіе моменты гости старались покашливать или отворачивались къ окнамъ, производя шорохъ ногами.

Трофимъ, между тѣмъ, остался на денникѣ и, хотя первый узналъ въ чемъ дѣло, однако, продолжалъ „возиться“ около телѣги и изрѣдка ухмылялся, представляя себѣ тѣ удовольствія, которыя принесутъ сегодня „выглядины“. Такая перспектива тѣмъ болѣе была пріятна Трофиму, что послѣ вчерашней выпивки съ Петрокомъ Сиворыломъ (они распили послѣ судовъ двѣ бутылки „винополи“) теперь безъ „похмелки“ ощущается „подъ ложечкой“ нѣкотораго рода „ледаикъ“ и въ головѣ „не то шумъ, не то звонъ, не то такъ якое што!“.

Вошелъ Трофимъ въ хату съ «всклокоченной головой», въ подранной кожанкѣ, съ разстегнутымъ воротомъ рубашки.

Онъ „порукался“ съ Федоромъ, искоса взглянулъ на Пилипа и сѣлъ за столъ.

— Гдѣ ета быу?—сказалъ Федоръ.

— Тамъ, на дворѣ тое-сѣе... Колесы рахтавау ¹²⁴⁾.

— А мы тутатъка съ твоей хозяйкой якъ разгукались... Гдѣ-жъ твои еще? Тутъ же, вѣрно, не всѣ, што на палатяхъ?

— Есть ихъ довольно! Голову дурить мелкота ета! Безъ матки,—вѣдомое дѣло... Спасибо сестрѣ, доглядъ за ими майтъ. Чего ты тамъ, Никола-а? Ну лежишь, такъ лежи.. Есть и большая, да на село, кажись, пошла... Тамъ же у Прузыны ткуть новые „рушники“ ¹²⁵⁾ у восемь нитовъ.

— Не въ восемь, а въ двѣнадцать нитовъ,—перебила Аксинья... Ина у насъ тикавая! ¹²⁶⁾

— Угу-у...—промычалъ Федоръ и не зналъ чѣмъ дальше поддержать разговоръ. Я думаю, што значить, сказалъ онъ, помолчавъ, къ хозяйству ето сподручна: и соткать, и спрясти и прочее, ежели што... касательно семейнаго дѣла.

И свать запнулся. „Надо про подвинка спросить ти што“?—подумаль онъ.

— А што, ти купи у тебя тый шляхтець подвинка?

— Нѣ, не купи. Буду сабѣ на сало годовать. Довольно своей семьи!.. Да съ шляхтой и ни столкуешь... Вядомое дѣло, якъ ссадиуся теньрька съ панства, такъ и панства его усѣ одно, што наше житте.

— Н-да, согласился Федоръ. Свое сало, коли Богъ поводитъ, для закрасы куды сходнѣй, чѣмъ, значить, такъ страва ¹³⁷⁾ икая, альбо горохъ...

„Одначе съ Трохимомъ плохая гуторка. А Пилипъ сидить, якъ мѣшокъ, думаль Федоръ, вытирая кожихомъ капли поту на лбу: ему не быть што! Кажиза его на разные лады... Не легкая доля сватомъ быть!... Хоть бы добрымъ часомъ до горѣлки добратся“..

— Али стюжа, Леоновичъ,—сказаль Федоръ, одушевляясь и потряхивая плечами.—Настоящая зима!.. А Пилипъ мой сидить, значица, ему молодому ни почемъ, а мои старыи кости продрогли... Да якъ продрогли! Не тыи годы—правда, Леоновичъ? Кровь наша составилася, не грѣить...

— Да-а, согласился Трофимъ: не подь тую пору идеть... Приперлося наше дѣло къ стѣнѣ.

Федоръ не зналь въ какомъ духѣ поддерживать разговоръ о водкѣ, послѣ того, какъ холодная погода не оказалась пока достаточнымъ основаніемъ, чтобы „погрѣться“, и вопросъ, можетъ быть, оставался еще надолго открытымъ, если-бы въ эту минуту не вошла зѣ хату виновица всѣхъ тѣхъ событий, какія совершились въ описываемый день.

Ганка поспѣшно затворила дверь и потупилася у порога. На ней была новая самотканная сподница, на головѣ красная хустка, на ногахъ новые черевики. По-

казывая видъ, что теперь только догадалась, что въ хатѣ сваты, она поспѣшила укрыться на печь.

Съ появленіемъ Ганки, сватовство вошло въ новый фазисъ и обѣщало, повидимому, дать прекрасные результаты.

Пилипъ, притворившись совершенно равнодушнымъ, сидѣлъ сначала, потупивъ взоръ въ землю, однако-жь на лицѣ его стало появляться больше и больше любопытства. Чтобы не выдать своихъ чувствъ, онъ принялся дѣлать „цыгарку“.

Аксинья, убравши нары, сложивши дрова къ печкѣ и вынесши корыто въ сѣни, полѣзла къ Ганкѣ на печку и шопотомъ стала съ ней переговариваться, изрѣдка покрикивая на разшумѣвшихся ребятъ.

Ганка, сидя за „коптуромъ“¹³⁸⁾, стала „выглядывать“ оттуда Пилипа: она осторожно высовывала голову и посматривала на него, какъ бы на какое заморское диво. Пилипъ, въ свою очередь, какъ будто поправляя армякъ, вставалъ съ лавки и старался хоть однимъ „вокомъ“ залѣзть на печь. Но вотъ онъ бросилъ цыгарку, затопталъ ее ногой, взглянулъ на печь и встрѣтился глазами съ Ганкой.

— Якъ я вижу, у тебе куды якъ чисто, говорилъ между тѣмъ Ѳедоръ. А наше дѣло совсѣмъ остатнее! Ёдемъ мы съ Пилипомъ, а домъ и кинуть некому. Безъ бабы куды не зграбно!..¹³⁹⁾

Пилипъ при этомъ упоминаніи о „бабахъ“ сконфузился, подвинулся дальше къ порогу и „уперся“ лицомъ въ окно.

— Ну вотъ мы и пріѣхали, продолжалъ Ѳедоръ, да и не вѣдаемъ, што Богъ пошлетъ... у якую сторону, значить.

Наступила пауза. Ѳедоръ не рѣшался дальше откровенничать, и сколько онъ не всматривался въ ли-

по своего собесѣдника, никакого сочувствія своей рѣчи не замѣтилъ.

— Вижу я, сказалъ, однако, онъ, ваши порядочки, да и думаю, значить, штобъ отъ васъ да къ намъ трошку перейшло. Правду я кажу, Левоновичъ? У тебѣ не мѣстицца, у мене не хватаитъ. Ну вотъ намъ и надо говорить, чтобъ было кому ѣсти варить. Ха-ха!

„Неужели-жъ про горѣлку и не вспомнить?—думалъ Трофимъ, не слушая Ѳедора... Аксинья упрецца—кабъ зъ ее духъ вонъ, а то и нихай съ хаты... Вотъ бы и выпили потроху.“

— Эта вѣрно-о!—протянулъ онъ равнодушно.

— Ну такъ што-жъ, Левоновичъ? Мы-жъ усе-шъ колись-то были у кумпанствѣ... Да и твой батька съ моимъ швагрой у сплавъ ходили, гонки гнали. А тепера мой Пилипъ, якъ видишь, и твоя Ганка...

— А што наша Ганка?—неожиданно отрѣзала Аксинья съ печи. Наша Ганка сама по себѣ, и никого ни чипаитъ...

„Нда-а, раздумывалъ Трофимъ: съ нашей Аксиньей не дужа сговоришь“.

— Што-шъ тамъ такое, громко сказалъ онъ: а можетъ яны и за добрымъ дѣломъ пріѣхали!

— Мы ни якій-нибудь, обидѣлся Ѳедоръ. Наша хамилія не пустяшная... Мало што зовемся Хведоромъ, ти ёнъ Пилипомъ, иначе по книгамъ пишемся Суплянды... И батька нашъ Суплянда, и дѣдъ Суплянда... И Пилипъ нашъ не хуже людей... Во што!.. Потому съ Супляндовъ не было ни воровъ, ни лахудровъ...

„Авой, ихняя гавэнда, только голову мутить,—досадовалъ между тѣмъ Пилипъ. Ти то сватали-бъ, ти то домой ѣхали-бъ. А то сидишь безъ усякаго-усяго, да же вочи слипающа... Эта-жъ вонъ куды солнце перевалилося“...

— Пріѣхали, не пріѣхали, а наше дѣло—сторона, отгрызалась Аксинья. У каждого своя дорога. Той ту-

ды, той оттуль. А мы ни за кѣмъ не посылали... Во што!

— Да ты, Ивановна, не гнѣви Бога,—досадовалъ Ѳедоръ, вставши изъ-за стола и стараясь умиловить Аксинью. Што мы не тутошніи? Ти мы Богъ вѣдаитъ откуль? Ти нашъ Пилипъ хуже людей? Ти ты нашего швагру-небощика не знала?.. Гэта-штъ завсегда такъ на людяхъ бываитъ... Вашъ товаръ, нашъ купецъ!

— Ета та-а-акъ!—весело подтвердилъ Трофимъ, котораго „лидаикъ“ началъ снова душить.

— Ну, а если такъ, подхватилъ Ѳедоръ, то неси чарку ¹⁴⁰⁾, а то уже совсѣмъ не рано.

— И чарка? А зачѣмъ чарка?—кричала на печи хозяйка.

— Якъ на што? Вѣдомое дѣло на што!

— Да ета вѣдомо...—хотѣлъ подтвердить Трофимъ.

— Што тебѣ тамъ вѣдомо?—перебила его Аксинья. Ты вотъ лучше молчи, коли не пытающа.

Трофимъ „обсѣкся“, заморгалъ глазами и не рѣшался выяснитъ, что ему „вѣдома“.

— Дыкъ што же будетъ, сваточекъ? И чарки мнѣ не даси?—приставалъ Ѳедоръ. Во уже темно становицца, солнце за лѣсъ спустилося, Ивановна! Да што ты насъ такъ чураисся!..—сказалъ ласково Ѳедоръ, подходя опять къ печи.—Спустися троху ниже да погукай ¹⁴¹⁾ съ нами, а можетъ мы тебѣ и не оприкрымся?..

— Што тамъ мнѣ ити-тъ? сказала она, слѣзая, однако, на нары.

— Во и лоуко... Та-акъ. Да поищи чарочки. А ты, Пилипка, што сидишь, якъ малца! ¹⁴²⁾. Иди, неси съ колесъ тое-сѣе...

Пилипъ моментально скрылся за дверью, а Трофимовъ ликъ совсѣмъ преобразился. Лицо его улыбалось до ушей, носъ заострился и издавалъ пріятное

посвистыванье, глаза разгорѣлись и въ блескѣ ихъ ясно можно было читать: „ага-а а! во-во“!

— Гдѣ-жѣ чарка?—рѣшительно сказалъ онъ Аксинья: надо-жѣ людямъ погрѣнца! Што-шѣ они ѣхали, ѣхали, да и помирать будутъ на дорогѣ?..

— Да чарка тамъ, на кутѣ,—сердито сказала Аксинья.—Ищи тамъ, подѣ Миколой!¹⁴³).

Между тѣмъ Пилипъ втащилъ вышеозначенный боченокъ съ водкой и поставилъ на лавкѣ къ столу вверхъ „днищемъ“.

— Ага-а! Во и ладно. Дай-ка, сваточекъ бутѣличку. Во и чарка. Та-акъ. Во и спасибо. Тепера мы пойдемъ бесѣду строить.. Ну, будь здоровъ!—сказалъ онъ, опрокидывая рюмку въ ротъ.—Дай-жа, Божа, што найлѣпи!

— На здоровье! Я, вѣдомое дѣло, сторона. Толкуй съ Аксиньей. Ина у меня послѣ покойницы вся хозяйка и ахмистриня. „Да ты не кочеришься, подумаль онъ по ея адресу. Во горѣлка и што тебѣ еще?.. А малецъ сдаецца будетъ тихъ, коли не въ матку уродіуса“.

— Ивановна! Ну што-шѣ ты насъ чураисся,—увивался около Аксиньи Ѳедоръ. Да кинь дрова складывать. Успѣется работа. Ти теперь коло загнету ходить? Иди у нашу бесѣду. Безъ хозяйки и толку нѣтъ.

Но Ивановна продолжала жеманиться. У нея какъ нарочно работа къ рукамъ лѣзла. Поднять ведра, поставить жбанки, смести лавку, загнать курей подѣ печь, выгнать прусаковъ изъ миски, развѣшать онучи надѣ челесникомъ—все, казалось, теперь было самымъ экстреннымъ дѣломъ.

„Ганулину свадьбу сыграть куды, якъ было-бъ лоуко,—думала она, перебѣгая отъ нарѣ къ печи, а оттуда къ столу,—да сватъ не дужа пристааетъ“.

— Ну ближе, ближе, Ивановна! Ха, ха, ха! усе ровно тое-на-тоє выйдеть—ти правду кажу?

— Гэта та-акъ! протянуль Трофимъ.

— Што тамъ тебѣ усѣ такъ! Кому такъ, а кому и не такъ. Ты по-свойму, знацца, разуму, а я по-свойму...

— Да ты, Ивановна, веселѣй троху,—смѣялся Ѳедоръ, забѣгая къ ней отъ печи и хватая за руку. Плюнь на все, Ивановна! Ходи, Пилипка, поможи хозяйку до столу тягнуть.

— Ты, баба, не дужа чепурился... тебѣ, знацца просють по уважанью,—замѣтилъ Трофимъ, котораго стала разбирать досада за столь продолжительное лавированіе около водки.

— Што тебѣ?—захочу буду пить, захочу—не буду.

— Да ты хоть каплю пригубь!—уговариваль Ѳедоръ, поднося чарку къ ея губамъ.—Во и ладно. Што тутъ спорить? Ну, ну, ну, во и всю. Ну, не кидай же на дрожжи! Еще до веселля далеко-о!

Вышивъ рюмку, Ивановна долго „перхекала“, какъ будто шишка въ горлѣ засѣла. Однако-жъ лицо ея постепенно стало проясняться, и у всѣхъ собесѣдниковъ на душѣ отлегло.

„Ага, баба помалу отпускацца стала... Будеть бесѣда“, думаль Трофимъ, запуская пальцы въ длинные нечесаные волосы.

— Ну што-жъ выпила, теперъ ищи-тка чѣмъ закусить свату.

— Закусить?—спохватилась Аксинья. Да што-жъ мнѣ вамъ дать закусить? Незваные гостики! Головка мо-оя! колбасы высоко...

— Тамъ возьми коло клѣти косу, разрѣжь кольцо—ено и звалицца,—наставительно замѣтилъ Трофимъ.

У Ивановны и тѣни не осталось прежняго упрямства. Она мигомъ очутилась въ сѣняхъ, отрѣзала „кольцо“ колбасы, достала съ печи щепокъ и стала разводять огонь на загнетѣ.

Вмѣстѣ съ полоской свѣта, распространившагося

отъ загнета по хатѣ пролился новый потокъ благодушія въ сердца собесѣдниковъ, и выглядины все больше и больше расцвѣтали. Только Пилипъ попрежнему сидѣлъ на одномъ мѣстѣ сумрачный.

Ганка, который давно уже надоѣло сидѣть на печи, съ нетерпѣніемъ ожидала, скоро ли сватовство подойдетъ къ болѣе положительной сторонѣ.

— Ну, што-жъ ты Пилипка, — обратился наконецъ, отецъ къ сыну, — сморкотиуся ¹⁴⁴, Дай тка хозяйкѣ развеселицца... Во гляди-тка, икая хозяйка спрытная. Ужо и колбасы на столѣ! Во гдѣ порядочки! Не то, што наше бобыльство! Однимъ духомъ своротка въ хозяйствѣ!.. А што жъ наша голубочка? Одна сидитъ за печью, — бѣдненькая! Всѣ ее покинули. . Небось, дѣвонька, я за тебѣ заступлюся! Я тебѣ въ обиду никому не дамъ!.. Зови, Ивановна, нашу голубку. . Пилипка, ты бы самъ такъ-сякъ коло печи потеряя.

— Кхъ, кхъ... — закашлялъ Пилипъ, съезживаясь и утирая градомъ катившійся потъ: теплый кожухъ и бѣлый армякъ его достаточно согрѣли. Какъ тутъ ему ухаживать за Ганкой? „Нихай лѣзить, коли хочить, — подумалъ онъ. — Нечего тамъ на паню хварѣть!“

— Што-жъ ты сидишь, якъ куль? Молодой — стыдаицца! Усе мнѣ за васъ кости ломать приходицца.

— О-охъ! — простоналъ онъ, поднимаясь на нары и хватаясь за припечекъ. Во ина гдѣ! Ходи-тка, ходи, моя везюлька!

И Федоръ сталъ тащить Ганку.

— Ходи жъ, рыбка моя, небось. Во-во. Сюды ступь ножкой — разъ, во сперша гэтой ногой, тады гэтой во и на землю. А теперъ къ столу. Во и ладно!

Гануля при свѣтѣ коптилки сгорала отъ стыда и закрывала лицо руками.

— А иди ты! Я не пойду, — визжала она. Я ни за што ни пойду... И горѣлки пить не буду.

— Ну, пригубь же хоть капельку—настаивать Ѳедоръ, одной рукой держа рюмку, а другой таща Ганку ближе къ столу.

— Выпей, чего сватней горѣлки чураишься?— строго замѣтилъ отецъ. Дѣло такое...

— Якое тамъ еще дѣло?—перебила его недоволь-Аксинья.—Тебѣ што—ти есь якое дѣло, ти нѣтъ?.. Выпей, Ганулька, капелечку...

Ганка выпила глотокъ и стала чихать. А Пилипъ улыбался, отплеывался и подумалъ: „ишь, чоховка проняла... Ничего себѣ, все-таки у плечахъ“,—продолжалъ онъ разсуждать съ собою разсматривая Ганку въ профиль.—Больше видно у батьку уродилася.

Гануля, какъ только выпила, тотчасъ же бросилась на печь и спряталась за припечкомъ.

— Ишь икая соромная! Скорѣе съ людскихъ вочей, говорилъ Ѳедоръ, поспѣшно наливая Трофиму рюмку.—„Ну будь же здоровъ, сватуля! Пей до дна! Наливай еще хозяйкѣ! Ивановна, сюды еще! Рюмочка за тобой! Вотъ люблю такихъ людей, кричалъ Ѳедоръ, разгоряченный успѣхомъ «дѣла»: слава Богу, наша бесѣда удалася!..

— А-ахъ, якъ я уподобалъ тебя, Семеновичъ, говорилъ въ свою очередь Трофимъ. У тебѣ лицо такое набожное, и самъ ты такіи пріятный, ласковый, свѣтлый...

— Што и говорить,—перебила его Ивановна, съ Симоноваго рода люди не пустяшныи! Всѣ до порядку...

— Да и у васъ порядочки идутъ—хула табѣ Божа, и скотинка, и птаство ведецца,—хвалилъ хозяевъ Ѳедоръ. И у кутуху, видно, овечки окатилися въ добрый часъ!..

„А-вой батька тянить ни туды, ни сюды, думалъ Пилипъ. Сиди, потѣй. И коли ихняя бесѣда кончицца?“

— Пилипка! Сунься къ намъ, сказалъ Трофимъ, подходя къ будущому зятю. Што ты отодвинуся отъ бесѣды къ жорнамъ? Сунься ближе. Пей къ Аксиньѣ!

Пилипъ кивнулъ головой къ Аксиньѣ и со всего размаху хватилъ полрюмки и отошелъ на свое мѣсто...

Я не буду касаться того, какъ собесѣдники за доброй веселой бесѣдой сроднились, сдружились, отыскали родню десятаго поколѣнія, десятки разъ цѣловались и призывали предковъ во свидѣтели, что они всегда были пріятелями. Я не буду также описывать двухъ Петроковъ Сиворыловъ, Левоники Беззубой, позванныхъ въ гости, не буду приводить той рѣчи, которую произнесла Прузына Криворотая по случаю столь счастливаго исхода „выглядницъ“. Было уже далеко за „первые пѣтухи“, когда два Петроки цѣловали Ѳедора и называли его «сбратдѣтнымъ братомъ чиризъ швагру», когда Ивановна въ третій разъ жарила колбасы, когда Пилипъ ѣздилъ „шукать“ потаенной горѣлки къ жидамъ, такъ какъ боченокъ давно былъ порожній. Трофимъ нѣсколько разъ цѣловался съ Ѳедоромъ у „самыи вусы“.

— Вѣдомое дѣло мы, знацца, тепера во сватахъ, — говорилъ онъ, налегая на его плечо: и не любимъ знацца, фанабѣрливыхъ.—Ни уважаемъ знацца... А што моя хозяйка, то ина хоть и брахливая...

— Ты уже лучше молчи,—съ гнѣвомъ набрасывалась на него Аксинья,—коли языкъ доугій... Што ты тамъ говоришь безъ путя?.. Ты во лучше сосѣдей угости... Видишь усѣ захмарилися...

— И гости по насъ, и гости.. по васъ... И мы по гостямъ... говорнлъ безсвязно Трофимъ, упавши на столъ.

Уже совсѣмъ было свѣтло, когда «выглядины кончились». Гости были свидѣтелями, какъ заключены были условія насчетъ свадьбы. Свадьба назначена была черезъ двѣ недѣли. Гости расцѣловались и разъѣхались. „Закармливаніе“ же было устроено у Трофима въ четвергъ на второй недѣлѣ послѣ „выглядинъ“, когда были выработаны всѣ детали свадебнаго условія. Во 1-хъ, Ѳеодоръ обязался послать свата за невѣстой съ двумя гарцами водки, дружина сватова должна «сложить одинъ рубль за косу молодой», а родители ея обязались «наготовить» скрыню и постель, при чемъ послѣдняя должна быть перевязана краснымъ поясомъ съ „кутасами“. Гости, оканчивая закармливаніе, долго цѣловались, благодарили другъ друга за доброе согласіе и уѣхали къ попу „заказывать заповѣди“ ¹⁴⁵) и условиться насчетъ платы за вѣнецъ.

II.

Ѳеодоръ всѣ мѣры употреблялъ къ тому, чтобы свадьба сына не послужила предметомъ какихъ-либо „несуразныхъ“, разговоровъ, чтобы по „стариковскому“ все было отпѣто, отчитано, чтобы „людцы добрый дзякували“, добромъ поминали, „у вочи не плевали“. Родственники были приглашены отъ братьевъ и швагровъ до отдаленныхъ сватовъ-сватанцевъ, двухъ „сбратѣтнхъ“ тетокъ, крестныхъ родителей. Кулина и Марта, хотя въ „родню и не дужа вхожи“, но оказались въ числѣ приглашенныхъ на свадьбу, потому что «якъ же можно безъ ихъ порядокъ вести?» Чаровникъ Микола Пузанъ также получилъ приглашеніе, хотя Ѳеодоръ въ душѣ и готовъ бы его помеломъ вонъ вытурить изъ хаты, но кому жъ охота „спирацца съ нечистой силой?“ Каждому изъ васъ не одинъ разъ приходилось уже слышать, какъ легко чаровнику „чмуръ на

домъ спустить“. Еще не такъ давно (лѣтъ 10 тому назадъ) у Симона два сваты въ волковъ обратились, а дуда изъ рукъ музыканта Терешки отлетѣла къ порогу и „гудѣла, якъ живая“. А все, говорятъ, Пузанова работа была: Пузану водки было мало, а, можетъ быть, такъ „въ сердцахъ наробиу дѣлоу“.

Удивлялись деревенцы, какъ это Федоръ все „по закону выдержать“. „Достатки“ его плохи, коровы не ведутся, токъ не починяный, хата топится другой годъ хворостомъ, свиньи чуть ноги таскаютъ. Но Федоръ рѣшилъ „отбалевать настояща“. Рыжая корова, несмотря на протесты Авгины, была продана Авсею за 18 руб., четверо овецъ еще раньше были отданы Хаскѣ. Продавъ также Федоръ пеньку, день, какой былъ отъ прошлаго года, а отъ настоящей осени пришлось продать 1½ бочки картофеля и четыре овчины. И, несмотря на то, на вырученныя деньги всего лишь куплено 6 ведеръ водки и двѣ полбутылки. Конечно, по нынѣшнему „слѣттю“ съ этимъ количествомъ водки не разгонишься. Да что подѣлать? „Винопольскіе“ порядки заѣли людей! Въ давніе годы за „тое самое“ вонь сколько бывало возьмешь и въ горлѣ она лучше „дерить“, а эта и при „всей формѣ“ и съ красной головой и идетъ гладко, да зато челоуѣкъ съ ногъ не валится, а денегъ—только давай!

На свадебную закуску гостей было зарѣзано два барана и съ самаго начала осени была собрана цѣлая кадочка ногъ—поросячыхъ, гусиныхъ, изъ нихъ то и приготовлено четыре большихъ „мисы“ квашанины.

Наканунѣ перваго дня свадьбы, еще солнце не успѣло за лѣсъ спрятаться, какъ толпа дятюковъ и дивчатъ изъ сосѣднихъ деревень уже направлялась въ Кривулино, оглашая сосѣдній лѣсъ свадебными пѣснями.

ми. Любители легких танцевъ шли на свадьбу безъ всякихъ приглашеній. Всякій человѣкъ, какъ извѣстно, „хочеть на весельи побыть“, потому отъ старыхъ людей ведется, что на „веселле идешь съ вочами, а на христины съ животами“¹⁴⁶).

Всей толпой предводительствовалъ знакомый читателю Юрка. Онъ поминутно отдѣлялся отъ толпы, весело подпрыгивалъ, кривлялся, заранѣе подготавливая ноги къ „гѣнтю“ и другимъ „хранцузскимъ плясамъ“, потомъ „со всего размаху“ набрасывался на дивчатъ. Дивчата съ визгомъ разбѣгались въ стороны. Болѣе всего Юрка „увивался“ за Настой, изъ деревни Беззубина. Наста,—быстроглазая дивчина,—была предметомъ давнишняго его ухаживанья. Настинъ голосъ звенѣлъ въ воздухѣ, какъ колокольчикъ, и Юрка напрягалъ всѣ усилія, чтобы она побольше „животы надрывала“, стараясь при этомъ въ такіе моменты „облапить“ ее своими длинными ручищами. Двѣ Прузынинныхъ дочери и Пахомовы падчерицы въ такихъ случаяхъ защищали Насту, нанося удары Юркѣ во всѣ свою „дѣвоцкую мочь“.

— Али-шь его бить—дыкъ рука заболить... Во атопокъ! Якъ дерево! — смѣялись Пахомовы падчерицы.

— Ты луи здоровѣй,—говорилъ Юрка, подставляя спину... Ну, колоти!.. Ага-а! Али-шь и бьесся... мусить удава будишь... Смотрите, дивчата, а вунъ хто?

— Э-э-э! Ета-жъ замоскіе мальцы!—сказала Наста, указывая на другую партію дятюковъ, выходившихъ изъ опушки лѣса.

— Што ты ета, Юрка, подскокомъ?.. Ха-ха-ха—закричали замоскіе мальцы, подбѣгая къ толпѣ.

— Го-го-го-го!—горотала толпа. Ловокъ... у танецъ итить!

— Куды ета?—спросилъ Юрка.

— Къ Ѳедору, на веселье.

— Тамъ эдакаго подребязья не надо...

— У тебе не спрашивали... Самъ идешь безъ зову...

— Кто я—безъ зову? Брешишь! Эта я только за мальцами да за дивчатами ходю, а мое дѣло у братеникахъ...

— Ага-а! Во што... А у якимъ ряду Федорова хата?

— Сичасъ увидите... А гдѣ жъ мальцы, Марьичка?—спросилъ Юрка.

— Марьичка? Икая—Харитоновая?

— А на што ина табѣ?

— Ага, поплачешь безъ Марьички!—смѣялись дѣвчата изъ замоской партіи.

— Ишь, ласый,—закричали Прузынины дочки. Тутъ Насту забавляить, а про Марьичку думать... Жирно будить!.. Ты думаишь, для тебя уси дѣуки?

— Да я васъ всехъ дѣвокъ въ одну охапку подниму и, куды хочу, заброшу... Потому, вашего брата усюдыхъ... Только до Змитри ¹⁴⁸) дѣуки хитры, а тады зъ Михайлы...

— Бей, дивчаты, его,—прохвоста... Што ёнъ брешитъ, якъ собака!—закричала Наста.

И вся толпа набросилась на Юрку. Юрка началъ выдѣлывать такіе преуморительные прыжки и «подскоки», что все опять расхохотались и вскорѣ слились въ одну общую «ватагу» и зашѣли:

«Веселія наша»...

На Федоровомъ дворѣ между тѣмъ кирмашь-кирмашемъ гудѣлъ. Званные гости пріѣхали на лучшихъ коняхъ, на новыхъ карафашкахъ. Кони рыжіе, стрекастые, пѣгіе въ упряжи, съ расписными дугами, со звонками разныхъ калибровъ, были привязаны около сарая и около плетня, а нѣкоторые стоятъ прямо противъ

оконъ, ожидаютъ. скоро ли ихъ хозяева «доведутъ ихъ до порядку»? Шумъ свадебный поднялъ на ноги всю деревенскую дѣтвору и подростковъ. Давно они не видали такого праздника! Ребята прибѣгли въ однѣхъ рубашонкахъ, въ длинныхъ, тянувшихся по землѣ, армякахъ, и теперь совсѣмъ посинѣли на холодѣ. Они съ любопытствомъ перебѣгаютъ отъ одного коня къ другому, глядятъ ихъ, хватаютъ за морды, потряхиваютъ дуги и услаждаются колокольнымъ позвякиваньемъ.

— Пойдемъ, мальцы, тому коню свостъ развяжемъ!—кричитъ кудлатый мальчишка, подпрыгивая въ матиной кофткѣ.

И большая толпа „мелюзги“ подбѣжала къ «стрекатому» коню и уже хотѣла уцѣлиться за хвостъ фыркаваго коня, но неожиданно подскочилъ одинъ изъ гостей и, «пелесонувъ» кнутомъ по спинамъ «головорѣзовъ», заставилъ ихъ разбѣжаться въ стороны. Ребята, почесывая спины, „кубаремъ“ перелетали черезъ изгородь и ругали свата «халерой».

Между тѣмъ съѣхавшіеся гости столпились около входа въ хату, здоровались и цѣловались другъ съ другомъ; другіе принялись „порядковать“ коней, безпрестанно повторяя, что кони „на стюжѣ поколѣютъ“: будынки Ѳедоровы плохіе, «денникъ» обвалился, а въ хлѣву только двухъ коней съ великимъ трудомъ всадили въ сосѣдство къ вышеописанному кашуку Ѳедора.

— А ты, сватуля, давно?—спрашивалъ своего сосѣда мужичокъ въ сѣромъ армякѣ съ перевязанными на груди крестъ-на-крестъ «рушниками», покрывая коня старой, грязной попоной.

— А дауно... Еще солнце у три ляхи было.. Наше дѣло обратдѣтное. Мы Ѳедору, значить, свои!—хвалился бѣлый кожухъ, перепоясанный краснымъ поясомъ съ кутасами.

— Дыкъ ты уже усю горѣлку пошу—воукъ тебе зѣшь!

— Досать, сватуля, и тебѣ будить! Федоръ не благий ¹⁴⁸⁾ человѣкъ; гостей не обидить, хоть и достатки не дужа большіи... А гдѣ твоя Прузына, Ивановичъ?

— А тамъ уже съ бабами бесѣду развела. Къ бабамъ ее сдау на руки...

— Ага... А конь ета у тебе тый самый?

— Тый самый... Только вотъ хвостъ подвязау... дыкъ ёнъ только храбрицца, а дома пустяшный конь... Только для сохи...

— Да, нашему брату абы пахотникъ... А разгонишь-ся на большого, дыкъ и въ лапы къ коноводу... Коноводу развелось—жить не можно!

И съ этими словами бѣлый кожухъ нагнулся въ коляску и помогъ вытащить Ивановичу свадебный хлѣбъ, половину печенаго барана и булку пшеничнаго хлѣба, купленнаго въ Мовшевой лавкѣ ¹⁴⁹⁾.

Съ этой ношей друзья, куляясь по грязному двору и цѣпляясь за плетень, подошли, наконецъ, въ хатѣ, но въ дверяхъ неожиданно застряли: тутъ прохладчалась вышеозначенная толпа дятюковъ и дивчатъ. Юрка стоялъ, обнявшись съ Настой, и лучъ падающаго изъ истопки свѣта позволялъ вазсмотрѣть его новый „шляхетный“ костюмъ ¹⁵⁰⁾. Помимо суконныхъ брюкъ, нашитыхъ «на выпускъ», на немъ пестрѣлъ новый фабричный пиджакъ, а въ рукахъ—плисовый платокъ, отнятый у Насты. Онъ корчилъ преуморительныя рожи и, нигибаясь, нашептывалъ „кукульменты“, то Настѣ то Пахомовымъ падчерицамъ.

Сваты стали „пробивать“ себѣ дорогу сквозь толпу парней, дѣвокъ, бабъ, спотыкаясь на выставленныя ноги, на жорнова, на корыто. Уже къ тому времени свадебный крикъ и гвалтъ наполнилъ всѣ закоулки Федоровыхъ будынковъ. Слышались самые разнообразные воз-

гласы. «Сюды, сюды, бабынька! Пропустите бабыньку!»... — „Перекидывай черезъ головы“... — «Лови хустынку, Прокопиха!»... — «Лови мою кожарку!»... — „Отступите отъ печи, вороннѣ! — Дайте бабѣ изъ печи хлѣбъ вытянуть!“ — „Ай, стиснули мальчика!“... — „Сади ты его, плюгавца на печь!“... — „Во люде-е-ей!“... — „Дайте вы дѣду пройти“... — «Гони ты, Аксинья, усю мелкоту на палати!» И чего нельзя было перенести, то передавалось, перекидывалось черезъ головы, руки поднимались, хватали, перебрасывали, бабѣ приглашали въ свою компанію, мужчинъ просили въ истопку «погрѣться»

— Да вы, братцы, отхинитесь, — кричалъ сватъ Ивановичъ, а то можно хлѣбъ придавить. Отхинись, Банадысь!.. Коли еще тамъ ваши плясы!.. Держи ты, Прокопъ, управо!.. Во натискалося... Тѣфу ты! Ажъ спотѣу... Дай по чаркѣ каждому, и то сколько разойдецца!.. А-а, во и Ѳедоръ!

Ѳедоръ стоялъ въ истопкѣ и весело улыбался сватамъ.

— Ого-го! Барана принесъ? — говорилъ онъ, троекратно цѣлуясь съ Ивановичемъ. — Клади сюды. На столъ, съ етаго конца... Да ходи грѣйся... И пирогъ принесъ? Та-акъ. Клади у мѣсто. Послѣ бабы разберуть... Ну, теперъ подходите, сваточки: турбовалися, смерзли... Погрѣйтесь съ дорожки... По другой... Можно и тебѣ, браточекъ! Усе ровно за одно... Слава Богу сынка женю. По крайности на человѣка вывожу... Благодарить Господа: людцы гулять найшли!.. Ну, теперъ пойдемъ къ гостямъ... Покалякаемъ... А ты, Ивановичъ, што жѣ сестренку не везъ?

— А ина нѣшта крекчить... Ти гэта, можа, отъ кохлика ¹⁵¹⁾, ти можа съ суроцу ¹⁵²⁾... Якъ начала чахнуть, дыкъ и чахнись...

И гости тѣмъ же маршрутомъ притиснулись чрезъ сѣни въ хату, гдѣ старики позаняли всѣ мѣста на лав-

кахъ. а молодежь нахлынула впередъ, съ нетерпѣніемъ ожидаа, скоро ли начнется свадьба.

Всѣ палаты, припечекъ, пеколокъ ¹⁵³⁾, запечекъ были заняты ребятами, которыя, свѣсивъ внизъ головы, внимательно разсматривали публику, указывая руками и смѣясь во всю ширину своихъ закоптѣлыхъ лицъ. Вмѣстѣ со струей холоднаго воздуха врывается въ хату шумъ и гамъ изъ сѣней. Каждый изъ незваныхъ гостей старается какъ-нибудь пробраться впередъ, къ столу, къ нарамъ, чтобы получше разсмотрѣть, „што въ хатѣ дѣется“. А кто не танцуетъ и кому придется въ продолженіе длинной ночи довольствоваться однимъ лицезрѣніемъ и куреньемъ корешковъ, тиснулся къ стѣнѣ, къ лавкамъ, дабы хсть немножко „прихинуться“, иначе ноги могутъ „подкошиться“ и заболѣть „серединна“. Дѣвчата сбились въ одну пеструю кучу между нарами и столомъ и приглаживаютъ волоса, завязываютъ хустиночки. Къ нимъ съ боку примкнулъ Юрка, потряхивавшій кудрями и таращившій глаза на „дѣвоцкія прилады“.

Дѣвчата внимательно присматриваются ко всей свадебной церемоніи. „Усе-жъ и намъ може якого Пахома Богъ пошлетъ, разсуждаютъ онѣ: якъ же не тиснуцца, люди тиснуцца и мы тиснимся... Поглядимъ, поучимся, штобъ намъ соромно не было“...

— И я для того пришла, шепчетъ Миколаихина, тщедушная дѣвчинка въ чирвоной суконкѣ и „бувольничной“ кофтѣ ¹⁵⁴⁾ своей подругѣ: мене матка и наставляла, штобъ я усе разглядѣла...

— А коли-жъ ета свадьба начнецца?—роптала, какъ ракъ, красная быстроглазая Маланка, Курилова сестра.—И посаженной матки не чувать... Безъ ее и толку нѣту-ти. Хоть бы скорѣй, а то стой якъ пень... Старые пипки палють и бубнять хто сабѣ... А мальцы

метусяцца безъ пользы, а къ намъ и прихинуцца не хочуть...

— Вотъ Юрка ужо коло Насты,—смѣялась Пахомова падчерица—а къ намъ и не подходитъ. Рарсфорсіуса, што у новомъ кульку ¹⁵⁵... А Наста, глядите дѣвоньки, якъ хихикаить... Уплела у косу чирвоную истушку ¹⁵⁶), начапила новыя завушники ¹⁵⁷) и думайтъ большая птушка!..

Въ хатѣ стало темно отъ накуренаго табаку, въ воздухѣ ощущался сильный чадъ отъ вытопленной печи, въ которой жарились и варились свадебныя яства: печенка, квашанина, клецки, крупеня, юшка.

Прусы и тараканы, прогнанные съ печи, метались въ беспорядкѣ по потолку, по стѣнамъ, по окнамъ, не понимая, зачѣмъ это люди нарушили ихъ спокойное запечное житье, и по временамъ сваливались на столъ, при чемъ засѣдавшая за столомъ публика хлопала по нимъ голой ладонью или шапкой, приговаривая: „ишь, хварѣй твоя голова!“

— Пропустите батьку!—вдругъ загомонили въ толпѣ.

И всѣ лица поворотились къ порогу. Федоръ велъ за руку посаженую мать—Кулину Потаповну.

Публика повеселѣла. «Ага, думали дѣвчата, во и къ свадьбѣ ближи... Во ина—Кулина! Попала у пани... Ну и наробить же дѣлоу!» Дѣйствительно, Кулина была способна „надѣлать дѣлоу“, потому „пожила довольно на свѣтѣ“. „Усякій челоуѣкъ до Кулины интэресъ майтъ!“—говорять кривулинцы. Помреть кто—она первая „у гробъ его ладить“, родится—бабить, „зелками“ обкуриваеъ, отъ „суроцу“ отчитываеъ, женится кто—въ „маткахъ“ веселье гуляеъ, „законъ*“ соблюдаетъ, пѣсни заводить.

Пискнула скрипка. Банадысь Глякъ началъ „заводить струны до цимбаловъ“. Цимбалистъ Якубъ

Щурлыга на разные лады сталъ отбивать, то „надпуская, то подпуская“ струны „ключомъ“. Голова его нагибается къ цимбаламъ, опять поднимается и при разнообразныхъ ударахъ „въ двѣ руки“ болтается во всѣ стороны.

Началось приготовленіе къ веселью. Вышелъ изъ толпы Пилипъ, поцѣловаль отцу руку; отецъ благословилъ его и обвелъ вокругъ себя три раза въ тактъ заунывнаго марша, сыграннаго скрипкой и цимбалами, причемъ Пилипъ, закрывъ глаза рукой, тихо плакалъ. Затѣмъ Потаповна обвела его вокругъ себя также три раза, послѣ чего Пилипъ поклонился ей до земли и поцѣловаль ей руку. „Нихай табѣ, Пилипка, Богъ даеътъ якъ найлепи“, сказала Кулина, благословляя его. Въ публикѣ во время этой церемоніи царила глубокая тишина. Пилипъ сталъ кланяться каждому изъ гостей. Гости благословляли его и громко цѣловали. Пилипъ сначала обошелъ около лавокъ, гдѣ сидѣли старики. Старики на это время вытягивали свои цибуки изъ ртовъ и высказывали свои благопожеланія кланявшемуся имъ до земли Пилипу. Потомъ перешелъ въ «дѣвоцкій станъ», полѣзъ на припечекъ, на печь, затѣмъ отыскалъ гостей въ сѣняхъ и даже на дворѣ.

Послѣ этой церемоніи начались танцы. Танцоры очистили въ публикѣ небольшой кружокъ, приблизительно въ одну квадратную сажень, и на этомъ кусочкѣ хаты, изрытомъ выбоинами, танцовать умудрялись кадрили въ шесть паръ „крыжь-на-крыжь“, „питкевича“¹⁵³) съ подскоками, польку, „ицыка“ съ раскидываніемъ ногъ и припѣвомъ („Ицыкъ бульбу копау“), „линтія“ въ нѣсколько паръ. Парни, болѣе легкіе на ногу, много потѣшали публику „крыжовымъ“ казакомъ „у присядку“; на смѣну имъ явились дѣвчата безъ участія мужского персонала, протанцовавшія „Левони-ху“ и, наконецъ, не удержались на мѣстахъ и шепе-

лявшія старушки, причемъ Потаповна съ Рыпиной Криворотой, къ удивленію публики, топали ногами не хуже дѣвокъ и подслащали свой танецъ напѣвомъ: „а пустите-жъ вы насъ, ти не лѣпи мы за васъ“! За ними вышли въ кругъ новыя старушки, которыя напѣвали: „ай, Левониха, бочка, бочка, бочка, разгулялася дочка, дочка, дочка“! Новая пара напѣвала: „ай, мати, телушечка, разгулялася дочушечка!“... Въ заключеніе цимбалистъ предложилъ „сходить падушечку“. Танцоры образовали большой кругъ. Юрка вышелъ на средину, обвелъ дѣвокъ глазами и пригласилъ въ кругъ Насту, повертѣлся съ ней и поцѣловался. Его смѣнила Наста, которая тихимъ голосомъ запѣла:

„Падушечка, падушечка, а ты пуховая!

„Молодушка, молодушка, а ты молодая..

„Кого люблю, кого люблю, того поцѣлую,

„Пуховую подушечку тому подарую“.

И пригласила въ кругъ Никитоваго мальчика. Юрка при этомъ нахмурился, встряхнулъ кудрями и плюнулъ въ сторону.

„Падушечка“ тянулась долго, пока вся молодежь не перекружилась съ дѣвчатами.

Но вотъ уже пропѣли „вторые пѣтухи“. Старики заговорили, что «пора уже пироги бить, за столъ садить», и танцоры которыхъ ноги окончательно развились, къ великому огорченію, должны были отодвинуться къ порогу, и дать мѣсто хозяйкамъ приготовить вечеру. Столы были покрыты бѣлыми скатертями, хозяйки принесли каравай, нѣсколько бутылокъ водки, поставили печистаго, колбасъ, положили два небольшихъ каравайчика, которые служатъ нѣкотораго рода тимпанами при началѣ свадебныхъ пѣсенъ.

Старики собрались около стола и начали совѣтоваться, кому „пироги бить“ и веселье начинать. Нужно было выбрать человѣка, который былъ бы „на слезы

твердый“, чтобы отъ „жалобныхъ“ пѣсенъ не расплакался. Пospорили старики и рѣшили, что лучшаго оратора (онъ явится впослѣдствіи въ этой роли) и заводчика свадебнаго, какъ Миронъ Сиволобъ, и съ огнемъ не сыскать.

— Нихай бы біу хто покрѣпчайшій, отговаривался Миронъ. Мое дѣло старое. Я изъ лѣтъ вонъ. Свое отбыу. Нихай хто другій столько проживеть!..

— Ладно, дѣдуля, ты у насъ уже не одну свадьбу гуляешь и порядки веу по закону, да теперь же и на суддю насадили. Ни якій-нибудь ты человекъ, коли у волости коло дѣла ходишь...

„Недавно насадили, а уже мозгами начинаетъ крутить... Ой, Миронъ—хитрая штука!“—думаль его сосѣдъ Курила Безпятый.

— Да што-жь? Ты хоть и недауно насаженъ,—сказаль онъ громко: да лоука порядки ведешь... Разобрау бобылкино дѣло намедни ¹⁸⁹)—куды якъ спрытно!

— Объ Мирону и толку мало,—заговорили всѣ. Нихай бьетъ пироги, лучше ништо не побьетъ!

Что было дѣлать? Не итти вѣдь противъ міра! Вы уже знаете, что безъ міра—„рады“ нѣтъ, а какъ міръ „установы заведеть“, такъ другому, хоть бы и хотѣль, некуда выскочить. И Миронъ согласился взять на себя бремя „бить пироги“. Онъ громко кашлянулъ, вынулъ изъ-за пазухи рогъ съ табакомъ, посыпаль около большого пальца „нюхъ“, преподнесъ его къ носу, потянулъ со свистомъ сначала одной, потомъ другой ноздрей, затѣмъ обтерся полой кожуха, кашлянулъ и громко чихнулъ.

Эта интродукція заставила окончательно затихнуть свадебный гуль. Всѣ головы обратились къ столу. Задніе ряды поднялись на цыпочки, облокотились на плечи сосѣдей, ухватились за крюки на стѣнахъ, а нѣкоторые вскочили на лавки, на нары, на печь.

Миронъ сдѣлался центромъ вниманія. Онъ подошелъ къ столу, взялъ въ руку два маленькихъ каравайчика, перекрестился и громко проговорилъ:

— Прощу музыку не играть, дайте веселля зачать! Божа благослови!

Публика въ одинъ голосъ повторила: „Божа благослови“.

Миронъ, ударяя каравай одинъ о другой, запѣлъ жалобно-пискливымъ теноромъ:

„Божа слау, Божа слау

„Веселля играть!

„Да чіе-жь, да чіе-жь?

„Да Пилипково-о-о-о!“.

Мотивъ этой пѣсни (пропѣтой Мирономъ три раза) начала «выводить» музыка, переходя въ концѣ на самыя высокія ноты на квинтѣ.

Послѣ музыки начали „прочистать“ горло бабы. Онѣ долго откашливались и „перхекали“. Имъ предстоитъ трудная перспектива—перепѣть всѣ свадебныя пѣсни, которыя соотвѣтственно хода событій нужно измѣнять на разные мотивы, и какъ часто требуется зычность и веселость отъ ихъ бабскаго горла!

Бабы раздѣлились на два хора. Одинъ помѣстился въ „кутѣ“¹⁶⁰), другой на концѣ стола. Въ первомъ хорѣ преобладающимъ голосомъ былъ (въ средѣ всѣхъ шести бабъ) голосъ посаженной матери Кулины, а во второмъ «наводила на линію»—Изахватиха—замужняя сестра Федора.

„Божая радочка перелетѣла

„Чиризь гѣту будынинку свяцоную!“—
началь 1-й хоръ во весь голосъ.

2-й хоръ продолжаетъ:

„Чиризь гѣту будынинку свяцоную,

„Чиризь гѣту бесѣдушку веселую“.

Послѣ этой пѣсни веселье постепенно начинаетъ вступать въ свои права. Въ публикѣ ощущается желаніе развернуться, разойтись во всю ширь, „загомонить“ во все горло. И шумъ увеличивается *crescendo*. Музыка всѣ усилія напрягаетъ къ тому, чтобы публика наэлектризовалась свадебными мотивами. Она не знаетъ ни отдыха, ни сроку, «рѣжетъ во всѣ лопатки», а цимбалистъ во всю мочь «лопачитъ» по струнамъ и вытираетъ со лба потъ.

Званные гости, по приглашенію хозяина, стали занимать мѣста за большимъ столомъ, при чемъ „комлѣвый“ ¹⁶¹⁾ свать занялъ мѣсто подъ „божницей“, а бабъ размѣстили на второмъ столѣ, рядомъ съ мушчинскимъ.

Занявъ мѣста, гости продолжали гомонить и до яствъ не прикасались. Федоръ принесъ изъ истопки полную запазуху бутылокъ съ водкой и разставилъ ихъ передъ мущинами и бабами, а что на столѣ не помѣстилось, то отнесъ на окно.

Теперь, по установившемуся обычаю, нужно выслушать пѣсню, которая имѣла цѣлю повліять на настроеніе жениха, который сидитъ гдѣ-нибудь тихо въ сторонѣ и не принимаетъ въ общемъ шумѣ никакого участія.

Бабы опять раздѣлились на два хора.

А знать Пилипка по веселику,

Што ни мамухна женить,—началь первый хоръ.

Столы застланы, гости собраны,

Порядочку нѣ-ѣтъ!—продолжаетъ второй:

Найми, Пилипка, хотъ соловейку,

Соловейка—скорая пташка:

Ёнь скоро злитаить,

Скоро злетаить, жалко вспиваить,

Мамульку возбужаить:

— Устань, мамулька, устань родненька

На одинъ часочекъ,

На одинъ часочекъ—на вечерочекъ,—
На благословенье!

— Рада-бы я встати

Къ своему дитяти,

Порядочекъ дати.

Гробовы доски стиснули ножки—

Не могу покрануть:

Желѣзны цвички ¹⁶²⁾ стиснули плечки

Не могу повернуть...

Травка-муравка заросла вочки—

Не могу проглянуть;

Желтый песочекъ залегъ носочекъ,

Не могу продыхнуть...

— Да взнеси, Божа, буйнаго вѣтра.

Да размети ты, вѣтрикъ, желтые пески,

Да налетите сѣрые гуси.

Да пощиплите травку-муравку...

Да взнеси ты, Божа, громову тучу,

Да разби ты, Божа, гробову доску,

Да взними, Божа мою мамульку,

Да взними, Божа мою родненьку!

Гости склонили головы и призадумались. Федоръ принялся изъ всѣхъ силъ упрашивать ихъ „силковацца“ и весело „чарку гонять“.

— Будьте, гостики, смѣлы... Зачинайте гонять! Миронъ! Ты-жъ у меня комлѣвый свать! Ну, веселѣй! Пускай Янка къ Ивановичу... Ну бери теперь, Трофимъ! Пей до дна!.. Теперь къ жонкамъ гоните, братцы! къ жонкамъ! Кулинка, голубка моя!.. Ай, Кулинка ета—чистое золото!.. Выпей на здоровьика... Дай же, Боженка, штобъ и другой разъ тебѣ зачинать, якъ ты у насъ зачинаишь. Дай, Божа, усякому такой голосокъ.. Гони теперь, Яночка, по двѣ!.. По двѣ братцы!.. Грѣйтеся по двѣ!.. Гостики мои любьи!.. Гоните къ Тумашу—ѣнъ

нѣшто хмарый... Раскрый ему вочки, Яночка! Подвесли его!..

Польщенный вниманіемъ, Тумапъ изъ хмараго постепенно превращается въ веселаго, а Янка послѣ четырехъ рюмокъ сталъ улыбаться во всю ширину своего маленькаго, съ веснушками лица.

— Што-жъ вы тамъ, жоночки, заморкотились?— сказала „комлёвый“ свать, вставая съ своего мѣста и переходя къ женскому столу.

Бабы, до сихъ поръ строившія церомонію и ожидавшія сватняго „примусу“¹⁶³), начали болѣе смѣло „гонять рюмку“.

— Жоночки, веселѣй!—говорилъ „комлёвый“ свать, увиваясь около бабъ.—Наста! Ты-жъ колись то была веселая, а теперь и крылья опустила... По мужу моркотисся? Ничего... А бы здоровье! Пройдутъ лѣты, прѣдутъ сваты—правду кажу?... Ага-а! Выпейте еще жоночки, да повеселите наша вяселля!

Бабы выпили, повеселѣли и стали усаждать слухъ затрапезниковъ свадебными пѣснями.

— Начинай тамъ,—сказала Наста Змитрочиха, замѣнившая на тотъ разъ Кулину. Ты ты тамъ, Прокопиха, ты ты Базылиха...

— Мы тебѣ, голубка, не чета,—говорили съ другой стороны стола хористки. Наше горло старое, а твое еще—слава Богу... Тебѣ всякій готовъ слушать.

„А у насъ сегодня Божжа воскресення“... начала Змитрочиха.

„Зачалося сиротское вяселле“... отвѣчала ей Прокопиха съ другой стороны стола.

Долго ходила рюмка изъ рукъ въ рюки, долго гости проводили примѣры, почему они не въ силахъ больше „ни капельки“ потянуть, при чемъ хозяинъ нѣкоторымъ преподносилъ къ самымъ губамъ рюмку и держалъ до тѣхъ поръ, пока „винный духъ“ не произ-

водилъ своего дѣйствія на товарища, и водка, наполовину расплесканная, вливалась, наконецъ, въ ротъ гостя.

Выпивши по 5—6 рюмочекъ, гости, послѣ долгаго „примуса“, стали „силковаться“. Поданное въ глиняной мисѣ печеное мясо „комлевый“ свать разорвалъ на куски руками и гости клали эти куски на хлѣбъ, подносили ко рту и громко чавкали, вытирая руки о голову или о кажухъ. Лица покрылись жиромъ, глаза горѣли, лоснились.

Публика незваная стояла безъ дѣла. Мальцы курили и подшучивали надъ дѣвчатами; а дѣвчата „хорохорились“, поправляя наряды, а иногда приносился изъ-за толпы недовольный шопотъ.

— Ишь сами пьютъ-гуляютъ, а мы стоимъ безъ усикаго-усяго, хоть бы музыка заиграла.

— Гони, сваточекъ, къ музыкѣ, кричалъ между тѣмъ Федоръ къ крайнему свату—Курилъ Безпятому... Раскрой ему вочи! Ха-ха-ха! Нечего тебѣ, музыкѣ, зѣвать! Лей ему еще! Во... Его дѣло людецу веселить!

— Што не допиваешь, Ивановичъ?—кричалъ въ другомъ концѣ Миронъ.

— Да я уже, братецъ мой, доволенъ, говорилъ Ивановичъ. Моя голова хвораая. Постарѣла, килишки три пропустишь и уже затлумленье беретъ. Бывало и выпьешь и перепьешь, а назавтра—ничего, а теперь, коли и трапица гдѣ якую побутылку стиснуть, дыкъ послѣ и лидаикъ къ горлу подступать... во какое житье! Отпили свое съ молодости!..

Наконецъ, очередь дошла и до цимбалиста. Цимбалы совсѣмъ „пересохли“. Они, по замѣчанію гостей, идутъ „не тымъ трахтомъ—треба подмочить“. Подмоченное—не такъ скрипитъ. Свать Миронъ подошелъ къ цимбалисту и, сказавъ нѣсколько прочувствованныхъ словъ по поводу его „маркотной твари“¹⁶⁴), налилъ ему

чарку «съ верхомъ». Цимбалистъ безъ всякихъ отговорокъ опрокинулъ ее въ ротъ. Послѣ же второй и третьей махнулъ рукой: больше, дескать, пока-что не наливай,—и принялся за цимбалы.

„Подмоченная музыка“, по знаку хозяина, ударила кадрили. Молодежь во всѣхъ концахъ хаты зашевелилась. Въ такой же маленькій кружокъ вошелъ въ 1-й штрофѣ ¹⁸⁵). Пилимоновъ Терезка, прочіе похватили дѣвчачь въ одинъ мигъ. Кадриль на этотъ разъ танцовалась съ большимъ одушевленіемъ.

Гости между тѣмъ продолжали пировать, усердно угощая другъ, а иногда прибѣгая къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Такъ Ивановичъ, по предложенію „комлявого“ свата, поднялъ уже руку съ цѣлю опрокинуть рюмку своему сосѣду Курилъ Безпятый сначала отмахивался, а потомъ,—нечего дѣлать,—выпилъ, поцѣловался съ Ивановичемъ и высчиталъ даже родню черезъ сватулю „Банадыся“.

Бабы во время свадебнаго стола безпрестанно пѣли, а гости ихъ похваливали.

— Али-шь наши жоночки—вотъ пяють, дыкъ пяють! Откуль у ихъ што берецца! Не успѣють кончить одну, уже тянуть другую... Ти ни примочить вамъ горлычка?—слышалось съ разныхъ концовъ мужского стола.

Мужчины вообще были такъ хорошо настроены, что даже начали въ унисонъ подпѣвать бабамъ и въ видѣ финала въ концѣ тянули фистулой: у-у-у-о-о-о! Комлевый же сватъ размахивалъ въ тактъ руками и цибукомъ, крича не то басомъ, не то теноромъ:

„Вяселля наша—

„Хлѣбъ—каша-а-а-у-у!

Такое же одушевленіе стало находить и на танцоровъ. 6-я строфа заставила публику разжаться въ стороны, при чемъ спины затрапезниковъ отъ напора

зрителей согнулись въ дугу. Кавалеры поднимали высоко руки своихъ дамъ. Они летали безо „всякой уваги“, задѣвая каблуками за ноги и нанося удары тѣмъ, кто не успѣвалъ отхинуться. Когда же на смѣну „кадрыля“ явился «ицыкъ», то болѣе слабѣйшая публика постаралась ретироваться на полаты, на печь, другіе спѣшили выбраться «на свѣтъ Божій», причемъ большія усилія употребляли, чтобы вырвать полы козюховъ и армяковъ изъ плотныхъ рядовъ публики. Юркѣ, по обыкновенію, принадлежала пальма первенства, хотя сильную конкуренцію составлялъ для него возвратившійся только «намедни» Янковъ солдатъ—Банадъсь. Банадъсь въ „ицыкѣ“ былъ даже болѣе эффектенъ. Точно также при ухаживаніи за дѣвчатами онъ умѣлъ „подойти“ къ нимъ совсѣмъ на иной манеръ, чѣмъ это дѣлалъ Юрка.

— Низвините, сказалъ Банадъсь, задѣвая старичка во 2-й части „ицыка“.

— Во лятить, якъ утрапѣнный ⁷⁶⁶), пробурчалъ сердито дѣдъ, наклоняясь къ землѣ и ища выбитую изъ рукъ пипку. Што ты людей не видишь?

— Низвините, дѣдушка, мы васъ не заглядѣли...

— Однако, еще можно пройтись... Позвольте Лукерья!.. Вы только съ Прохоромъ да Юркой почтеніе разводите... Мы давно знаемъ-съ, что вы до Юрки больше чести имѣете,—говорилъ онъ, обхватывая Лукерью и нападаая «со всего размаху» на Юрку. Юрка разогнался съ другого конца и „драгануль“ солдата въ плечи.

— Ай, я ужо не могу плясать,—говорила Лукерья, стараясь высвободиться отъ Банадъся.

— Ничево-съ. Вы, значить, другой ногой.

— Лукерья съ Банадъсемъ сцѣпилася,—толковали дѣвчата около печки: только и Юрка на Лукерью поглядываить... Во смѣху будетъ, коли подеруцца..

Юрка до всѣхъ лясы точить... А Лукерья ему съѣздила-бъ у рыло, потому не суйся до усѣхъ... Во што...

„Ицыкъ“ смѣнился „питкевичемъ“, и, казалось, танцамъ конца не будетъ. Кавалеры давно уже вытирали градомъ катившійся потъ и по временамъ выбѣгали на дворъ, чтобы потянуть „во весь духъ“ изъ ведра холодной воды...

Наконецъ, среди общей сумятицы поднялся бабскій крикъ, что „ужо третіи пѣтухи спѣвали“, пора дятюка на посадъ садить.

Женихъ, сидѣвшій въ то время въ истопкѣ, думалъ тяжелую думу: «Вотъ ина женитьба!.. Живешь—живешь, оженишься, ну во табѣ и жизнь... Бросайся куды хошь... Ты, знацца, кричать, а мое дѣло ни тое, ни сѣе»...

Услышавъ, что бабы собираются его „на посадъ садить“, Пилипъ сильно взволновался.

Къ жениху вошли всѣ гости, налили воды въ кружку, а также и ему на руки ¹⁶⁷). Процессія начинается, медленно двигается въ хату, предшествуемая музыкантомъ, со всѣхъ силъ игравшимъ, соотвѣтственно данному моменту, какой-то грустный маршъ; за музыкантомъ слѣдовали шафера Юрка и Панасъ, дальше шли отецъ съ матерью, за ними мушины и бабы, сидѣвшіе раньше за столами. Въ хатѣ Пилипъ сѣлъ за столъ, по обѣ стороны его сѣли шафера.

Бабы запѣли:

1-й хоръ. Летѣла зязюля черезъ садъ:

Часъ табѣ, Пилипка, на посадъ.

2-й хоръ. Што табѣ, зязюля, до того:

Ай рано-рано до того.

Ёсь у мене татуля на тое

Ай рано-рано на тое...

„Жалобная“ пѣсня начинается разстраивать Пилипа. Онъ все болѣе и болѣе становится „сумрачнымъ“.

Голова его постепенно опускается къ столу, и вдругъ послышались всхлипыванія. Пилипъ утираетъ слезы рукавомъ, плечи его вздрагиваютъ, волоса сползаютъ на лобъ. Въ публикѣ водворяется тишина. Каждому упало на сердце нѣчто „маркотное“. Старики вспомнили свою молодость и потупились. У нихъ показались слезы на глазахъ. Дятюки и дѣвчата перестали шутить и смѣяться.

„Собирайтесь, претили,—загѣли бабы, приглашая этимъ гостей на подарки жениху:

„Близкіи-далекіи, запечныи, заплечныи,

„Да и дарите Пилипку, дарите,

„Братитки по червончику,

„Дядечки по рубельчику,

„Татка зъ мамкой—хлѣба-соли!..

Подошли отецъ съ посаженою матерью съ хлѣбомъ-солью ¹⁶⁸⁾. Отецъ прослезился, благословилъ сына маленькой, закопѣлой иконой, снятой съ краснаго угла и передалъ его матери.

— «Дай же тебѣ, Боженька, что найлѣпи!—сказала Кулина, поднимая припавшаго къ ея рукѣ Пилипа и цѣлуя его: дидятко мое, Пилипка!.. Не плачь же, мой любый!.. Безъ мамки родной? Дыкъ што-жъ! Коли Богъ пошлетъ... будешь жить не хуже людцеу... Не сподѣвайся ¹⁶⁹⁾, на мои дары, а самъ заробляй... Доуга не засыпай, рано уставай!..

— И чего ёнъ такъ заливаицца, толковали бабы; кажись свадьба ни икая-нибудь... и Ганка не пуцяшная дѣука!..

— Да кажиный отъ молодыхъ лѣтъ не хочить отставать, говорила Прокопиха.—Пилипка хоть и не лайдакъ ¹⁷⁰⁾, одначѣ любіу по игрищамъ походить...

— Подходите, гостики,—приглашала между тѣмъ гостей посаженная мать.—Кладите на его здоровье во у ету миску...

И какъ среди вихря, который шумить, рветъ, бушуетъ, вдругъ все на минуту стихаетъ для того, чтобы потомъ съ большей силой вырваться на просторъ, такъ и послѣ жалобнаго вздоха „молоденца“ ¹¹⁾ послѣдовало громогласное пѣніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и изба во всѣхъ углахъ отласилась „галдѣньемъ“.

Въ толпѣ началось движеніе. Руки полѣзли въ карманы. Старики вынимали изъ-за пазухъ „капшукі“ и долго рылись въ нихъ, стараясь отыскать мелкую монету; молодежь развѣртывала армяки или шарила въ карманахъ самотканыхъ брюкъ, раскрывала новомодные съ «масяндзовыми» замками кошельки и крѣпко держала вынутую монету въ рукахъ, ожидая очереди „дарить молоденца“. Посыпалась мѣдная денга въ глиняную тарелку. Сначала отдали свою лепту старики, затѣмъ, прячась другъ за друга и жеманясь, стали выходить и молодые. Каждый боялся, чтобы не осудилъ его копейки „чужій глазъ“.

Федоръ стоялъ около стола и подносилъ налитую рюмку каждому изъ гостей. Гость выпивалъ, кланялся «молоденцу» и цѣловался съ нимъ. Ряды выпившихъ отходятъ назадъ, утираются, чихаютъ и пропускаютъ „свѣжихъ“.

— Подходите, гостики дороги, уговариваетъ посаженная мать: не соромтесь .. сами по сабѣ, якъ у кого якіи достатки!..

Бабы, замѣчая, что гости дарятъ очень скупо (а нѣкоторые совсѣмъ ограничиваются однимъ грошомъ), начинаютъ пѣть скороговоркой:

„Хто не будить—дарить,
Того будимъ доить—доить...
Да у вяликое судно,
Да у новое ведро“!..

Но, не смотря на неоднократные бабскіе призывы, публика не расчувствовалась, напротивъ замѣчалось

даже нѣкоторое поползновеніе (по преимуществу со стороны незваной публики) воспользоваться даровой водкой. Такъ, Василь Чубатый нѣсколько разъ подходилъ изъ толпы къ столу и получалъ порцію, опуская по одному грошу ¹⁷²).

Часа два длилось „даренье“. Мужчины начали „гамонить“, что пора „молодца до молодой везти“.

Федоръ началъ отпускать „отчепного“.

Къ невѣстѣ ѣхать нужно „самъ-семь“. «Дружину» жениха составили: комлевый свать Миронъ и его помощникъ—Ивановичъ, два шафера—Юрка и Панась, шаферка и музыкантъ съ цимбалистомъ. Миронъ въ 10-й разъ, прощаясь съ Федоромъ, получаетъ послѣднія отъ него наставленія. Онъ явится, какъ увидить дальше читатель, истолкователемъ отцовскаго настроенія, по отношенію къ невѣстѣ и ея родителямъ,—онъ будетъ угощать тестя, тещу и всѣхъ его гостей.

Вотъ сваты одѣлись, перетянулись поясами съ кутасами, запрягли лошадей и послѣдній разъ „прихинулись“ къ столу—выпить „отчепного“. Теперь Кулина скомандовала, чтобы Пилипова дружина обошла кругомъ стола три раза. Гости, куляясь и спотыкаясь, съ трудомъ пролѣзли около лавки, около окна, и, по знаку хозяйки, перекрестились и начали прощаться. Цѣловались, кланялись, обнимались на разные манеры. Федоръ принесъ условленное количество водки для „выкупа невѣсты“ ¹⁷³).

— Ты-жъ, сваточекъ, вяди тамъ порядочки, якъ для своего сынка,—говорилъ Федоръ, цѣлуя Мирона... Вотъ табѣ боченочекъ для ихъ, значить. А ету бутылочку—тисни у запазуху... Ну, во... Вѣдайшь самъ, что усякіи причины на дорогѣ случающа... Ну, по чарки раскинь... Гэто то-жъ отъ старикоу вядецца... Опять, ежели на устрѣчу якое што, згукай тамъ полѣпи...

Сваты съ пѣснями и „гойканьемъ“ вышли изъ хаты, взвалились на телѣги и ихъ безконечное: „у-у-у“! слилось съ пронзительнымъ завываньемъ маленькихъ колокольчиковъ. Кони рвутся изъ всѣхъ силъ, а „поѣзжане“ ихъ изъ всѣхъ силъ подстебываютъ.

Миронъ кричалъ свадебныя пѣсни на разные лады и, когда горло стало хрипнуть, толкнулъ своего „подмогайлу“.

— Што ни пнешь, Ивановичъ,—не весель?.. Во сичасъ... будемъ у молодой... тамъ разгукаисся!

Но не успѣли сваты спуститься за опушку лѣса и вѣхатъ въ деревню Крыжаницу, какъ вышли изъ-за угла два парня и закинули жердочку. Нечего дѣлать: пришлось „выкупиться“. Раздалъ имъ Миронъ по рюмкѣ и уже стегнулъ было своего коня, какъ вдругъ прибѣжали съ гумна три старичка, которые и докончили Миронову бутылку. На эту церемонію сбѣжались посмотрѣть и ребята, накинущія наскоро батькины полушубки. Издали бѣжали двѣ молодицы крича: «ай, сваты, сваты!»

Миронъ послѣ десятой рюмки опять стегнулъ своего копыта, толпа разступилась, и бабы такимъ образомъ не успѣли даже хорошо разглядѣть «якій-такій молоденець». Сваты мчались быстро, но въ концѣ улицы опять—рогатка! Левонъ, что съ гузомъ на лбу, заложилъ жердину и стоялъ, поглаживая бороду, вполне увѣренный, что ему сейчасъ должна попасть „чарка“. Конечно, сватамъ и спорить не приходилось: Левонъ—чаровникъ, да при томъ еще умѣетъ „заговаривать“ и „отговаривать“. Миронъ, чтобы избѣжать какихъ-либо непріятныхъ инцидентовъ „отъ нечистой силы“, вылѣзъ изъ тѣлеги и подобострастно сталъ съ нимъ раскланиваться, наблюдая, куда чаровникъ направляетъ „бѣльмы“¹⁷⁴). Чаровникъ опрокинулъ три рюмки и, поблагодаривъ сватовъ, отложилъ жердь.

Деревня Кривулино, гдѣ, какъ знаетъ читатель, ожидаетъ жениха Ганка, также жаждетъ выпить рюмку „отчепного“. Здѣсь орудовала Николаиха. Она и жердь заставляла, и мужа ругала, что онъ такъ долго лапти обуваетъ.

— Вотъ копаисся, а сваты и проѣдутъ, говорила она, набрасывая платокъ.

Но представьте себѣ отчаяніе всѣхъ деревенцевъ, когда Миронъ неожиданно умудрился проѣхать около бани, прямо на Трофимовъ дворъ. Николаиха осталась „на бобахъ“ и чуть горшка на мужниной головѣ не побила. Въ сердцахъ она до снѣданья не пила—не ѣла. Думала „натошакъ“ чарку выпить, а вмѣсто того получила взбучку отъ Сидорихи и Левоники.

— Благая кабета!—кричали эти бабы со своихъ дворовъ.—Брешишь безъ путя... И дѣло сонсувала, и сама теперь якочить! А Левонъ мой кинуу токъ... Бѣгъ, бѣгъ... а тымъ часомъ свиньи у токъ... Во ина надѣлала чаго! Кабъ ты такъ вѣкъ якотала!

Ш.

Въ Трофимовой хатѣ шло веселье по тому же „установу“, какъ и у Федора. Собрались „званные“, привезли свои гостинцы, затѣмъ нахлынула толпа молодежи, начались танцы, пошелъ дымъ коромысломъ.

Веселье зачиналъ и „билъ пироги“ Прокопъ Селедецъ. Послѣ того, какъ онъ громко пропѣлъ:

Божа слау, Божухна

Всяляля играть!

Да чіе-жъ, да чіе-жъ,

Да Ганулькино!..

Гости сѣли за столъ, и вся публика со вниманіемъ выслушала пропѣтую бабами на два хора пѣсню, въ которой высказывалось, что тяжело Трофиму разставаться со своей дочерью.

„Радуйся сердечко Трахимково,
Отдаючи, справляючи вясельяка Ганулькина.

— Тады мое сердечко радовалася,
Якъ мое дитятко годовалася;
Теперь мое сердечко злягнулося ¹⁷⁵),
Якъ мое дитятко склонилося,
Теперь мое сердечко засмучено ¹⁷⁶).
Якъ мое дитятко заручено“.

Трофимъ слушалъ причитанія бабъ, опутивъ голову и держа бутылку въ рукахъ.

— Слухаючи васъ, бабки, сказали онъ, когда тѣ кончили пѣть, ажъ въ глазахъ потемнѣить... одна жалость... Гостики любви! Просимъ васъ: пейте, гуляйте... Бабки-голубки! Веселите гостей моихъ званыхъ!.. Проконка, мой любимый сватокъ! Пей первую чарку!.. Усизь васъ—съ Силядцоу—добрыи людцы!

Прокопъ выпилъ и «погналъ» чарку по направленію къ музыканту, сидѣвшему около окна. Отъ окна, черезъ Терезку Безрылаго, рюмка перешла на бабскій столъ. Здѣсь Рыпина Криворотая, послѣ второго „примусу“, начала на новый мотивъ пѣсню, которую подхватили во весь голосъ прочія бабы:

„Ай нѣту-нѣту Ганульки у домѣ:
Ай рано-рано Ганульки у домѣ:
Пошла Ганулька до Господа Бога
Мамульку просить...

Ай, Божа, Божа, прошу у вяселья
Хоть самъ не пойдешь, пусти мамульку.
— Я и самъ не пойду, и мамульку не пущу:
Твоя мамулька у зямлѣ глубоко,
Твоя мамулька за тремя замками,
Первый замочекъ—желтый песочекъ,
Другій замочекъ—травка-муравка.
Третій замочекъ—гробовы доски ¹⁷⁷)...

Подошла къ Рипинѣ Вовчиха, сестра Ганки, (замужемъ за Федосомъ Вовкомъ), и стала просить ее, чтобъ не пѣть больше такихъ „жалобныхъ пѣсенъ“: молодая „вочки выплачить“, а гости „головки повѣсютъ“.

— Нихай теперь и выплачицца... завсегда, коли, идя замужъ не выплачицца, замужемъ тое выплачить... во што!

Молодежь, между тѣмъ, танцевала до вторыхъ пѣтуховъ. Потомъ «посадили молодую на посадъ», благословили, дарили мелкой монетой, при чемъ бабы къ извѣстной „посадной пѣснѣ“ прибавили:

„Братитки (дарите) по рубельчику,

„Сестрицы по станочку ¹⁷⁸⁾,

„Теточки по рукавочку“...

Кончили «посадъ», одарили невѣсту. Сѣли опять за столъ—выпили, закусили, и бабы принялись «прибирать молодую до жениховой дружины». Невѣсту умыли, причесали, сплели волосы въ одну косу, надѣли „кваты“ (вѣнокъ изъ искусственныхъ красныхъ цвѣтовъ), прицѣпили къ нимъ кусокъ кисеи („вэлипъ“) и посадили противъ порога на скамейку.

Теперь постепенно стала утихать шумъ въ хатѣ. Всѣ гости стали прислушиваться: съ минуты на минуту должны подѣхатъ женихъ съ дружинниками.

Вотъ послышалось „гойканне“, и вбѣжавшій впопыхахъ парнишка закричалъ: „ужо-о-о!“ Дѣйствительно доносится и завыванье колокольчиковъ. Бабы стремглавъ выбѣжали на дворъ, заперли ворота и, вошедши въ хату, запѣли:

Да устережися, да убережися, Ганулька:

Ужо неволя посередъ поля...

— Да не устерегуся, не уберегуся женочки!..

Да у ласковой тещи стоять зять за воротами,

Снѣжкомъ придыливши ¹⁷⁹⁾, дождикомъ промо-
чивши.

— Тещухна, моя мамухна, ти ты мене на дворъ
пусти,

Ти ты мене дочкой дари!

— Зятюхна, дитятухна, ни я тебе на дворъ пушу,

Ни я тебе дочкой дарю.

У дворъ пустивши—надо честовати,

Дочкой подаривши—некому—слуговати!..

Въѣзжая на дворъ, Пилипова шаферка „зычнымъ“
голосомъ запѣла:

„Братитка мой родненькій!

Хвалиуся ты тещей своей.

Што посередь поля переймать будеть,

Ажъ подь воротичками настоялися,

Снѣжкомъ придылилися,

Дождикомъ примочилися...

Въ то же время въ хатѣ среди общей суеты была
слышна пѣсня совсѣмъ иного рода:

Застучали кованы коники

На дворе:

Замкнулася молода Ганулька

Въ комору.

— Выйди, выйди, мамухна,

Откажи!..

— Якъ я могу, мое дитятко,

Отказать:

Наѣхали ты бояры—

Што узять!

Послѣ этой пѣсни наступила пауза. Дружина Пилипова стала прилаживаться, чтобы войти въ хату „якъ слѣдъ быть“. Сватъ Миронъ взялъ за руку жениха, женихъ—дружка, дружокъ—Ивановича и такъ гуськемъ вошли всѣ поѣзжане, переступили порогъ сѣней, медленно отворили дверь хаты и столпились позади „комлявого“ свата. Миронъ переступилъ порогъ хаты, и всѣ гости Трофимовы и сама невѣста встали и насторожились.

Миронъ откашлялся, разгладилъ бороду, чихнулъ и началъ „мовить рацію“¹⁸⁰⁾.

— „Нехть бэнде похваленный“, — началъ онъ, низко кланяясь и обводя гостей пытливымъ взоромъ:

Баранъ сивый, верхъ зеленый!

Стихните дудки, стихните голубки,

Стихните и вы, жоночки-лебедочки!

Не для насъ самихъ, а для Господа-Бога и Духа Святого...

Пане свате, ти ёсть ты у хати?

Коли есть, отзовися у своемъ домочку,

Якъ пчелиная матка у медочку...

И прошу, пане свате, хлѣба-соли узяти

И насъ на дары Божіи позвати,

Штобъ попить, поѣсть, погулять, побесѣдовать,

Пана младого завести за тесовы столы,

За шелковы брусы¹⁸¹⁾, за винныя чары, за Божіи дары.

И прошу, пане свате, етому дитяти

Благословенне дати,

Анельскимъ словомъ и niskимъ уклономъ.

Также просить панъ младый¹⁸²⁾ родную мать,

Которая тяжело носила, тяжелѣй того спородила,

Темной ночи не досыпала,

Ясныхъ свѣчъ не погашала.

Съ почѣпокъ¹⁸³⁾ ногъ не вынимала.

И прошу, пане свате, етому дитяти

Благословенне дати,

Анельскимъ словомъ и niskимъ уклономъ.

Еще просить панъ младый родную бабку,

Которая при роду бывала,

Съ сырой земли поднимала,

Всякую нечистоту отъ тѣла отчищала,

Съ синяго моря, изъ-подъ бѣлаго

Камня воды достала

И въ той водѣ купала,

Въ тонкія пеленки сповивала.
И прошу, пане свате, етому дитяти
Благословенне дати...
Тожь просить пань младый своего крестнаго
татку

И свою крестную матку,
Которыи подь крестъ подносили,
У хрестьянскую вѣру уносили,
До церковныхъ успѣвающихъ,
До звоновъ звеняющихъ подносили.
И прошу, пане свате, етому дитяти и проч.
Тожь просить пань младый
Паню и панятокъ и малыхъ ребятокъ
Отъ кута то запечка—усякаго челоувѣчка,
И тыхъ бабылокъ,
Которыи не мають ни коровъ, ни кобылокъ,
Што на сабѣ дровы носятъ
И тьи у Бога счастья-доли просятъ...
И прошу, пане свате, и проч.

Туть Миронъ раскланялся, растегнулъ кожухъ,
разгладилъ бороду, принялъ новую позу и началъ шут-
ливымъ тономъ:

Ахъ, ти вѣдайшь, пане свате,
Вхали мы по мхамъ, по болотамъ,
И пріѣхали къ сватнимъ воротамъ;
А сватній бабы якъ сороки,
Выбѣгли и зачинили намъ ворота!
Мы чиста посклели-бъ ¹⁸⁴).
Коли-бъ своей горѣлки не мѣли-бъ;
Вотъ мы стали свою горѣлку распивати,
А евоныя бабы стали пияти.
Яны пияли-пияли,
Яны хотѣли, кабъ мы имъ
Горѣлки своей дали;
Но яны ать насъ такой ласки не достали
И мы имъ своей горѣлки не дали.

Яны съ большого стыда
Побѣгли, хто куда!
Ажъ видимъ: идетъ свать криворотый,
И мы рады стали и въ дуду заиграли.
Во и взѣхау я, Антонъ, Андронъ,
И зовуть насъ у сѣни;
Переступіу я порогъ,
Гляжу,—ляжить табаки рогъ...
Я узяу, подняу, понюхау
И сватняго порядку послухау:
Ажъ правда—у сватней хати
Порядокъ, якъ у людей...
Гляжу, нясетъ сваття-Настя наметки,
Али троху коротки.
Я на гэта не уважау.
Узяу наметки подпиризау.
И вижу нясетъ свать-Игнатъ
Бутылку горѣлки,
А сваття-Настя сыръ на тарелки.
А сватніи дѣуки
Глядятъ мнѣ прямо у зрѣнки ¹⁸⁵).
... Ажъ зовуть насъ у хату.
Мы стали протіу печи,
Ти ня чортъ ее гоняу
Хозяйку коло печи,
Коли дасъ мнѣ кочергой у плечи!
Мы отошли и стали протіу полу ¹⁸⁶).
Коли выскочіу господарь ¹⁸⁷) з-за столу,
Коли дасъ нашему дудару
Подъ самую бороду!..
Вотъ мы и дадимъ шаферкамъ
По три гроши,
Што яны хороши,
А надкосникамъ ¹⁸⁸) рубъ за косу,
Што ни пускали сестры по лѣсу...
Прошу, пане свате, забачить ¹⁸⁹),

Што не ум'ю боли рачить:
Їхау, ѣхау коло плоту,
За плоть зачашіу,
И рацію сгубіу.

Произнесши р'чь, Миронъ раскланялся и началъ перешептываться со своей компаніей. Между т'мъ публика пришла въ восторгъ отъ ораторскаго искусства Мирона. „Во Миронъ, слышалось въ разныхъ концахъ хаты: отрачіу, ёсь што послухать!! И покойникъ Язэпъ-Цвыркунъ того не сказау бы“...

Миронъ ухмылялся, но принималъ однако знаки одобренія совершенно равнодушно. Онъ стоялъ еще на перепутьи, и хозяйка долго упрашивала: „прошу, гостики дорогіе, поближе... прошу“! Миронъ „дзяковалъ“, но не двигался впередъ. Наконецъ, онъ подошелъ къ скамейк'ѣ, на которой сид'ѣла нев'ѣста, и преподнесъ посл'дней цв'токъ, который былъ приколотъ у жениха. Шаферки нев'ѣсты взяли зтотъ цв'токъ, благодарили Мирона и послали цв'токъ молодому отъ нев'ѣсты. Миронъ торжественно преподнесъ зтотъ цв'токъ Пилипу и приколотъ къ правой сторон'ѣ его груди.

Только посл' этого вся дружина переступила порогъ и потушила головы.

Аксинья, съ которой познакомились читатели еще на „выглядинахъ“, явилась, какъ посаженная мать, „витать“¹⁹⁰) жениха. Она вышла изъ-за печи въ кожух'ѣ „вверхъ космат'емъ“. Въ рукахъ ея была бутылка съ медомъ.

— Иди-жь поскор'ѣй, Ивановна, понукала ее Рыпина: иди гостя любаго витай... што-бы послалъ Богъ усяго добраго вашимъ любымъ д'ѣткамъ...

Аксинья подошла къ дружин'ѣ молодого и начала сыпать на нее хмелемъ, приговаривая:

— Дай-же, Божухна, нав'ѣки усяго найл'ѣпшаго!..
Шаферка Пилипова зап'ѣла:

Тихо, сваты, идите,

Теремовъ не ломите,
Теремочки сосновые,
А брусики шелковые,
А кубочки золотыи,
Полно пивомъ налчтыи.
Расхинитесь, жоночки,
Дайте поглядѣть, братовочки,
Якъ ина ¹⁹¹⁾ прибрана,
Дѣ ина посажена?
У моей братовочки,
Золотая головочка,
Прибрана, якъ паненочка,
Посажена, якъ сироточка.

Послѣ этого молодой, въ сопровожденіи посаженной матери, идетъ къ невѣстѣ, склонивается передъ ней, и мать передаетъ ему руку дочери. Въ публикѣ стало замѣтно движеніе. Всѣ отодвинулись отъ стола. Насталъ моментъ, когда Пилипа съ дружиной „чествовать“ будутъ. Молодежь начала расходиться, старики заняли нары, ребята растянулись, гдѣ попало и уснули богатырскимъ сномъ. А вотъ около печи съежился одинъ изъ танцоровъ, пригнувъ ноги въ уголь, протянулъ къ припечку руку и отдалъ себя въ объятія Морфея, несмотря на то, что прихинувшійся около него дѣдушка неоднократно отодвигаетъ его голову къ печи, а хозяйка, поднося кушанья къ столу, задѣваетъ его локтемъ по лицу.

Вотъ дружину стали просить за столы „зализать“. Обошли молодые „по старосвѣтскому установу“ вокругъ стола три раза, перекрестились и усѣлись въ установленномъ порядкѣ: въ углу, подъ божницей Миронъ, около него шаферка, затѣмъ молодые, дальше шафера Пилипа—Юрка и Панасъ и на концѣ стола музыкантъ Захвей Сусоль и, наконецъ, цимбалистъ Якубъ Шурлыга.

Трофимъ принесъ водки и сталъ упрашивать гостей „погрѣться“ послѣ трудовъ, попить, поѣсть, погулять. Музыкантъ заигралъ, цимбалистъ „отбивалъ“ веселля. За столомъ поднялся „гуль“. Миронъ все мѣры употреблялъ, чтобъ за столомъ было «шумнѣй», чтобы все гудѣло, играло, пѣло, чтобы молодымъ на душѣ веселѣй было. Поэтому онъ острилъ, шутилъ и вызывалъ на разговоръ даже тѣхъ, которые стояли около печи. Музыканты тоже выбивались изъ силъ. Имъ теперь нужно было не только играть, но и подпѣвать, или вѣрнѣе „гойкать во вею мочь“. И музыканты гойкали, свистали или просто тянули у-у-у!

Бабы также начали пѣть во всю мочь, при чемъ голоса ихъ не подчинялись тону музыкантовъ, что однако, нисколько не смущало гостей, напротивъ, лица ихъ оживлялись, глаза горѣли.

Среди общаго шума, гойканья, свиста, безконечныхъ упрашиваній „покаштовать“, выпить, погрѣться, среди плача двухъ проснувшихся за печью ребятъ, среди ругательствъ, которыми осыпали другъ друга проснувшійся танцоръ и сидѣвшій рядомъ съ нимъ дѣдуля, выдѣлялось громкое завываніе бабъ.

Залетѣли гуси,—пѣли онѣ,
Да съ золотой Руси,
Сѣли-пали на криницы,
Стали воду пити,
И крылками по льду бити...
Бити—не бити, льду не пробити...
Воды не пити.
Наѣхали гости съ чужой волости,
Сѣли яны на застолинку.
Стали яны медъ-вино пити,
Кубочками объ столъ бити,
Бити—не бити—вамъ кубочковъ не побити,
И вина нашего не попити.

Пилипова шаферка въ тонъ прочихъ начинаетъ скороговоркой:

Ай нѣту, намъ нѣту
Отъ свата привѣту,
Сватъ приглядаить,
Столба не минаить,
Сватя приглядаить,
Полойника не кидать.

Хотя гости за ночь и сильно переутомились и давнымъ-давно уже „перепрѣли“ и лица ихъ красны, влажны, глаза „слипаются“, головы склоняются къ столу, однако, они все усилия употребляютъ, чтобы не показаться „маркотными“, и когда разговоръ обрывается, комлевый сватъ начинаетъ гомонить, бабы кричатъ, музыка заиграетъ, хозяйка начинаетъ кланяться, спрашивать.

Послѣ кванянины, юшки, печенки—гости стали послѣдній разъ обгонять чарку. Хозяйка въ видѣ десерта принесла „на закуску“ капусту и, поставивъ мису посреди стола, запѣла:

Бшьте, гости, капусту.
Наша капуста тлуста ¹⁹²),
Мы муху доили,
Капусту бѣлили.

Солнце взшло и понемногу лучъ его сталъ проникать въ узенькое оконце Трофимовой хаты.

— Бшьте, сваточки, —уговариваетъ гостей Акусинья.—Не обидьте, гостики любьи... Капустки на дорожку!..

— Да ужо спасибо, хозяйка!.. Надо намъ ужо ворошица ¹⁹³),... говорилъ Миронъ. Чули, што нашъ попъ казау: позараньше...

— Да ты, Миронъ, не спѣши: за гроши хоть хто повѣнчайтъ,—отозвался кто-то изъ гостей.

— Мы ета вѣдаимъ... Повѣнчайте, да облаить, набрешить...

— Скорѣй допивайте гѣту бутылочку, сваточки, уговариваль Трофимъ, грѣйтеся на дорожку!.. Гони, дядька, рюмку къ Мирону...

— Да пей ты усю, моя зязюлька... Во--такъ!.. Теперь къ дѣдулѣ гоните... Теперь къ Мирону... Ентъ больше усѣхъ за ету ночку натрудіуса!.. Аксиныя, ты тамъ бабѣ приглядай, што яны у тебя заскучаліся?.. Набирайтеся, бабки, побольше... До шлюбу ¹⁹⁴) пѣсенекъ наготуйте... Гостей добрымъ словомъ съ хаты ви-тайте!..

Стало солнце изъ окна на лавку переходить, стала хозяйка огонь разводить въ печи. Курная хата постепенно стала наполняться дымомъ, стали гости «высовываться» изъ-за стола. Они обнимали хозяина, цѣловались съ нимъ и отыскивали свои поясы и палки.

Кони, привязанные около изгороди, давно уже съ нетерпѣніемъ поглядывали на домъ, гдѣ пировали ихъ хозяева. Они постукивали копытами, махали хвостами и наклоняли головы къ землѣ. Давно уже они старались разрѣшить вопросъ: почему это такъ безсердечны къ нимъ сегодня ихъ хозяева? Столько имъ пришлось принять незаслуженныхъ ударовъ, столько разъ ихъ для потѣхи хозяева «кружили по дорогѣ», заставляли бѣжать «во всю прыть», сломя голову и, несмотря на это, до сихъ поръ на нихъ никто не обращаетъ вниманія, до сихъ поръ приходится имъ переносить «стюжу», до сихъ поръ кромѣ «охапка» сѣнца, подброшеннаго «на скорую руку», на Ѳедоровомъ дворѣ ничего не попало въ ихъ голодный желудокъ. «Неужели, думаютъ маленькіе копшучки, шаря мордами по голой землѣ, мы отказывались когда-нибудь отъ работы! Кажется землю ихъ подняли, запахали, сѣнцо свозили,

съ полей убрали, да кромѣ того дровъ навозили... Трудимся, изъ силъ выбиваемся, а сѣна не даютъ, на водопой не сводятъ... Вотъ оно житье наше, лошадиное“!..

Заслышавъ новый шумъ, вылетавшій изъ хаты, лошадки встряхнули головами, „наострили“ уши: вотъ, дескать, когда къ намъ идутъ!

Гости однако не могли все еще распрощаться съ Трофимомъ. Дѣло въ томъ, что невѣстины „надкосники“ потребовали выкупа за косу невѣсты. Когда гости вышли изъ-за стола, то они удержали невѣсту, поставили надъ ея головой глиняную миску ¹⁹⁵⁾ и пригласили Мирона и его дружинку „раскошелица“. Начали гости раскошеливацца: развернули полы, достали „копшучки“, кошельки, и мѣдная монета зазвенѣла, падая въ миску.

Бабы запѣли:

Зароди, Божа, братняго жита,
Въ поли по колосочку,
Растратавъ русу косу,
По плечкамъ по волосочку.

Когда руки съ мелкой монетой больше не протягивались къ мискѣ, надкосники принялись считать собранныя деньги. Они разложили ихъ по кучкамъ — по 3 коп., по 2 к.—и, такъ какъ установленнаго количества не хватало, то надкосники отодвинули деньги къ краю стола, объявивъ, что за такой выкупъ они не выдадутъ невѣсты.

— Да досать будить, сваточки, кричали пьяные голоса гостей: мы столько переѣхали, истратились, дорога большая!

— Што вы надъ нами насмѣхаетесь, возражали, шутя надкосники, отодвигая деньги къ самому краю стола. Што мы до етихъ денегъ дожили!.. Поглядимъ, якое веселя будить у васъ, коли мы не поѣдимъ!..

И надкосники стали вылѣзать изъ-за стола, угрожая, такимъ образомъ, разстроить свадьбу.

Что было дѣлать? Миронова дружина „насупилась“, хотѣла вступить въ новыя словопренія, но, замѣтивъ, что Пилипъ даетъ знакъ покончить дѣло миромъ, снова полѣзла за грошами и развязала даже „носатки“¹⁹⁶⁾, въ которыхъ было нѣсколько копеекъ... Снова полетѣли копейки въ миску, снова надкосники сосчитали...

Теперь итогъ удовлетворилъ ихъ. По случаю благополучнаго исхода „выкупа“ молодой, всѣ выпили по рюмкѣ, затѣмъ отодвинули столъ и обошли вокругъ него три раза, причемъ сватъ Миронъ зацѣпился за скамью и упалъ на землю, растянувшись „крыжемъ“. Публика расхохоталась.

— Нѣшто комлявый сватъ зараня¹⁹⁷⁾ на ногу закульгау... Еще усѣ веселія напереди,—замѣтилъ Юрка, ухмыляясь.

По случаю этого паденія Мирона снова выпили по рюмкѣ.

Теперь посаженная мать благословила Ганку подъ вѣнецъ, и сваты наконецъ двинулись къ порогу.

Бабы зашѣли:

До шлюбу¹⁹⁸⁾ Ганулька, до шлюбу,

Коли табѣ мамулька не люба.

Стала Ганулька подъ вѣнцомъ,

Чесала косыньку гребенцомъ.

Кинула гребенець подъ вѣнецъ.

А русу косу подъ чепецъ.

Сваты вышли на дворъ, „нарахтовали“ коней. Бабы провожали жениха и невѣсту на дворъ, крича во весь голосъ: „до шлюбу“. Когда же все было готово къ отѣзду, посаженная мать взяла въ полу кожуха овса и, обышая имъ гостей, приговаривала: „дай жа, Боженька, вамъ што найлѣпи!“.

Но вот первая телѣга тронулась, за ней другая, третья, и вскорѣ гости съ пѣснями и гойканьемъ выѣхали за ворота.

Аксинья залилась горячими слезами по своей „дитятюхнѣ-Ганулькѣ“.

IV.

Уже кончилась заутреня, когда свадебный кортежъ загремѣлъ около церкви. Оглушительное завываніе колокольчиковъ ворвалось внутрь храма и заставило богомольцевъ поворотить лица къ окнамъ, чтобы разглядѣть поѣзжанъ.

Лихо мчались кони; гремѣли телѣги по замерзшей грязи. Сваты подѣхали къ церковной караулкѣ и съ трудомъ выгрузились изъ повозокъ. Миронъ первый подскочилъ къ молодымъ и сталъ обчищать ихъ спины отъ грязи, затѣмъ поправилъ перевязанное черезъ плечо полотенце, очистилъ грязь отъ сапогъ. Филиппъ и Гануля выглядѣли очень грустными, угрюмыми. Казалось, они только сейчасъ поссорились другъ съ другомъ.

Миронъ, хотя былъ и сильно слабъ на ногу, однако жъ твердо держалъ порядокъ въ дружинѣ. Прежде всего онъ рѣшилъ не допустить въ церковь сильно охмелѣвшаго Прокопа Селедца. Отъ Селедца можно всего ожидать, когда онъ въ „перепитомъ“ состояніи. Тогда его языкъ—„не тикавый“, да и на руку „мѣтокъ и силенъ“.

— Ну ты жъ лежи, Прокопка, покуль мы съ молодыми у церкви справимся,—говорилъ Миронъ, укладывая Селедца въ телѣгу.—Да тиху, што ты зипаишь?.. Не видишь—народъ и церква?

— А табѣ якое дѣло!—отвѣчалъ хриплымъ голосомъ Прокопъ.—Ежели я...

Но Миронъ зажалъ ему ротъ и началъ о чемъ-то шептать ему на ухо. Селедецъ щуриль глаза, улыбался и согласился, очевидно, на предложенныя условія. Онъ растянулся во всю длину телѣги, взялъ въ зубы „холодную“ пипку, задралъ бороду кверху и заснулъ, убаюкиваемый осеннимъ вѣтромъ, дувшимъ отъ озера прямо на караулку.

Проходившій мимо народъ снисходительно улыбался. Каждому не разъ ужъ приходилось видѣть Селедца въ различныхъ позахъ на кирмашахъ и на „банкетахъ“. и развѣвавшаяся въ воздухѣ его борода въ данномъ случаѣ никого не смущала.

Между тѣмъ поѣзжане, во главѣ съ Мирономъ, двинулись въ церковь, спотыкаясь, подкулыгивая и держась другъ за дружку, причемъ Миронъ инстинктивно хватался за правый карманъ кожухи, гдѣ „на всякій случай“ была спрятана полбутылка „спириту“.

Скрипнули заржавѣвшія завѣсы церковныхъ дверей, и винный духъ отъ сватовъ сразу „чихнулъ“ въ среднюю часть храма. Сваты стали чихать и утираться полами, громко переговариваясь и размахивая руками.

Старый батюшка ужъ не разъ бросалъ суровый взглядъ въ сторону сватовъ. Миронъ толкалъ тогда товарищей, чтобы они „ни того“, а дьячекъ грозилъ пальцемъ съ клироса.

Сваты тупо оглядывались по сторонамъ, „прихихнули“ къ стѣнѣ спицами, въ полголоса позѣвывали, переступали съ ноги на ногу и чувствовали себя очень неловко. Глаза ихъ потускнѣли, лица блѣдныя, вѣки усиленно мигали, къ горлу подступала икота, подъ грудьми стоялъ лидаикъ. Цимбалистъ Якубъ Щурлыга, явившійся къ вѣнцу въ качествѣ грамотнаго человѣка, склонилъ голову и сталъ „окуней ловить“. Миронъ отодвинулъ его въ уголь и поднесъ даже кулакъ къ носу, угрожая поколотить, чтобы только онъ, Щурлыга, стоялъ тихо, „якъ слѣдъ

быть“. Тогда Шурлыга прихинулся къ стѣнѣ и закрылъ глаза.

Вотъ кончилась заутрення, и батюшка сталъ срамить „безобразіе сватовъ“. Пилипъ, стоявшій впереди, сильно покраснѣлъ, потупилъ еще больше голову, съ укоризной посматривая на Мирона. Дружина пряталась другъ за друга, ожидая, что Миронъ скажетъ что-либо въ оправданіе, но у Мирона пересохло горло и измѣнилось краснорѣчіе. Онъ чмыхалъ и кашлялъ совсѣмъ неестественнымъ голосомъ, очевидно, для того только, чтобы скрыть свое смущеніе.

Дьячекъ же, когда кончилось батюшкино „казанье“, взялъ обыскную книгу подъ мышку, и направился изъ церкви въ караулку. За нимъ длинной вереницей потянулись сваты и прочіе богомольцы.

Въ караулкѣ всѣ столпилась около маленькаго столика, гдѣ была развернута книга брачныхъ обысковъ. Дьячекъ вынулъ изъ кармана замерзшую чернильницу и сталъ отогрѣвать ее около печки, а потомъ раскрылъ книгу и сталъ писать молча, изрѣдка только спрашивая: „какой деревни?“, — „какой волости?“. Переверотивъ же листъ на другую сторону, онъ сталъ требовать собственноручной подписи.

— Женихъ грамотный?—спросилъ онъ.

— Я за его,—отвѣчалъ Захвей Сусуль, подступая къ столу.

— Ну, иди, расписывайся.

— Могимъ,—промычалъ Сусуль, и, качнувшись всѣмъ корпусомъ, отчего столъ сильно наклонился къ окну, помахалъ нѣсколько разъ перомъ надъ книгой, поворотилъ на бокъ голову, скривилъ ротъ и сталъ выводить „Изохватъ Сусуль“.

— А ваша свадьба, видно, съ гукомъ,—сказалъ дьячекъ, оглядывая совершенно пьяныхъ сватовъ.

— Да, ништо сабѣ, панокъ... По настоящимъ годамъ и етаго хапайтъ... Ета не старецкіе годы!—отвѣчалъ Миронъ.

— У васъ же, слышно, шесть ведеръ брали.

— Да што расходы считать... расходау довольно. Во за вѣнецъ упакау пятерку... Опять же за заповѣди... сорокъ, кажись, копейкъ...

— Да это не мнѣ...

— Мы вѣдаимъ, што пану мало перепадеть. Али усе-жъ до расхода касаецца. За заповѣди батюшкѣ—сорокъ копейкъ, на сговоръ—матушкѣ, кусокъ наметки. А якъ у ихъ пошло на задоръ ¹⁹⁹⁾ зъ матушкой,—што пѣтушокъ не корыстный,—такъ пришлось Ѳедору и гусенку отнести... Да, правду сказать, и пѣтушокъ у замѣнъ не воротіуся... Теперь считай: коровой отнесли, водки середовой кварту... Усе возмѣтка съ бѣднаго мужика...

— Что-жъ ты считаешь всякіе пустяки... А сколько, скажи, вы пропили?

— Што мы пропиваемъ? Мы пьемъ, паночекъ, оттого, что уси пьютъ,—во што! Во не принеси горѣлки батюшкѣ,—и свадьба пойдетъ не тымъ трахтомъ,—не правду развѣ кажу?

— Ну, ладно, ладно... ты ужъ распустишь языкъ,—и царствію не будетъ конца... За невѣсту кто распишется?

— А вотъ—цимбалистъ,—сказалъ Миронъ, выдвигая изъ толпы самаго яраго грамотея.

Щурлыга сѣлъ на Сусулево мѣсто, разстегнулъ кожухъ, растопырился на всемъ столѣ и сталъ выводить „Щурлыга“, при чемъ послѣднія буквы „г“ и „а“ вышли изъ прямой линіи и зашли въ графу „поручителей“. При видѣ этой аномаліи, дьячекъ рванулъ перо изъ рукъ Щурлыги.

— Куда ты лѣзешь, ворона? Не видишь—тутъ поручители! А еще считаешься грамотеемъ... Смотри: какое ты „щ“, нарисовалъ! Это не «щ», а борона еловая!

— Вѣдомо, паночекъ, коло бороны ходимъ,—замѣтилъ, ухмыляясь, Моронъ...—Наше дѣло боли коло дровъ, да коло земли, а бумага диликатна; тутъ надо съ увагой...

— Да къ тому со свадьбы руки какъ грабли,—съ прониёй добавилъ дьячекъ.

Щурлыга потушился и не зналъ,—обижаться ему, или принять всѣ эти комплименты за шутку.

— Кто поручители?—спрашивалъ между тѣмъ дьячекъ, спѣша покончить съ обыскомъ, такъ какъ уже начали звонить къ обѣднѣ.

— Якіи поручители?—отозвался Юрка.

— А вы кто?

— Мы—Пилиповы братеники.

— Это все равно. А вы кто?

— Мы—невѣстины надкокники.

— Идите расписывайтесь.

— Низвините, паночекъ.. мы не наложены.

— Ну, просите расписаться.

— Просимъ васъ, цимбалистъ!

— Не надо больше цимбалиста... Еще куда-либо залѣзеть это ворона... Иди ты, Сусуль!

Сусуль расписался. Дьячекъ попросилъ „на зашыпку“ пеплу. Миронъ полѣзъ въ печку, копнулъ тамъ палкой и схватилъ уголь въ шишку, а жменю пепла высыпалъ на книгу.

— Ты бы ужъ лучше принеси полную полу,—недовольнымъ тономъ пробурчалъ дьячекъ, поспѣшно сбрасывая гору пепла, складывая книгу и направляясь въ церковь читать часы.

Поѣзжане отдохнули въ караулкѣ, подбодрились и пришли въ церковь къ „апостолу“. Они ступевались въ толпѣ, довольные, что теперь ихъ никто не замѣчаетъ. Позѣвывая чуть не во весь голосъ, почесывая поясницы, сваты ждуть—не дождутся, когда ихъ молодыхъ „отпоютъ“. Миронъ не разъ уже выходилъ изъ церкви, чтобы посмотрѣть коней, взглянуть на Селедца, который, какъ замѣтилъ онъ еще изъ окна церкви, къ этому времени проснулся, кричалъ, размахивая руками и ногами, требуя, чтобы выдали ему молодыхъ, иначе онъ (Селедецъ) безъ „усякаго усяго“ пойдетъ къ жидамъ, обогрѣется и „у веселія не поѣдитъ“...

— Потому,—слышенъ былъ его охрипшій голосъ,—якіи ета порядки,—лежать на колесахъ!.. на вѣтри!.. Коли табѣ дметъ у голову... Мнѣ молодыхъ дава-а-ай!

Миронъ принялся его урезонивать, увѣряя, что „молодыхъ скоро отпѣютъ“...

— А ты мнѣ сичасъ давай... А не хочешь—не надо... А мое поштѣніе Щурлыгѣ!

Миронъ развелъ руками: изъ церкви припелся Щурлыга и бросился въ объятія Селедца.

— А хула табѣ, Боже,—запѣли оба товарища.

Што наша удалося-а-а!

Попа ошукали,

Пару людей повѣнчали-и-и!

— Да тиху вы—духъ зъ васъ вонъ! Што вы горло дерете у пустое! Еще вѣнца не было, а яны ужо повѣнчали... Тиху, вонъ сторожъ махаить, што-бъ не пѣли!—кричалъ на нихъ Миронъ.

— А намъ якое дѣло! Чертъ ихъ усѣхъ бери! Нихай яны хоть у вирь, абы намъ пирь!—кричалъ Селедецъ, хватая за плечи Щурлыгу и скатываясь съ нимъ въ грязь, прямо подъ оглобли.

Миронъ бросился было поднимать товарищей, но

въ это время прибѣжалъ Захвей Сусуль и заявилъ что молодыхъ сейчасъ къ вѣнцу будутъ ставить, а безъ Мирона порядку нѣтъ. Миронъ поспѣшно оправилъ армякъ, подтянулся, подвязалъ съѣхавшее подъ мышки полотенце и побѣжалъ въ церковь.

Вотъ молодые вылѣзли изъ толпы, опустили взоры въ землю и медленно стали подвигаться къ аналою. Сторожъ махнулъ рукой, давая тѣмъ знать, чтобы сватя стлала подножникъ. Шаферка Пилипа перешепталась со сватей, моргнули обѣ Мирону; Миронъ шепнулъ что-то на ухо Панасу, Панасъ подошелъ къ Сусулю и вытащилъ у него изъ кармана кусокъ полотна и передалъ сватѣ. Сватя постлала полотно около аналая, и сплошная стѣна мужчинъ и бабъ придвинулась къ молодымъ, стараясь смотрѣть имъ прямо у „зрѣнки“.

Вышелъ священникъ, долго урезонивалъ бабъ чтобы онѣ не тиснулись, чтобы онѣ „хоть сколько-ни будь были бы похожи на людей“, указывалъ на близость престола, требовалъ, чтобы уходили лучше изъ церкви, чѣмъ зѣвать въ церкви...

Бабы немножко оттиснулись, даже машинально стали креститься, но вскорѣ опять придвинулись къ аналою. Мущины проявляли не меньше любопытства. Стоявшіе впереди надкосники и братеники употребляли большое усиліе, чтобы всей тяжестью не обрушиться на молодыхъ. Сторожъ, по знаку батюшки, сталъ отодвигать толпу къ стѣнѣ, безпрестанно повторяя:

— И якій вы ёсь народъ на свѣти, што у васъ уваги нѣтъ ни у чемъ!

Но вотъ обрядъ кончился. Молодые, окруженные своей свитой, поспѣшили къ телѣгамъ, гдѣ уже Щурлыга распѣвалъ: „До дому сваты, до дому,—поѣли коники солому-у“!

Поѣзжане усѣлись. Миронъ съ помощью Юрки сталъ поднимать Селедца изъ грязи. Въ это время вы-

шелъ изъ церкви сторожъ и сталъ махать рукой, подзывая Мирона.

— Водку—бутылку несите!.. Што это вы не отдали за вѣнецъ бутылки?

Но Миронъ уже взвалился на телѣгу и оттуда кричалъ:

— Ладно, братокъ, скажи батюшки, што за пять рублевъ не одну бутылку купить!

Я не буду останавливать вниманія читателя на томъ, какъ свадебный кортежъ неся въ Кривулино во всю прыть; какъ сваты, за исключеніемъ окончательно охрипшаго Селедца, выкрикивали на разные мотивы свадебныя пѣсни; какъ Миронъ пустилъ своего пѣгаго копшука „на перегонки“ съ копшукомъ Юркинымъ; какъ Панасова телѣга зацѣпилась за Селедцову колымажку; какъ послѣ того Селедецъ, растянувшійся во весь свой длинный ростъ, потерялъ равновѣсіе и упалъ въ канаву; какъ онъ (Селедецъ), погрузившись въ топкую грязь, призывалъ оттуда грома Перуна („кабъ тебѣ Перунъ спаліу!“) на голову Панаса и его сродниковъ, какъ наконецъ, Панасъ съ помощью Юрки взвалилъ Селедцово тѣло на телѣгу и сталъ догонять умчавшихся впередъ товарищей. Всѣ эти подробности, думаю, знакомы читателю. Однако жъ я долженъ упомянуть еще, что сваты немножко своротили въ сторону прежде, чѣмъ пріѣхали въ Кривулино. Не думайте, однако, что они замѣтили рогатку или испугались чаровника. Сватамъ просто захотѣлось—„покуль што“—промочить горло, и они заѣхали къ Хаськѣ,—той самой Хаськѣ, которая умѣетъ выручать мужичка „въ минуту жизни трудную“,—въ тѣхъ случаяхъ, когда «винополія передъ самымъ носомъ двери затворяетъ». Хаська изрядно угостила поѣзжанъ и даже похвалила ихъ

„за хоросаво пѣсни“. Въ компанію сватовъ неожиданно затесался и вышеозначенный Левонъ чаровникъ, который, безъ сомнѣнія, залетѣлъ сюда, потому что „нечистая сила всегда вѣдаить, гдѣ якое што“. Левонъ на этотъ разъ былъ очень милостивымъ къ молодымъ. Онъ нѣсколько разъ цѣловался съ Пилипомъ, хлопалъ по плечу Мирона и нѣсколько, повидимому, не сердился на Селедца, который часто называлъ его (Левона) „чертовой лялькой“²⁰⁰). Въ такихъ случаяхъ Миронъ толкалъ Селедца „подъ микитки“ и шепталъ ему о чемъ-то на ухо. Селедецъ морщился, корчилъ брезгливую рожу, косился въ сторону „чертовой ляльки“, но комплиментовъ больше по его адресу не рѣшался «отсмаливать».

Я не буду также подробно рассказывать, какъ поѣзжанъ напутствовала Хаська; какъ Селедцово тѣло укладывали на телѣгу; какъ Миронъ упрашивалъ Левона не „псувать“²⁰¹) веселія; какъ Левонъ хотѣлъ протанцовать тренака, но съ третьяго колѣна „замитусился“ и упалъ прямо къ ногамъ Хаськи; какъ, наконецъ, свадебный кортежъ со страшнымъ гойканьемъ отправился въ дальнѣйшій путь, заставляя прохожихъ далеко уходить съ дороги и вызывая гойканьемъ завываніе собакъ въ окрестныхъ деревняхъ.

Въ домѣ невѣсты, между тѣмъ, хозяева и гости, утомленные ночными увеселеніями, спали „какъ пшеницу продавши“. Всѣ нары лавки и кутокъ около жернова были устланы распростертыми въ различныхъ позахъ тѣлами. Ноги Тумаша Хмараго, который позже всѣхъ гостей «угомонился» и до самаго послѣдняго времени ругался съ Рыпиной Криворотой, торчали около окна, между тѣмъ какъ весь корпусъ съѣхалъ подъ лавку, руки уцѣпились за опрокинутое корыто. Тумашъ Хмарый лукаво улыбался, очевидно, представляя себя побѣдителемъ „язычливой бабы“, скривилъ ротъ, сви-

стѣль носомъ, побрякивалъ, разводилъ руками, какъ бы ища кого схватить въ объятія. На печи также виднѣлись ноги: тамъ спалштукъ шесть разныхъ сортовъ бабья. Бабы спали богатырскимъ сномъ, съ „храпомъ“ и „чавканьемъ“. Сакъ Трофимъ не могъ больше вести «хозяйскіе порядки». Онъ не въ силахъ даже былъ выгнать изъ сѣней цѣлую полдюжину деревенскихъ поросятъ, и лежалъ теперь на нарахъ вмѣстѣ съ троеми ребятами, склонившими маленькія головкна его грудь.

Отъ сватняго крику-гомону въ Трофимовой хатѣ стекла задрожали, но сонное царство «глазомъ не моргнуло».

— Во кому Богъ даетъ на здоровье!—кричалъ ввалившійся въ хату Миронъ.—Мы ѣздимъ, знацца, на стюжѣ колѣемъ ²⁰²⁾, а ены во... якъ дровы!

— Ти вы померли?! Тумашъ! Гляди, гдѣ твои ноги? Учешуся у корыто... глядите, братцы!

Показался въ дверяхъ Селедецъ. Онъ ужъ разинулъ ротъ, чтобы разбудить сонное царство, но вмѣсто грома послышалось хрипѣнье. Селедецъ „нажимался“, хваталъ за горло и чуть слышно провизжалъ: „попа-ашука-али!».

Миронъ слегка колонулъ Трофима. Трофимъ „продралъ вочи“ и крикнулъ: „Аксинья!“ Аксинья, спавшая на печи рядомъ съ Рыпиной, „кубаремъ“ слетѣла на нары. Прочія бабы медленно сползали на припечекъ и стали кутаться въ „хустки“.

Аксинья побѣжала „со всѣхъ ногъ“ навстрѣчу молодымъ, которые стояли въ сѣняхъ безъ усякаго усяго“.

— А, дѣтки мои любые!—завизжала Аксинья, цѣлуя то Пилипа, то Ганулю, ни кто васъ не витаить... Я трошку прилегла, задремала, ажъ ужо вы и со шлюбу... Ну, идите-жъ мои зезюльки! Во тутъ сидайте!

Молодые вошли въ истопку и сѣли около перевернутой вверхъ дномъ кадки. Акинья быстро состряпала имъ яичницу на салѣ и принесла полбутылки водки.

— Ну крѣпитесь, Богъ вѣдаитъ коли ѣли... Во вамъ и ложка, а во и видѣльцы,—говорила Акинья, вытаскивая подтиснутую въ потолокъ вилку... Ну, доглядай же тутъ, Ганулька, Пилипку, а я пойду хату прибирать.

Молодые, оставшись одни, сидѣли неподвижно, изрѣдка поглядывая другъ на друга и не зная, чѣмъ начать бесѣду касательно новой, невѣдомой имъ еще жизни. Гануля нѣсколько разъ подвигала къ Пилипу яичницу, положила на край кадки ломоть хлѣба, но Пилипъ оставался совершенно равнодушнымъ, и голова его опустилась внизъ, какъ и при тѣхъ моментахъ, когда начиналось веселле.

„Вотъ, думалъ онъ, я и со шлюбу... Закрутитъ голову на вѣкъ. Живи тапера съ етой Ганкой... А все батькина работа... Коли-бъ matka жива была, еще много пришлось-бы погулить... Усѣ на корову галіуся ²⁰³)... А корову отъ Трофима не дужа стягнишь... Самъ съ подтелкомъ останецца... Дѣти малыя... во што“...

— Што же вы! —закричала Акинья, видя, что молодая чета сидитъ, «якъ облизанная». Нечего вамъ ужо стыдицца... Прошло тое, што было... Давай сюды, Ганулька, ложку... Ну черпай... Та-акъ. Топерь ты, Пилипка... Съ одной ложкой, дѣтки. ѣшьте—одни думки будутъ... Во та-акъ. Тенерь горѣлочки... хотъ пригубьте...

Молодые „пригубили“ и потупились.

— Ну теперь поидемъ къ гостямъ,—командовала Акинья, хватая за руки молодыхъ.

Молодые вошли. Въ хатѣ начался уже свадебный разгаръ. Во всю длину Трофимовой хаты разставлены были столы. Гости ожидали, скоро ли займутъ молодые

красный уголь, и, когда тѣ усѣлись, стали занимать мѣста въ порядкѣ—по степенямъ родства и по участию въ заключеніи брачнаго союза (сваты, надкосники).

Бабы стали около стола и заплѣли на мотивъ „Хула табѣ, Божа“:

Вы гостики, вы любьи!

Просимъ васъ:

Да пейте вы, гуляйте вы

Тутъ у насъ!

Да ёсь у насъ

Бочечка вина—

Усе дли ва-ась!

Вышите тую,

Дадимъ другую—

Усе дли ва-ась!

А ёсь у насъ

Сивьи кони

На стайни...

А хотъ сивыхъ коней

Заставимъ,

Для любыхъ гостей,

Вина-меду доставимъ...

Гости принялись за разставленные яства послѣ длиннаго „примуса“ и нѣсколько разъ обогнанной рюмки. Меню сегодняшняго ужина составляли: печистое колбасы, капуста сырая, масло и сыръ.

Музыка играла. Бабы плѣли, не переставая, и ни въ одномъ пунктѣ не сходясь съ музыкой. Гости за столомъ все больше и больше одушевлялись.

Собравшаяся молодежь съ нетерпѣніемъ ожидала, скоро ли затрапезники выпустятъ изъ-за стола музыку, чтобы начать танцы.

Когда вечерняя заря потухла и кроткій ликъ луны подвинулся отъ лѣса къ Трофимову току, гости достаточно насилковались. Рыпина Криворотая заплѣла:

Гостики попатѣли,
Скакать захотѣли.
Черевички свищуть ²⁰⁴),
Погоуляння ищуть.

Гости вылѣзли изъ-за стола, и молодежь подвинулась отъ порога къ лавкамъ. Миронъ первый „пустился въ плясъ“. Онъ вышелъ на средину хаты и, спотыкаясь, размахивая руками и стараясь притопывать ногами, скороговоркой запѣлъ:

Такъ-сякъ молотила,
Шестакъ заробила,
Черевички купила,
По соломци ходила,
Черевички зносила-а!

Прочіе гости затагнули въ одинъ тонъ: у-у-у!.. Се-ледець, едва стоявшій на ногахъ, искренно желалъ присоединиться къ хору, но горло окончательно „захрясло“, и онъ вытянулъ впередъ голову, показывая, что вотъ, молъ, какъ Богъ меня покаралъ: „людцы кричатъ, а я только чмыхаю“!

Когда молодежь затанцовала, мужчины разлеглись на нарахъ, на палатяхъ, на печи и оттуда аккомпанировали музыкѣ, напѣвая и отбивая въ тактъ руками и ногами, а иногда лихо подсвистывая, или поощряя танцоровъ: „ай, лоуко, вовкъ тебе зѣешь! во, ноги!.. а-ахъ! чертова лялька“!

Когда дошла очередь до трепака, то Миронъ началъ подпѣвать: „лопъ-лопъ! молотила! Лопъ-лопъ молотила“!

Тумашъ Хмарый долго крѣпился, пристукивалъ на нарахъ и, наконецъ, несмотря на увѣщанія публики, что, молъ, не „тыи годы, чтобъ съ трепакомъ связывацца“, сползъ со своего ложа и началъ „ковыляцца“ на одномъ мѣстѣ, стараясь раскинуть ноги „якъ слѣдъ быть“. Молодежь помивала со смѣху и дала

дорогу Тумашу. Тумашъ сталъ выдѣлывать фигуры по-смѣлѣе, но около печки зацѣпился за колодку и со все го размаху полетѣлъ къ жернамъ, толкнулъ топчанъ, свернулъ кадку съ мякиной, разбилъ на топчанѣ жбанъ съ молокомъ.

— Я табѣ казау, што не тыи годы?—кричалъ Миронъ.—Во бѣды хозяйкамъ наробиу... Тягните его, мальцы! Бери съ боку! Суньте теперь на палати! Во, братъ, гдѣ твое мѣсто... А съ молодыми связываешься... Лопь-лопъ! молотила!.. У-у-у!

Селедецъ также хотѣлъ присоединиться къ общему хору и шопотомъ началъ просить Мирона, чтобы онъ и за него немножко „потягнуу“...

Вскорѣ сваты были въ объятіяхъ Морфея. Молодежь танцевала до утра, предоставленная всецѣло самой себѣ и, наконецъ, всѣ они разбрелись по домамъ или растянулись по лавкамъ и около печки.

На утро въ опустѣвшую хату ворвались изъ сѣней свиньи и гуси и начали все опрокидывать вверхъ дномъ. Куры, долгое время кричавшія на разные голоса и не получавшія корму съ начала веселья, выломали рѣшетку и подняли страшное кудактанье. Бѣлобкій пѣтухъ взлетѣлъ даже на нары, здѣсь нѣсколько разъ пропѣлъ свое кукуреку и началъ расхаживать по тѣламъ спавшихъ. Но никто изъ гостей не проснулся. Сѣрая хохлатка взлетѣла на печь и оттуда перекликалась съ „перепелесой“ подругой, взобравшейся на палати. И долго царилъ бы еще хаосъ, учиненный въ хатѣ животными, почувствовавшими себя свободными отъ жестокой руки человѣка, если бы „кормный“ под-свинокъ изъ сосѣдней (Трофимовой) хаты не присоединился къ компаніи, производившей безпорядки въ той хатѣ, гдѣ такъ недавно столъ былъ полонъ яствъ. Кормный под-свинокъ, какъ и слѣдовало ожидать, вступилъ въ единоборство съ чернымъ, пре-

тендовавшимъ на полновластнаго хозяина и уплетавшимъ выброшенную изъ корзины картофель. Кормный боровъ сразу сбиль съ позиціи чернаго. Стукъ, произведенный этимъ сраженіемъ, а равно страшное гоготанье гусей, которыя „уцупились“ въ подсвинковъ и били ихъ крыльями, разбудили Аксинью. Она вскочила съ печи, какъ ужаленная. Я не могу описать вамъ тотъ страшный гнѣвъ, коимъ вспылела хозяйка! Я часто ее видѣлъ сердитой, Я знаю, какъ страшно бываетъ ея лицо, когда она набрасывается на выпившаго Трофима. Но въ эту минуту она свѣту „Боскаго не видѣла“. Кочерга летала, какъ стрѣла. Кормный подсвинокъ пошелъ домой на трехъ ногахъ; черный получилъ ударъ во всю длину спины; гуси „летомъ“ вылетѣли на „денникъ“; куры справили гвалтъ на всю хату. Онѣ летали надъ головами спавшихъ гостей, а слетавшая съ печи сѣрая хохлатка царапнула даже по носу Мирона, который крѣпко выругался, чихнулъ и проснулся. Прочіе гости тоже наднялись съ своихъ ложъ. Каждый „терebilся“ на разные манеры. Почесывали головы, поскребывали спины, подперазывали кожухи, поправляли лапти, всклокочивали волосы. Трофимъ побѣждалъ въ истопку и привелъ музыканта, который чуть-чуть продралъ глаза. Музыкантъ подошелъ къ Мирону и сталъ высказывать ему, какъ комлявому свату, свои пожеланія съ добрымъ утромъ.

— Дай день добрый, пане свате,—запѣли съ припечка бабы подъ мотивъ, выводимый на скрипкѣ музыкантомъ:

Да дай, Божа, рано встати,
Развеселитися,
Горѣлки напиться...

Гости встали, однако, очень «хмарыми». У всѣхъ головы были тяжелы, какъ свинцомъ налитыя, у всѣхъ въ ухахъ „якъ у двѣнадцатъ цѣповъ молотють“, какъ

будто кто обухомъ „сѣзидиль“. Ахъ, какъ тяжело, просто на свѣтѣ жить не хочется! А какъ тяжело подъ горломъ, подъ грудьми, подъ ложечкой! „Лидаикъ“ все нутро переворачиваетъ! Селедцова же голова просто трескалась на части. Онъ совсѣмъ не въ состояніи былъ выпрямиться. Горло еще больше сжалось. Онъ едва переводилъ духъ и шопотомъ разъяснялъ, какъ „ему худенько“.

Трофимъ побѣждалъ въ истопку и принесъ „гарцовку“. Всѣ сѣвши заняты мѣста около стола, чтобы поскорѣе потушить тотъ страшный огонь, который безпощадно пожиралъ нутро сватовъ.

Солнце проникло въ узенькое оконце Трофимовой хаты. Гости опять начали пировать, балевать, молодыхъ величать, и время незамѣтно пролетѣло до вечера понедѣльника.

V.

Съ понедѣльника на вторникъ въ домѣ Трофима веселье шло «своимъ чередомъ». Гости сидѣли за столами и не слышали, какъ вторые пѣтухи пропѣли. Угощеніе не сходило со стола, водка не изсякла. Что-жъ больше надо? Людцы шумятъ, „гавѣнда“ не перерывается. Идетъ все, какъ по маслу. Остается, значить, „спасибо казать“ добрымъ сватамъ и благодарить Б-га, что не нахлынули «нахратники» ²⁰⁵).

Я не скрою отъ читателей, что маленькая „черная кошка“ пробѣжала, однако, въ мирную бесѣду пирующихъ и при томъ съ „того конца“, съ котораго меньше всего можно было ожидать. Дѣло изъ-за коней началось. Какъ помнятъ читатели, помогайла комляваго свата—Ивановичъ пріѣхалъ на «стрекатомъ» копшукѣ. Этотъ стрекатый копшукъ теперь мирно жевалъ солому

(которую онъ сдиралъ съ Трофимова хлѣвка) и не подозрѣвалъ, что изъ-за него сыр-боръ загорѣлся.

Ивановичъ началъ „на чемъ свѣтъ стоитъ“ хвалить своего коншука. Его коншукъ, еще будучи маленькимъ, — «вонъ якая удача быу». Бывало, «якъ прыгнетъ, якъ скокнетъ—у-ухъ! Жонка выйдетъ—косикъ-косикъ: ни близко! Ребята лацутся—Боже упаси! А онъ, Ивановичъ, лишь бы только сказалъ: „псюлька!“—и конь летитъ, якъ молоння!“

— Боже упаси, што за конь, заключилъ Ивановичъ, размахивая руками:—и въ свѣти нигдѣ не сыщешь!

Предоставляю судить читателю, какъ возмущался, слыша такія рѣчи, комлявый свать, который имѣлъ кобылку, очень „складную“ и очень легкую на ногу. Кобылка эта еще „неподлѣтная“, всего „по вторымъ жеребку“. Ивановичъ, описывая свою „псюльку“, упустилъ изъ виду, что эта кобылка неслась второй, когда свадебный кортежъ отъѣзжалъ отъ церкви послѣ „шлюбу“. Миронъ метнулъ гнѣвнымъ взоромъ въ сторону Иванова и стукнулъ по столу.

— Кабъ я на мѣсти проваліуся, коли ёсь што доброе у твоёмъ жеребку!—закричалъ онъ.—У твоёмъ роду николи добрыхъ коней не было...

— У мене? не было? Кабъ я выдохъ, коли мой жеребенокъ не обгонитъ твою падлу!..

— Мою падлу?!—закричалъ Миронъ, растягивая воротъ кажуха.—Лопнишь пузо у твоего жеребка, коли ёнь насупротивъ поидеть съ моею кобылкой...

— Лопнишь ты самъ! На твоей кобылѣ только жиду горшки возить...

— Щирвонѣй твоя голова! Жарты лѣзить съ жеребенкомъ.. Што я не видіу?

— Лопни твои вочи, коли ты видіу!

— Слечи тебѣ пекотка!

— Отсехни табѣ языкъ!

— Выхварѣй твоя голова! Коли-бъ вѣдали, не брали-бъ... съ такими конями.

— Што ты казау?—закричалъ Ивановичъ, стара-ясь приблизиться къ Мирону.

Публика насторожилась. Однимъ было неприятно видѣть размолвку главныхъ заправиль свадьбы, другіе особенно подростки, съ нетерпѣніемъ ждали, что вотъ-вотъ начнется потасовка. Безъ сомнѣнія, дѣло около зубовъ ворочалось. Хотя, какъ извѣстно, каждый цыганъ свою кобылу хвалить, тѣмъ не менѣе нельзя было Мирону оставить вопросъ о кобылѣ открытымъ, тѣмъ болѣе, что онъ былъ комлевый свать и за его кобылой, дѣйствительно, было много прекрасныхъ качествъ, и Ивановичу навѣрное пришлось бы увѣриться, что Миронъ не только силенъ въ краснорѣчій, но и отъ руки его можно безъ зубовъ остаться.

Этотъ неприятный инцидентъ былъ, однако, улаженъ Юркою. Онъ предложилъ вмѣсто „пустой гавѣнды“ привести въ хату вышеописанную кобылку на общій судъ. Всѣ гости необыкновенно обрадовались такому обороту дѣло. Долго они отъ удовольствія чмыхали, нюхали табакъ, кашляли, утирались полами. Трофимъ же воспользовался этимъ моментомъ чтобы попросить гостей выпить по чарочкѣ. Гнѣвъ постепенно началъ исчезать съ лица Мирона. Ивановичъ также мягче на него посматривалъ.

Юрка не только помирилъ враждовавшихъ, но и внесъ не мало веселья въ застольную бесѣду. Онъ одѣлся цыганомъ: нахлобучилъ шапку на правое ухо, перепоясался по нижней части живота краснымъ шарфомъ, выпачкалъ лицо сажей, прицѣпилъ бороду изъ кудели и ввелъ Миронову кобылу, держа подъ уздцы, въ хату, прямо къ столу.

— А што бачька, началъ онъ, ломая языкъ на цыганскій жаргонъ: во кобылка, дыкъ кобылка!

— Тады коня цѣни, коли у зубы поглядишь!— замѣтилъ Трофимъ.

Кобылка встряхнулась и потянула голову къ столу. Ребятишки окружили ее со всѣхъ сторонъ и протягивали рученки, чтобы погладить ее. Гости встали изъ-за стола и стали осматривать зубы, трепали гриву, гладили голову.

— Што не покупаешь, ды неча лѣзть, батька, говоритъ Юрка, оттиская толпу... Кобыла якъ кобыла, да гроши у васъ не хватить...

— Кобыла складная, што и говоритъ сказала Тумашъ.

— Да Ивановичевому жеребку и не близко!— подтвердили въ толпѣ.

И Юрка при общихъ похвалахъ вывелъ кобылу подъ стрѣху Трофимова сарая.

Можетъ быть гости нѣсколько пристрастны были къ Мирону, принимая его положеніе въ свадебномъ пиру, можетъ быть кобылка „взяла ростомъ“, оттого, что въ хатѣ слишкомъ низки потолоки, но Ивановичъ долженъ былъ повиноваться голосу міра. Онъ замлкъ, ступевался въ толпѣ и долго сидѣлъ, „какъ облизанный“... За всѣ удовольствія Юрка былъ убоготворенъ пятью рюмками, которыя онъ проглотилъ очень поспѣшно, раскланявшись то съ тѣми, то съ другими изъ надкосниковъ.

Другимъ замѣчательнымъ событіемъ этого вечера былъ танецъ „жабка“. Жабка танцуется въ тѣхъ случаяхъ, когда гость бываетъ на 7-мъ взводѣ. Какъ и слѣдовало ожидать, Селедецъ скоро очутился въ такомъ состояніи и, къ большому удовольствію почтеннѣйшей публики, мастерски протанцовалъ „жабку“. Онъ уперся руками въ землю, протянулъ ноги къ по-

рогу и сталъ кричать, подобно лягушкѣ, сгибаясь въ „крыжовинѣ“ и протягивалъ голову впередъ.

Когда пропѣли третьи пѣтухи, Акинья принесла на столъ огромную миску кислой капусты. Это означало, что часъ отъѣзда гостей настаетъ.

Начался подборъ „приданныхъ“, т. е. тѣхъ лицъ, которыя повезутъ невѣстину приданное. Для сей цѣли нужно три пары мужчинъ, съ ихъ женами, надкосники и двѣ боярки.

Настало время платить выкупъ за приданное невѣсты. Выкупщиками, по условію, должны явиться сваты,—со стороны Пилипа—камлевый сватъ, его помощикъ, Панасъ Юрка. За скрыню, какъ помнитъ читатель, нужно заплатить 50 коп., а за постель—25 к.

На скрыню посадили маленькую внучку родной сестры Акиньи. Она держала въ рукахъ небольшую глиняную тарелочку. Сваты начали въ третій разъ раскошелиться. Звонкая монета стала подпрыгивать въ тарелкѣ. Сваты лукаво посматривали другъ на друга, думая какъ-нибудь увильнуть отъ уплаты полной суммы. Женихъ и невѣста стояли въ сторонѣ и о чемъ-то изрѣдка перешептывались.

При обсчетѣ—гривеника не хватило. Бабы со стороны невѣсты стали урезонивать „приданныхъ“. Приданные снова полѣзли въ карманы, снова отстегивались, подпоясывались, рылись въ кошелькахъ и шептали одинъ другому на ухо, до седьмого пота спора и доказывая, что «ни за мной остановка, а за имъ».

Точно такія же пререканія происходили и у постели, перевязанной поясомъ съ красными кутасами.

Но вотъ, наконецъ, всѣ счеты покончены, скрыня и постель вынесены на сани къ Терезкѣ, по прозванію—„Безполый армякъ“. Терезкѣ въ напутствіе въ

въ домъ Федора. Прочіе гости въ послѣдній разъ сѣли за столъ.

Бабы запѣли:

Сядимъ, мамухна,
Повячеряимъ съ тобой,
Повячеривши, подѣлямся
Съ тобой.

Хай тебѣ, мамухна,
Новыя сѣни—коморка,
А мнѣ, молодѣ,
Скрыня полотень—коровка!

Молодая залилась слезами. Прочія бабы поникли головами и тоже заплакали. Мужчины, чтобы не видѣть этой сцены, отворачивали взоры къ окну или къ порогу. Аксиныя десять разъ цѣлуется съ Ганулькой, называя ее милой дитятухной, которою она съ „малыхъ день поила-кормила, съ глазъ не спускала“.

Приданные отступили къ порогу и начали раскланиваться.

— Прощу забачить, гости любьи,—кричали бабы, провожая «приданныхъ» за порогъ.—Можа чимъ угнѣвили, ти докучили!

— Прости, сваття, мы тебѣ голову отглумили,—извинялись въ свою очередь приданные, усаживаясь на телѣгѣ.

Аксиныя вышла въ сопровожденіи Рышины, съ лубкой овса и стали насыпать имъ поѣзжанъ.

Приданные ударили по конямъ, и тотчасъ въ воздухъ повисло однообразное у-у-у!

За околлицей въ первой телѣгѣ слышалась осипшая фистула:

Лаврута женицца,
Хавруту беретъ!
Вотъ табѣ Лаврута,
Хаврута-а-а!

Во второй телѣгѣ опущенная внизъ голова съ трудомъ выводила:

Я и родилась не была,
Куды мене матухна
Отдала-а-а!

Когда же подвѣзжали къ усадьбѣ Ѳедора, Пилипова шаферка запѣла во весь голосъ:

Отчини, матухна, новый дворъ,
Везу тебѣ невѣсту на выборъ!
Отчини, матухна, свѣтлицу,
Вязу табѣ нявѣсту-дѣвицу!
Отвори матухна, оконце,
Вязу табѣ нявѣсту,
Якъ солнца.

Музыкантъ Захвѣй Сусуль продолжалъ:

Отвори, матухна, карицца,
Вязу табѣ нявѣсту сварицца!

VI.

Когда „приданные“ ²⁰⁶⁾ вѣхали на Ѳедоровъ дворъ, сюда сбѣжалось дюжины двѣ деревенской дѣтвора. Всѣ знали, что молодая станетъ гостинцами надѣлать.

Гануля вытянула изъ повозки два мотка баранковъ и стала разбрасывать вокругъ себя. Ребятишки съ визгомъ бросались на добычу, спотыкаясь, падая въ грязь, а нѣкоторые вступали даже въ драку.

Въ сѣняхъ молодая опять стала бросать баранки. Два бѣлокурыхъ подростка стали шарить по полу и оба растянулись вдоль хатняго порога, загородивъ дорогу гостямъ, такъ что пришлось раздвигать толпу и спасать ребятъ отъ ушибовъ.

Въ хатѣ къ прїѣзду приданныхъ на убранныхъ столахъ стояли всякаго рода свадебныя кушанья. Поѣзжанъ усадили и стали угощать.

Бабы заѣли:

Вы гостики, вы любии,

Просимъ васъ:

Да пейте жъ вы,

Гуляйте жъ вы,

Якъ мы у васъ.

Да ёсь у насъ кони на стайнѣ

Усё для ва-съ!

А хоть же мы

Гнѣдыхъ коней заставимъ,

Для любыхъ гостей

Вина-меду доставимъ!

Да ёсь у насъ

Бочечка вина,

Усё для ва-асъ!

Выпьте тую,

Дадимъ другую!

Гости, хоть были сыты по горло, однакожъ, чтобы не обидѣть хозяйку, принатужились и стали отламывать руками по куску мяса, а Ѳедоръ всѣ силы употреблялъ, чтобы гости выпили.

Гостямъ у Ѳедора было особенно весело, потому что бабъ собралось порядочно и бабы очень „крѣпкія на голосъ“. Мужчины неоднократно подносили имъ по рюмкѣ.

Бабы особенно часто повтѣряли скороговоркой:

Проша, проша, панове—гости,

Господарь неполый, на гости забылый!..

Проша, проша, панове—гости-и!

Когда гости повечеряли, Ѳедоръ повелъ ихъ спать въ осеть. Здѣсь имъ были уже приготовлены постели. Вдоль черной закопѣлой стѣны въ осети настлали соломы и принесли лампу-коптильню. Осеть была тепло натоплена.

Дружина двинулась къ мѣсту ночлега. Впереди несли водку и закуску. Приданные сильно спотыкались, пѣли пѣсни и хвалили хозяевъ.

Прежде чѣмъ улечься, гостямъ было предложено для болѣе спокойнаго сна выпить и закусить. Приданные выпили, распоясались и тотчасъ захрапѣли.

Когда утромъ стало свѣтло, къ току подошла толпа бабъ съ музыкантомъ во главѣ. Подошедши къ дверямъ осети, музыкантъ заигралъ, а бабы запѣли обычное привѣтствіе по адресу „приданныхъ“:

Да-й день добрый,
Пане свате!
Да дай, Божа, рано
Встати,
Развеселитися,
Горѣлки налитися!

Приданные вылѣзли изъ осети, запачканные въ сажу, и въ страшно растрепанномъ видѣ. Бабы поднесли имъ большія миски съ водой. Приданные, умывшись и утершись, бросали по 2—3 копейки въ миску.

Музыкантъ также сталъ изъяслять притязанія на кошельки и копшуки гостей. Гости поморщились, но, все-таки, и его надѣлили, набросавъ мѣдныхъ денегъ въ отверстія скрипки (около подставки).

Гостей привели въ домъ и усадили за столъ, причемъ подъ божницу помѣстили жениха и невѣсту.

Гости были очень апатичны, мало говорили, голоса ихъ осипли, головы склонялись къ столу.

Настало время вести „молоду на воду“.

Бабы запѣли:

Не вѣдала молода,
Гдѣ вода;
Повели молоду
На воду.

Ведутъ на воду, обыкновенно, всѣмъ составомъ свадебныхъ лицъ, въ этой церемоніи приняли участіе и тѣ, которые не удостоились получить приглашеніе на веселье. Однакожъ, въ числѣ гостей не могли уже отыскать Соледца: послѣ „жабки“ онъ почувствовалъ себя «совсѣмъ худенько» и пришедшая жена и двое сыновей унесли его едва живымъ и теперь „летали“ по селу, отыскивая „зелля“ или хоть „нашептаною воды“.

Длинной вереницей тянулись гости по направленно къ ручью, расположенному въ Федоровомъ огородѣ, за токомъ. Музыка идетъ за молодой и со всѣхъ силъ выводитъ: „Невѣдала молода“. Цимбалистъ отбиваетъ по струнамъ совсѣмъ не въ тактъ. Кто былъ послабѣе на ногу, зашелъ только до разсадника и здѣсь отдыхаетъ; около канавки также легли два охмелѣвшихъ гостя.

Гости подошли къ ручью. Гануля стала всѣмъ подносить закуски, а Пилипъ угощалъ водкой.

Шутники стали обливать дѣвчатъ водой, а дѣвчата бросали на нихъ грязью, палками, перебѣгали черезъ ручей и оттуда ругали ихъ „иродой“.

Воротились домой, таща подъ руки ослабѣвшихъ гостей. На порогѣ хаты замертво упали два опьянѣвшихъ тѣла.

Хозяева въ послѣдній разъ накрыли столы и перелили въ бутылки два гарца. Гости переутомились, безучастно смотрѣли на хозяевъ и не обращали вниманія на приглашеніе. Музыка также разстроилась. Когда, такимъ образомъ, веселье „свелось на быки“, бабы выступили на сцену (онѣ воспользовались этимъ моментомъ, чтобы показать свое искусство веселить публику—не хуже самого камляваго свата). Рыпина Криворотоя побѣжала въ „кочережникъ“, взяла лопа-

ту и кочергу и, стараясь копировать скрипача и проводя кочергой по лопатъ, запѣла:

Выпила—закусила,
Сама себѣ похвалила...
Я з великаго рода,
Пью горѣлку,
Якъ воду!..
И мой батька
Такій бы,
По три гарцы
У день піу;
Моя мати доброхоча,
Выпить кварту,
Еще хочить...

И, напѣвая, Рыпина отъ порога стала выплясывать въ круговую около стола и около наръ, затѣмъ, вышедши на средину, приѣдая, она запѣла другимъ мотивомъ:

А пошлабъ-я козака,
Да боюся мужика;
Сядить мужикъ за столомъ,
Да махаить рукавомъ.

Рыпина нѣсколько разшевелила мужчинъ, Тумашъ даже протанцевалъ „жабку“.

Хозяйка принесла на столъ капусту. Гости поняли, что пора убираться во свояси. Оставалось только выгнать молодыхъ (которые сидѣли подъ божницей) „з-зъ каши“. Посаженная мать Ганули поставила горшокъ каши, выворотила кожухъ, взяла рушникъ и стала имъ „стебать“ молодыхъ. Молодые вышли изъ-за стола, поклонились посаженной матери, и поцѣловали ей руки.

Бабы запѣли:
Чаго ты, лосю, чаго ты, лосю,

Къ землѣ прилегаешь:

Ти ты чуешь, ти ты вящуишь

Зимучку студзену?

— Чую—не чую, вижу—не вижу,

Знаю, што не лѣточко будить;

Чаго Ганулька, чаго молодая

Такъ сильненько плачешь?

Ти ты чуешь, ти ты вящуешь

Свекорку лихого?

— Я сама вижу и люди гукають,

Што ня родный татка будить.

Мене молоду пошлють по воду,

Сами сядуть обѣдать.

Горы высоки, воды далеки.

Къ обѣду ни звярнуся..

Принести воды—на себѣ бѣды:

Каждому пить подать,

Малому по ковшику,

Старому по горшку,

Середнему по кубочку-у!..

Приданные заплакали. Невѣста залилась слезами.
Въ отвѣтъ бабамъ приданные осиплыми голосами
запѣли:

Стань, Ганулька, въ концѣ столу:

Мы на тебѣ наглядимся,

На дворѣ не рано:

Мы скоро разѣдимся

Стали пить отцепное. Федоръ изъ силъ выбивался,
чтобы гости dokonчили гарцовку...

Вышли гости на дворъ и стали коней запрягать
а двѣ бабы чуть-чуть слышными голосами запѣли:

Несчастливая година,

Нежалостливая родина,

Противъ темной ночи

Вонъ гонють,
Да и воротиковъ не отчинють,
Да и дороженьки не покажутъ;
Не поѣдемъ домой сегодня,
Да и поѣдемъ мы завтра,
Поранюсеньку устауши,
По починочку ²⁰⁷⁾ направши.
Господыня ²⁰⁸⁾ гороху наварить,
Господарь дорогу покажетъ.

Запрягли лошадей, гости въ послѣдній разъ пришли въ хату выпить отчаяннаго. Когда же они вышли на дворъ и усѣлись на телѣги, то бабы запѣли:

Катмлася шапка съ тоупу ²⁰⁹⁾ долоу,
Съ тоупу долоу.
Бдьте вы, гости, съ Богомъ домоу,
Съ Богомъ домоу!

Приданные съ телѣгъ отвѣчали:

Катилися колесо съ клѣти—,
Живите вы ладненько, дѣти!

* *
* *

Гости разъѣхались. Федорова водка истощилась. Хозяйка, окончательно сбитая съ ногъ, полѣзла на печь. Хата на время опустѣла; но подъ вечеръ сосѣди одинъ за другимъ притащились опять къ Федору. Всѣмъ было не весело безъ водки. Хазяйка не обращала теперь вниманія на посѣтителей. Гости рѣшили устроить какъ-нибудь „цыганщину“. Мужчины пошли по деревнѣ, собрали «сбожжа» по гарцу, бабы уловили тайкомъ нѣсколько куриць, принесли масла, яицъ, Юрка отнесъ все это добро къ Хаськѣ, и черезъ полчаса на столѣ красовались двѣ гарцовки. Цыгане продолжали пировать до поздней ночи...

VII.

„Горькое время настало, братцы! Вездѣ постиснулись. Теперь каждый „ежица“ въ своемъ кутку. Негдѣ обогреться, отъ вѣтра укрыться. День трудисься, „колѣешь“²¹⁰), протиснешься какъ-нибудь въ хату, раскупоришь бутылку и не успѣешь первую рюмку проглотить, глядишь: является урядникъ, или какая-нибудь другая „тряса“; хватаетъ бутылку, рюмку, на жида поднимаетъ крикъ, лѣзетъ въ сундукъ, подъ тюфяки, подъ кровать, въ „потаенную“ каморку, а самому тебѣ черезъ недѣлю подастъ староста повѣстку явиться къ „мировой судьѣ“.

Вотъ до чего мы дожили, братцы! Все позатихло, присмирѣло. Пѣсни начнешь пѣть—и тутъ тебя за шиворотъ: не имѣешь права!.. Не имѣешь права за свои деньги выпить, повеселиться! Бѣдному человѣку хоть пропадай!

Посмотрите, братцы, что сдѣлалось съ нашей корчмой—Обдираловкой? Стоитъ, теперь въ сторонѣ, какъ сиротка. Ни пѣсни, ни гулу, ни гавѣнды. Стоитъ, бѣдная, какъ дубъ среди долины ровныя... Ахъ, какъ тяжело братцы!

...Отцы мои!

Нѣтъ-ли рѣки?

Въ семнадцати селахъ

Пить перестали,

Хоть вовсе закрой кабаки²¹¹).

Теперь безъ грошей и приступу нигдѣ нѣтъ. Бывало, хоть какой оборотъ имѣешь: житца, сѣнца, соломки такъ-сякъ перепустишь и «тое, што надо выскребешь». А теперь—свищи! Войдешь въ „винополию“—подавай гроши, снимай шапку, пипки и той закурить не смѣй. Таперь и за свои гроши сколько тягонины приходится имѣть.

Посмотрите, сколько согнутыхъ, съежившихся фигуръ дрожить, подсакиваетъ около „винополи“ Не достучатся, бѣдные! Закону, говорятъ, нѣтъ. Какъ это—закону нѣтъ? На казенныя гроши вездѣ законъ... Для чего-жь и горѣлку присылаютъ?

Въ такомъ приблизительно духѣ разсуждала толпа мужиковъ, принесшая пустую посуду по окончаніи веселья и налегшая совсѣхъ силъ на парадное крыльцо винной лавки. Впереди всѣхъ стоялъ знакомый намъ Миронъ, который особенно сильно выражалъ свое нетерпѣніе. Молодые парни, державшіе подъ мышками по полдюжинѣ пустыхъ гарцовокъ, топали ногами, подпрыгивали къ окнамъ лавки и постукивали кнутовищами.

— Мальцы!—кричатъ Миронъ,—бѣгите кругомъ да драгоните у тѣхъ двери.

Парни стали стучать съ чернаго хода; Миронъ „драгалъ“ съ крыльца два „сивыхъ“ армяка били кнутовищами въ окна, но сидѣлецъ все-таки не отворялъ дверей.

— Кажить, еще обѣдни не конецъ,—отозвалась „сивая“ борода, у которой изъ-за пазухи виднѣлось до десятка квартъ.

— Не конецъ! Дыкъ што-жь? По твоему, значить люди околѣвай на морозѣ!—горячился Миронъ.

— Што ты такъ командуешь,—крикнулъ коренастый мужикъ, направляясь къ Мирону.

— А, Изохвать, ходи-тка ближи, братокъ!—закрычалъ Миронъ...—Якъ здоровъ?

— Ничего... А якъ же табѣ повадилось на Пилиповомъ веселли?

— Да хула табѣ, Боже... не было обиды... Попили, поѣли...

— А якъ выкачауся?

— Два дни троху полежау... Выпивъ солодухи, расолу съ бураковъ, зѣфу рѣдчины, капусты и ничего.

— Али, досать, кажутъ, было погуляння?

— Ну, ета еще не погулянье!.. Во якъ колись-то Панасова батьку жанили—во гуляли! Рыпининъ мужъ двѣ недѣли качауся-качауся, да не выскрешь... по-меръ! А наша якое веселля? якое по селетнимъ годамъ вяселля справишь, коли и горѣлки доброму челоуѣку не хочуть давать?

ПРИМЪЧАНІЯ.

- 1) Хлѣвъ, сдѣланный изъ тына.
- 2) Съ древняго времени.
- 3) Зажиточный.
- 4) Мѣсто, занятое хлѣвомъ.
- 5) Всякаго хлѣба.
- 6) Малыя дѣти.
- 7) Водка съ примѣсю воды и сивушнаго масла.
- 8) Безпокойства.
- 9) Постояннаго передвиженія.
- 10) Четверть.
- 11) Родъ кадки, въ которой хранится бѣлье.
- 12) Зеркало.
- 13) Большая дорога.
- 14) Періодъ жизни.
- 15) На велосипедѣ.
- 16) Падежъ.
- 17) Недавно.

18) Обѣщаніе помолиться или принести что-либо въ жертву на церковь).

19) Взрослыхъ парней.

20) Умершихъ.

21) Варіантъ „Лазаря“ приведенъ не въ полномъ видѣ и во многомъ отличающійся отъ варіантовъ Городекскаго, Велижекаго и Гомельскаго уу. См. „Сборникъ“ Романова, т. II, вып. 5, стр. 341—356.

22) Вмѣстѣ.

23) Лѣчебницу.

24) 8 го сентября—день Рождества Богородицы.

25) Рваный армякъ.

26) Немного.

27) Къ столу.

28) Простокваши.

29) Нынче.

30) Усмѣхаεται.

31) Не запомнилъ.

32) По покойнику.

33) По порядку.

34) Совсѣмъ.

35) Поздравствовался.

36) Четверть.

37) Танцуютъ.

38) Ходятъ въ безпорядкѣ

39) Женихъ.

40) Разговаривать.

41) Узорчатяя вязанья къ полотенцамъ, которыя, по обычаю изстари заведенному, сваты завязываютъ себѣ чрезъ плечи.

42) Не лучше.

43) Поговорили.

44) Дѣдами у бѣлоруссовъ принято называть дни иоминове-ніе усопшихъ.

45) Губернскій городъ.

46) Не далекаго ума, не имѣющая за собой особыхъ достоинствъ.

47) Въ этомъ году.

48) Клятвенное увѣреніе.

49) Вторая половина жилого дома, предназначенная для склада домашняго инвентаря и сѣстныхъ припасовъ.

50) Подвижной, бойкой на языкъ.

51) Вскисъ.

52) Къ дѣдамъ считается обязательнымъ напечь хлѣба, при чемъ откладывается небольшая булочка для старцевъ.

53) Начиненныхъ саломъ.

54) Слава.

55) Париться.

56) Не вытерпѣть.

57) Положить ложки надо, потому что въ этотъ моментъ являютея дѣды и понемногу «откаштовываютъ».

58) Галлюцинаціи.

59) У крестьянъ въ обычаѣ постилать сѣно на столъ въ рождественскую коляду.

60) Т. е. пусть погуляютъ ученики.

61) На извозчиковъ.

62) Резервуаръ около вокзала.

63) За проволоку.

64) Кондукторъ на вагонѣ.

65) Мартышка.

66) Электрическая лампа у театра.

67) Молиться даромъ.

68) Было бы принесено должное количество «винополии».

69) Гробъ.

70) Афоризмъ, бывший въ большомъ ходу въ Европѣ послѣ разгрома французовъ, убѣдившихся въ превосходствѣ нѣмецкаго образованія и постаравшихся установить обязательное государственное образованіе.

71) Рачинскій.

72) Compliments.

73) Говорить безмыслицу

74) Упалъ на землю.

75) Барыши въ видѣ водки подносимые выборнымъ,—вещь безусловно необходимая при каждомъ назначеніи или надбавкѣ жалованья. „У насъ и за 10 руб. того не сдѣлаешь, что за квартиру водки“,—говорятъ обыватели Барыловщины.

76) Не нужно больше 6-ти четвертей хлѣба.

77) Этотъ безсердечный приговоръ былъ отмѣненъ впоследствии (во время дополнительнаго схода), когда выборные оказались болѣе мягкими вслѣдствіе поставленныхъ барышоу (по $\frac{3}{100}$ на челоуѣкѣ).

78) Отъ брюшнаго тифа.

79) «Кинуть горшокъ»—значитъ поставить горшокъ на животъ на подобіе того, какъ ставятся банки. Когда животъ бываетъ втя-

нутъ настолькоъ, что человѣка „скорчить“, тогда баба разбиваетъ горшокъ и животъ приходитъ въ нормальное положеніе.

80) „Никипаромъ“ наши крестьяне называютъ еврейскій праздникъ „Кущей“.

81) Ничего не стоитъ.

82) Въ буфетѣ.

83) Пьеса—«Паяцы».

84) Волоса подстригъ.

85) Пальто.

86) Зала.

87) Вѣрами.

88) Для виду.

89) Прежде.

90) Очень быстро.

91) Шапоклякъ.

92) Гдѣ музыканты сидятъ.

93) Говорить громко.

94) Цвѣты.

95) Въ кіоскахъ продаютъ шампанское.

96) Хоры.

97) Ковры.

98) Копія.

99) Нищіе.

100) Холостой.

101) Не пьющій водки.

102) Хозяйство.

103) Худая, не хорошая.

104) Не перебивай.

105) Передъ Филиповымъ заговѣнемъ.

106) Лучше.

107) На надѣлы земли.

108) Волостное правленіе.

109) Уничтожила.

110) Чтобы объяснилъ.

111) Для разсмотрѣнія.

112) Игру.

113) Перетяжки состоятъ въ томъ, что состязающіеся берутъ палку или кочергу, садятся на полъ, соединяютъ подошвы ногъ вмѣстѣ и начинаютъ перетягиваться, держась за палки.

114) Спрятался.

115) Довольно.

116) Шутки.

- 117) Говоришь по-пустому.
- 118) Безъ лишняго разговора.
- 119) Неученый.
- 120) Копія постановленія суда.
- 121) Не знаешь покою.
- 122) Старшаго.
- 123) Мошекъ.
- 124) Холостымъ.
- 125) Не въ памяти.
- 126) До начала Рождественскаго поста.
- 127) Хлѣбъ.
- 128) Солодовый квасъ.
- 129) Въ приданое.
- 130) Хлѣбъ съ примѣсю мякины.
- 131) Хорекъ.
- 132) У крестьянъ въ ясляхъ зимой даютъ кормъ лошадямъ, а осенью въ нихъ же сѣкутъ капусту.
- 133) Вѣникъ.
- 134) Прилаживаль.
- 135) Полотенца.
- 136) Понятливая.
- 137) Пища.
- 138) За трубой.
- 139) Не хорошо.
- 140) Если хозяева соглашаются дать чарку, то сватовство можетъ окончиться благополучно.
- 141) Поговори.
- 142) Какъ мартышка.
- 143) Т. е. подъ иконой Чудотворца Николая.
- 144) Соскучилъ.
- 145) Давать деньги за оглашеніе и вѣнчаніе.
- 146) На свадьбѣ много чего интереснаго есть посмотреть, а на крестинахъ все удовольствіе въ ѣдѣ и питьѣ.
- 147) Дмитрія Солунскаго.
- 148) Не худой.
- 149) Важнѣйшіе изъ гостей, въ благодарность за угощеніе, обыкновенно привозятъ свой хлѣбъ и печеное мясо, а иногда покупаютъ для этого и пшеничные пироги.
- 150) Сшитый по городской модѣ.
- 151) Кашля.
- 152) Съ дурнаго глаза.
- 153) Мѣсто около трубы.

- 154) Бумажной.
155) Въ новой пиджачной парѣ.
156) Ленту.
157) Новыя серги.
158) Питкевича танцуютъ съ приѣвомъ: «Два на елю, два подь елю, два на вытяжку стоять!»...
159) На-дняхъ.
160) Въ красномъ углу.
161) Главный.
162) Гвозди.
163) Приглашенія.
164) Скучнаго лица.
165) Въ 1-й части.
166) Какъ сумасшедшій.
167) Чтобы такъ чисто было на душѣ, какъ чиста вода въ кружкѣ.
168) Хлѣбъ этотъ вырѣзывается изъ булки.
169) Не надѣйся
170) Не гуляка.
171) Жениха
172) Хозяинъ на это обстоятельство какъ будто не обращаетъ вниманія, хотя потомъ и обижается.—„Али ти вѣдаишь, Лаво-вичъ,—говоритъ онъ, обыкновенно, сосѣду,—якій гэта дурный звычай на людяхъ дарить... У мене положили ~~услуга~~ 1 рубель, а вы-пили 3 гарцы... Симоновъ же малецъ три раза подходю, а укинну только 3 коп. Коли дасъ Богъ табѣ Бориса женить, позычь малую рюмку.. во што! Тады не дужа ухитрацца“...
173) Условились, какъ помнитъ читатель, на «закармливаніи».
174) Весело ли смотреть.
175) Смутилось.
176) Въ большой тревогѣ.
177) Послѣ каждаго стиха хоръ добавляетъ: „ай рано-рано“ и проч.
178) Полотна въ ростъ человѣка.
179) Обвѣявши.
180) Мовить рацію—говоритъ привѣтствіе.
181) За шелковыя скатерти.
182) Т. е. женихъ.
183) Отъ колыски веревки для убаюкиванія ребенка.
184) Померзали-бъ.
185) Прямо въ глаза.
186) Противъ нарѣ.

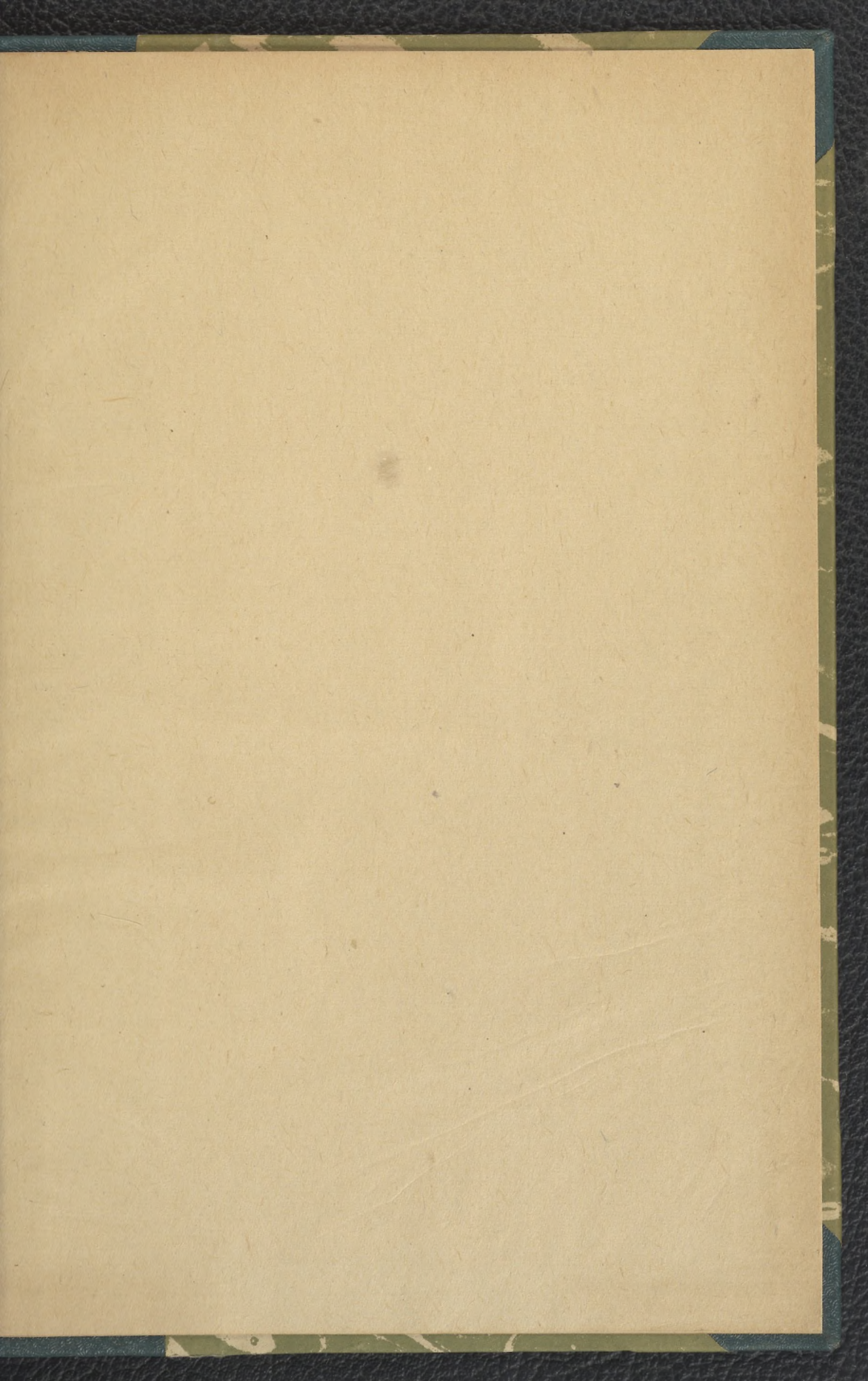
- 187) Хозяинъ
- 188) Шаферамъ.
- 189) Извинить.
- 190) Привѣтствовать.
- 191) Невѣста.
- 192) Жирна.
- 193) Спѣшить.
- 194) До вѣнца.
- 195) За это они, между прочимъ, и называются «надкосниками».
- 196) Носовые платки, завязанные оголо шеи.
- 197) Прежде времени.
- 198) Т. е, къ вѣнцу.
- 199) Недоразумѣіе.
- 200) Куклой.
- 201) Не портить.
- 202) Зябнемъ, простуживаемся.
- 203) Возлагаль надежду.
- 204) Скрипять.
- 205) Враги, въ родѣ, напр., чаровника Левона.
- 206) Дружина Ганкина
- 207) Напряденое веретено.
- 208) Хозяйка.
- 209) Съ печки.
- 210) Холодаешъ.
- 211) Розенгеймъ.

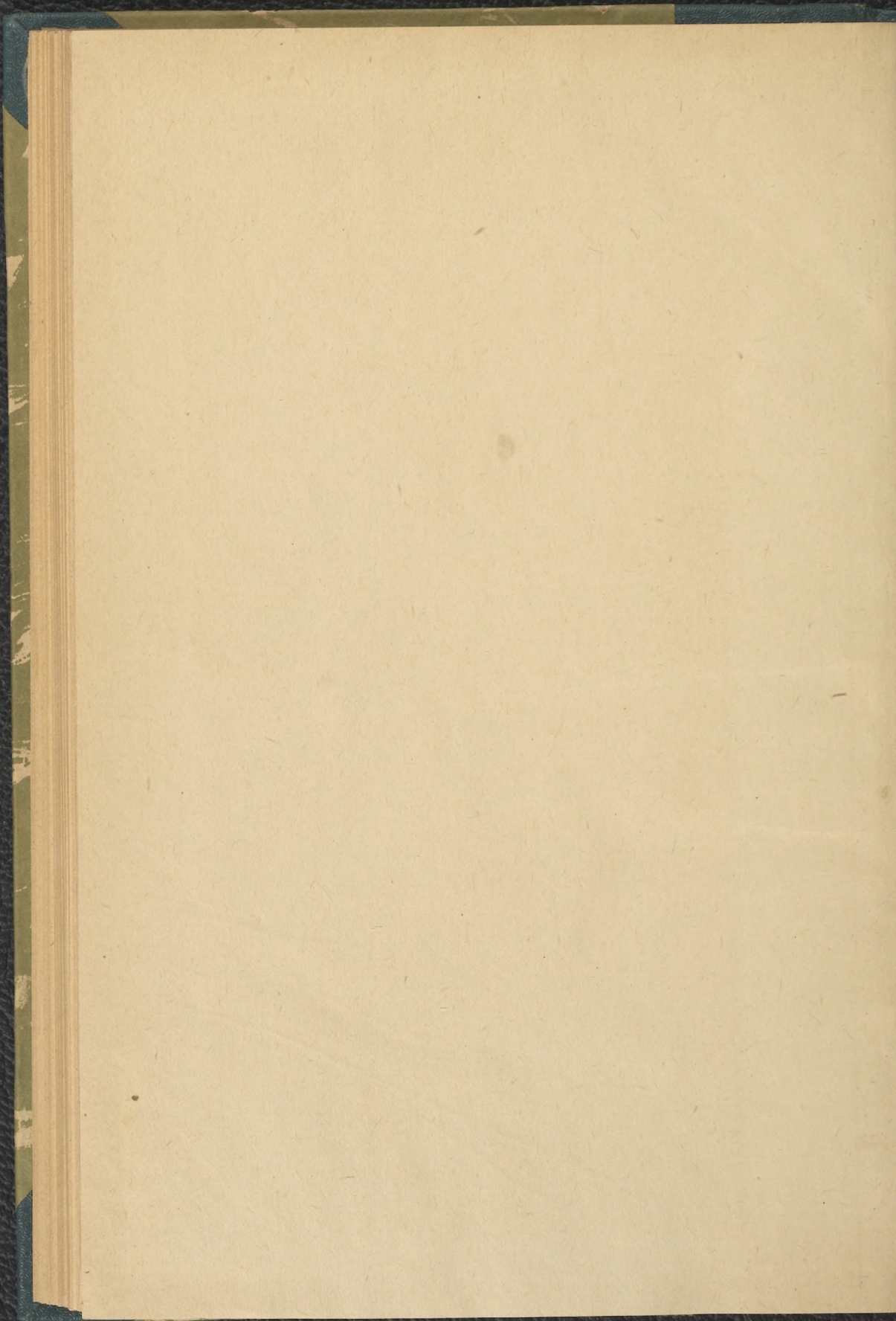

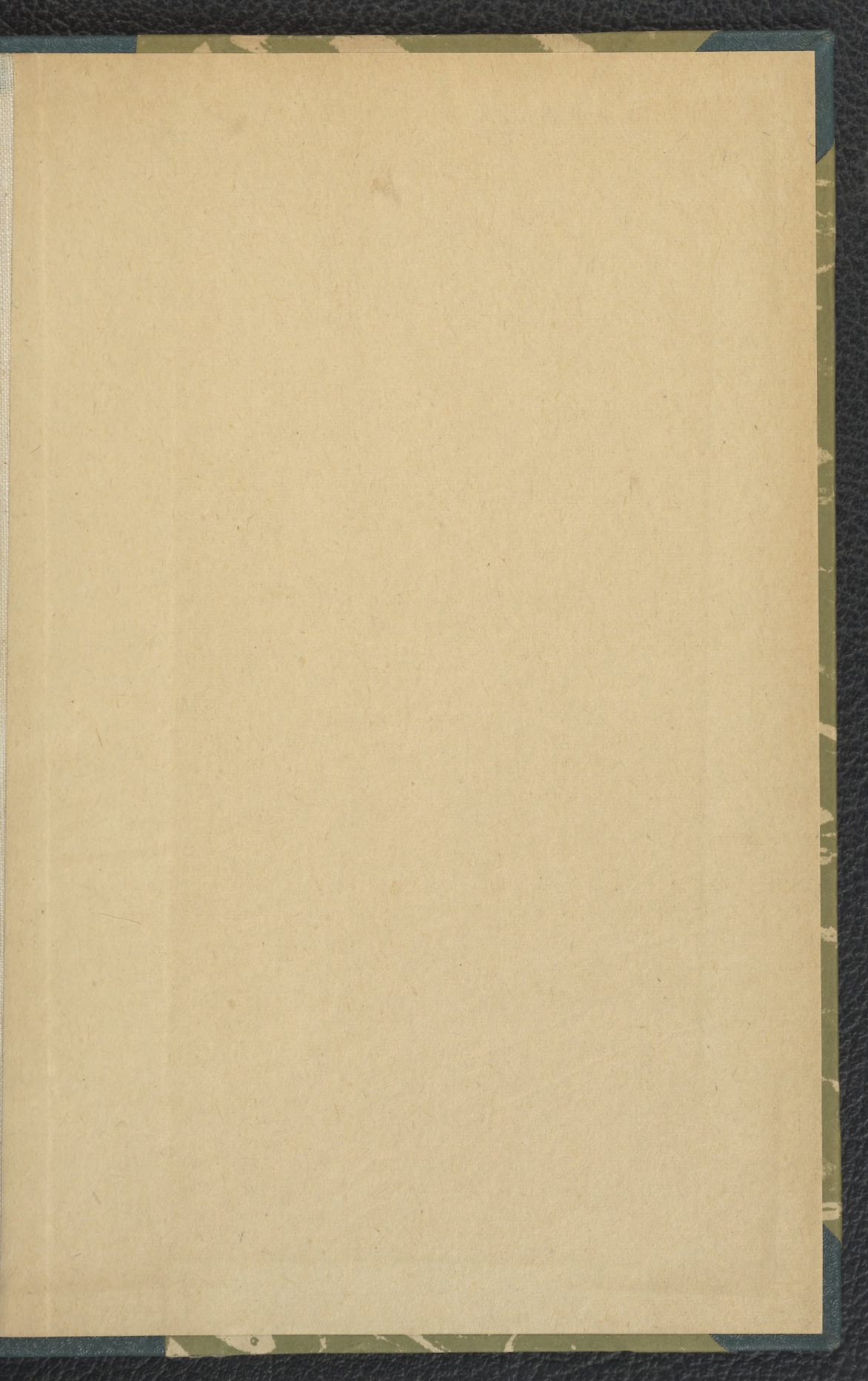
А. Р. Пшелко.

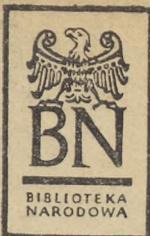

Р

261944

